

Дети Хурина

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р. Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

<L> смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда — Бретиль (*Brethil*), Мелькор (*Melkor*), но Ульмо (*Ulmo*).

<TH> обозначает глухой звук [θ], <DH> обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое *th, dh* через «т» и «д» соответственно. Например — Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

<PH> в середине некоторых слов обозначает [ff] (возникшее из [pp]): Эффель Брандир (*Ephel Brandir*).

<E> обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

— на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*)).

— в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эол (*Eöl*).

— на стыке двух корней: например, Арэдель (*Aredhel*), Аданэдель (*Adanedhel*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: например, Берен (*Beren*), Белерианд (*Beleriand*), Нуменор (*Númenor*).

Буква <Y> в словах, заимствованных из синдарского и номского языков, обозначает звук, в русском языке передающийся буквой «ю»: например, Эхад и Седрюн (*Echad i Sedryn*).

В Указателе после каждого слова в скобках дается написание латиницей (как в оригинале), для упрощения соотнесения ономастики оригинала и перевода.

Цитаты из «Биографии» Х. Карпентера и «Писем» Дж. Р. Р. Толкина приводятся по русскоязычным изданиям:

Карпентер Х. Джон Р. Р. Толкин. Биография / Пер. А. Хромовой. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.

Толкин Дж. Р. Р. Письма / Под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. С. Лихачевой. М.: ЭКСМО, 2004.

В случае внутритекстовых ссылок на тома серии «История Средиземья» (*The History of Middle-earth*, далее — HOME), на «Неоконченные предания» (*Unfinished Tales of Númenor and Middle-earth*) и на «Сильмариллион» (*The Silmarillion*), номера страниц по умолчанию соответствуют англоязычным изданиям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многим читателям «Властелина Колец» легенды Древних Дней (опубликованные ранее в разных формах в составе «Сильмариллиона», «Утраченных преданий» и «Истории Средиземья») известны разве что понаслышке — как нечто странное и невразумительное по стилю и манере изложения. Вот почему мне давно хотелось представить полную версию легенды о детях Хурина как самостоятельное произведение, отдельным изданием, сведя к минимуму объем авторских комментариев, а главное — в виде связного, непрерывного повествования, без лакун и сбоев, — если такое возможно без искажения или дописывания, ведь отдельные фрагменты так и остались неоконченными.

Мне подумалось, что если преподнести в таком виде рассказ о судьбе Турина и Ниэнор, детей Хурина и Морвен, тем самым словно распахнется окно и взгляду предстанут декорации и сюжет, помещенные в неизведанное Средиземье — живые, яркие, непосредственные, однако же задуманные как наследие далеких веков: затонувшие западные земли за Синими горами, где в пору юности бродил Древоброд, жизнь Турина Турамбара в Дор-ломине, Дориате, Нарготронде и Бретильском лесу.

Эта книга адресована в первую очередь тем читателям, которые, возможно, помнят, что пронзить шкуру Шелоб «не хватило бы сил человеческих, даже если бы сталь выковали эльф или гном, а сжимала клинок рука Берена либо Турина», или что в Ривенделле Эльронд, обращаясь к Фродо, назвал Турина «одним из могучих друзей эльфов далекого прошлого»; однако ничего больше о Турине не знают.

Мой отец еще в юности, в годы Первой мировой войны и задолго до того, как возникли первые наброски историй, впоследствии составивших повествование «Хоббита» и «Властелина Колец», начал создавать сборник легенд под названием «Книга утраченных сказаний». Это было его первое художественное произведение — произведение весьма объемное, ведь даже оставшись незавершенным, оно включает в себя четырнадцать законченных преданий. Именно в «Книге утраченных сказаний» появляются Боги, или Валар, эльфы и люди как Дети Илуватара (Создателя), Мелькор-Моргот, великий Враг, балроги и орки, а также земли, в которых развивается действие — Валинор, «земля Богов» за западным океаном, и «Великие земли» (расположенные между морями востока и запада и впоследствии названные Средиземьем).

Три легенды в книге оказались значительно длиннее и полнее других, и во всех трех речь идет как о людях, так и об эльфах. Это «Сказание о Тинувиэли» (записанное отцом в 1917 году; в сжатом виде оно приводится во «Властелине Колец»: на Заветери Арагорн рассказывает хоббитам историю Берена и Лутиэн); «Турамбар и Фоалокз» (о Турине Турамбаре и Драконе; это сказание, несомненно, было создано уже к 1919 году, если не раньше) и «Падение Гондолина» (1916–1917 гг.). В часто цитируемом фрагменте длинного письма, написанного отцом в 1951 году, за три года до публикации «Властелина Колец» и объясняющего, что представляет собой его роман, отец рассказывает о своем исходном замысле: «...Некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более или менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали великолепие на столь обширном фоне... Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла».

Отсюда явствует, что отец с самого начала именно так представлял себе будущий «Сильмариллион»: часть «Сказаний» предстояло изложить гораздо более полно. Действительно, в том же письме от 1951 года отец однозначно ссылается на три вышеупомянутые легенды как на самые пространные в «Книге утраченных сказаний». Здесь же он называет повесть о Берене и Лутиэн «главным из преданий «Сильмариллиона»» и говорит о ней: «...История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она — одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает». «В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные, — пишет отец дальше, — и почти столь же самодостаточные — и, однако ж, связанные с историей в целом»: «Дети Хурина» и «Падение Гондолина».

Таким образом, из собственных слов моего отца бесспорно явствует: если бы ему удалось закончить повествование в желаемом ему объеме, он воспринимал бы три «Великих Предания» Древних Дней (о Берене и Лутиэн, о детях Хурина и о падении Гондолина) как произведения вполне самодостаточные и не требующие знакомства с обширным корпусом легенд, известным как «Сильмариллион». С другой стороны, как отмечал отец в том же письме, сказание о детях Хурина неразрывно связано с историей эльфов и людей в Древние Дни и неизбежно содержит в себе изрядное количество ссылок на события и обстоятельства предания более масштабного.

Замысел данной книги никоим образом не предполагает обременять читателя избытком примечаний, содержащих в себе сведения о персонажах и событиях, которые в любом случае редко по-настоящему значимы для повествования как такового. Однако некоторые разъяснения необходимы; соответственно, я привожу во «Введении» сжатое описание Белерианда и населяющих его народов в конце Древних Дней, когда родились Турин и Низнор; и в придачу к карте Белерианда и северных земель прилагаю список имен и названий, встречающихся в тексте, с краткими пояснениями к каждому, и упрощенные генеалогии.

В конце книги помещено Приложение в двух частях: в первой рассказывается о попытках отца создать окончательный вариант трех вышеупомянутых легенд, а во второй — о составлении текста данной книги, который во многом отличается от варианта «Неоконченных преданий».

Я глубоко признателен моему сыну Адаму Толкину за неоценимую помощь в упорядочении и компоновке материала во Введении и Приложении и за внедрение книги в устрашающий (для меня) мир электронных носителей.

ВВЕДЕНИЕ

Характер Турина всегда был исполнен огромной значимости в глазах моего отца. В диалогах прямых и непосредственных он рисует живой и яркий портрет Турина-ребенка, существенно важный для понимания повествования в целом: его суровый, чуждый легкомысленному веселью нрав, его острое чувство справедливости и сострадательность; а также Хурина — порывистого, жизнерадостного весельчака, и Морвен, матери Турина — сдержанной, храброй и гордой; и живописует жизнь усадьбы в холодном краю Дор-ломин на протяжении лет, уже омраченных страхом, после того, как Моргот прорвал Осаду Ангбанда — еще до рождения Турина.

Но все это — события Древних Дней, Первой Эпохи мира, произошедшие во времена невообразимо далекие. Ощущение временной бездны, в которую уходит корнями эта история, убедительно передано в достопамятном отрывке из «Властелина Колец». На великом совете в Ривенделле Эльронд рассказывает о Последнем Союзе эльфов и людей и о поражении Саурона в конце Второй Эпохи, более трех тысяч лет назад:

На том Эльронд надолго умолк — и вздохнул.

— Ясно, как наяву, вижу я великолепие их знамен, — промолвил он. — Столь много великих владык и вождей собралось там! — глядя на них, вспоминал я славу Древних Дней. И однако ж не столь много и не столь блистательных, как в ту пору, когда рухнул Тангородрим, и подумалось эльфам, будто злу навеки положен конец — но они заблуждались.

— Ты помнишь? — потрясенно воскликнул Фродо, не замечая, что говорит вслух. — Но мне казалось... — смущенно пробормотал он, едва Эльронд обернулся к нему, — мне казалось, Гиль-галад погиб давным-давно — целую эпоху назад.

— Воистину так, — печально отозвался Эльронд. Но в памяти моей живы и Древние Дни. Отцом моим был Эарендиль, рожденный в Гондолине до того, как пал город; а матерью — Эльвинг, дочь Диора, сына Лутиэн Дориатской. Перед моими глазами прошли три эпохи на Западе мира, и множество поражений, и множество бесплодных побед.

Примерно за шесть с половиной тысяч лет до Совета Эльронда в Ривенделле родился в Дор-ломине Турин — он «рожден зимой», как говорится в «Анналах Белерианда», и «его появление на свет сопровождается мрачными знаменами».

Но трагедия жизни Турина никоим образом не объясняется исключительно особенностями его личности: ведь Турин был обречен жить в тенетах злого воздействия могучей и непостижимой силы — проклятия ненависти, наложенного Морготом на Хурина, Морвен и их детей, поскольку Хурин так и не покорился его воле. А Моргот, Черный Враг, как со временем его стали называть, изначально, — как сообщает он захваченному в плен Хурину, — «Мелькор, первый и могущественнейший среди Валар; тот, кто был до сотворения мира». Теперь же, навсегда воплотившись в обличье гигантское и величественное, но ужасное, он, король северо-западных областей Средиземья, телесно пребывает в своей огромной твердыне Ангбанд, Железные Преисподни: над вершинами Тангородрима, гор, воздвигнутых им над Ангбандом, курится черный смрад, что пятнает северное небо и виден издалека. В «Анналах Белерианда» сказано, что «врата Моргота находились всего лишь в ста пятидесяти лигах от Менегротского моста; далеко, и все же слишком близко». Здесь имеется в виду мост, подводящий к чертогам эльфийского короля Тингола, который принял Турина на воспитание; чертоги эти звались Менегрот, Тысяча Пещер, и располагались далеко на юго-востоке от Дор-ломина.

Однако, как существу воплощенному, Морготу был ведом страх. Мой отец писал о нем так: «...В то время как росла его злоба, росла и воплощалась в лживых наветах и злобных тварях, таяла, перетекая в них же, и его сила — таяла и рассеивалась; и все неразрывней становилась его связь с землей; и не желал он более покидать свои темные крепости». Когда Финголфин, Верховный король эльфов-нолдор, один поскакал к Ангбанду и вызвал Моргота на поединок, он воскликнул у врат: «Выходи, о ты, малодушный король, сразись собственной рукою! Житель подземелий, повелитель рабов, лжец, затаившийся в своем логове, враг Богов и эльфов, выходи же! Хочу я взглянуть тебе в лицо, трус!». И тогда (как рассказывают) «Моргот вышел. Ибо не мог он отвергнуть вызов перед лицом своих полководцев». Сражался он могучим молотом Гронд, и при каждом ударе в земле оставалась громадная яма, и поверг он Финголфина наземь; но, умирая, Финголфин пригвоздил гигантскую ступню Моргота к земле, «и хлынула черная кровь, и затопила выбоины, пробитые Грондом. С тех пор Моргот хромал». Также, когда Берен и Лутиэн, в обличье волка и летучей мыши, пробрались в глубинный чертог Ангбанда, где на троне восседал Моргот, Лутиэн навела на него чары: и «пал Моргот — так рушится смятый лавиной холм; с грохотом низвергся он со своего трона и распростерся, недвижим, на полу подземного ада. Железная корона откатилась в сторону, прогремело и угасло эхо».

Проклятие такого существа, способного утверждать, будто «тень моего замысла лежит на Арде [Земле], и все, что только есть в ней, медленно и неуклонно подпадает под мою власть», — не то же самое, что проклятия или недобрые пожелания созданий гораздо менее могущественных. Моргот не «призывает» зло или бедствия на Хурина и его детей, он не «обращается» к высшим силам, прося о посредничестве: ибо «Владыка судеб Арды», как он называет себя Хурина, намерен привести врага к гибели мощью своей собственной исполинской воли. Так он «созидает» будущее тех, кого ненавидит, и говорит Хуину: «Все, кто тебе дорог, ощутят тяжкий гнет моей мысли, точно *мглистое марево Рока*, и ввергнуты будут во тьму отчаяния».

Пытка, придуманная им для Хурина, — «видеть глазами Моргота». Отец пояснил, что это значит: если принудить кого-то посмотреть Морготу в глаза, жертва станет «видеть» (или воспринимать в сознании через разум Моргота) крайне убедительную картину событий, искаженную Морготовой беспредельной злобой; и если кому-то и удалось бы воспротивиться повелению Моргота, то не Хуину. Отчасти потому (как объяснял отец), что Хурин, горячо любя своих близких и измученный тревогой за них, стремился узнать о них хоть что-нибудь из любого источника. Отчасти же причиной была гордыня: Хурин полагал, что одолел Моргота в споре и теперь сумеет «переглядеть» его или по крайней мере сохранит способность мыслить критически и отличать истину от злобных домыслов.

На протяжении всей жизни Турина после ухода из Дор-ломина и всей жизни его сестры Ниэнор, никогда не видевшей отца, Хурин пребывал в неподвижности на одной из вершин Тангородрима и ожесточался все сильнее волею своего мучителя.

В сказании о Турине, который нарек себя Турамбаром, «Победителем Судьбы», проклятие Моргота представляется некоей высвобожденной силой, которая творит зло, выискивая своих жертв; сам падший Вала страшится, как бы Турин «не обрел такое могущество, что проклятие, на него наложенное, утратит силу и избежит он участи, ему назначенной» (). Впоследствии, в Нарготронде, Турин скрывает свое истинное имя, а когда Гвиндор разоблачает его, приходит в гнев: «Худо поступил ты со мною, друг, выдав мое настоящее имя и призвав на меня судьбу мою, от которой я тщуся укрыться». Именно Гвиндор еще раньше рассказал Турину о слухах, передающихся из уст в уста в Ангбанде, где Гвиндор томился в плену: дескать, Моргот наложил проклятие на Хурина и на весь его род. Теперь же Гвиндор отвечает на яростные упреки Хурина словами: «Судьба заключена не в твоём имени, а в тебе самом».

Эта сложная концепция играет в предании роль настолько значимую, что отец даже придумал для него альтернативное название: «*Нарн э'Рах Моргот*, Повесть о Проклятии Моргота». Авторская интерпретация заключена в следующих словах: «На том завершилась повесть о Турине злосчастном; худшее из деяний Моргота среди людей древнего мира».

Древобрад, шагая через лес Фангорн и неся на согнутых руках-ветках Мерри и Пиппина, пел хоббитам о местах, знакомых ему в далеком прошлом, и о росших там деревьях:

В ивовых лугах Тасаринана бродил я весной. А! Краса и благоухание весны в Нан-тасарионе! И говорил я: здесь хорошо. Летом скитался я в вязовых рощах Оссирианда. А! Свет и музыка лета в Семиречье Оссира! И думалось мне: здесь — всего лучше. К букам Нельдорета приходил я по осени. А! Золото и багрянец, и вздохи листья по осени в Таур-на-Нельдоре! Чего еще мог я желать? К сосновым нагорьям Дортониона я поднимался зимой. А! Ветер и белизна, и черные ветви зимы на Ород-на-Тоне! Голос мой ввысь летел и пел в поднебесье. Ныне же все эти земли погребены под волной. Я же брожу в Амбароне, в Таурэморне, в Алдаломэ, в моих владениях, в краю Фангорна, где долги корни, а годы бесчисленны, что листья в Таурэморналомэ.

Память Древобрада, «энта землерожденного, давнего, как горы», и впрямь долгая. Он вспоминает древние леса в обширном краю Белерианд, уничтоженные в ходе Великой Битвы в конце Древних Дней. Великое море нахлынуло и затопило все земли к западу от Синих гор, именуемых Эред Луин и Эред Линдон; так что карта, прилагаемая к «Сильмариллиону», заканчивается этой горной цепью на востоке, в то время как карта, прилагаемая к «Властелину Колец», ею же ограничена на западе. Прибрежные земли за Синими горами, на второй карте названные Форлиндон и Харлиндон (Северный Линдон и Южный Линдон) — вот и все, что в Третью Эпоху осталось от области, называемой как Оссирианд, Земля Семи Рек, так и Линдон: там, в буковых лесах, и бродил некогда Древобрад.

Бродил он также и среди гигантских сосен в нагорьях Дортониона (Земля Сосен), что впоследствии стали называться Таур-ну-Фуин, Лес под покровом Ночи, когда Моргот превратил Дортонион в «средоточие страха и темных чар, морока и отчаяния» (); приходил и в Нельдорет, северные леса Дориата, владения Тингола.

Именно в Белерианде и в землях к северу завершается страшная судьба Турина; действительно, и Дортонион, и Дориат, где бродил Древобрад, в жизни Турина сыграли ключевую роль. Турин

родился на свет в эпоху войн, хотя на момент последней и величайшей из битв Белерианда был еще ребенком. Краткое описание этих событий ответит на все возникающие вопросы и объяснит ссылки, встречающиеся по ходу повествования.

На севере границы Белерианда, по всей видимости, обозначены горами Тени, Эред Ветрин, а за ними лежат владения Хурина, Дор-ломин как часть Хитлума; на востоке Белерианд простирается вплоть до подножия Синих гор. Земли, находящиеся еще дальше к востоку, в истории Древних Дней почти не фигурируют; однако народы, эту историю создававшие, пришли с востока через перевалы Синих гор.

Эльфы пробудились далеко на востоке, на берегах озера под названием Куивизнен, Вода Пробуждения; Валар же призвали эльфов покинуть Средиземье, пересечь Великое море и явиться в землю Богов, в Благословенное Королевство Аман на западе мира. Вала Оромэ, Охотник, повел в великий поход от озера Куивизнен через все Средиземье тех, кто внял призыву. Их называют эльдар, это — эльфы Великого Странствия, Высокие эльфы — в отличие от тех, кто не внял призыву и предпочел жить в Средиземье, связав с ним свою судьбу. Это «меньшие эльфы», именуемые авари, Непожелавшие.

Но не все эльдар, даже перейдя через Синие горы, отплыли за Море; тех, что остались в Белерианде, называют синдар, Серые эльфы. Их верховным королем стал Тингол (что значит «Серый плащ»): он правил из Менегрота, Тысячи Пещер в Дориате. Также не все эльдар, переплывшие Великое море, остались в земле Валар; ибо нолдор («Хранители знания») — один из великих родов — вернулись в Средиземье: их называют Изгнанниками. Вдохновителем их мятежа против Валар стал Феанор, «Дух Огня»: старший сын Финвэ (сам Финвэ, что некогда вел народ нолдор от озера Куивизнен, к тому времени погиб). Это ключевое событие в истории эльфов вкратце изложено моим отцом в Приложении А к «Властелину Колец»:

Феанор был величайшим из эльдар и в мастерстве, и в мудрости, но также превосходил всех прочих гордыней и своеволием. Он сработал Три Самоцвета, *Сильмарилли*, и наполнил их сиянием Двух Древ, Тельперииона и Лаурелина, что освещали земли Валар. Враг Моргот возжелал тех Самоцветов, похитил их и, уничтожив Древа, унес камни в Средиземье и надежно сокрыл их в своей могучей твердыне Тангородрима [скал над Ангбандом]. Вопреки воле Валар Феанор покинул Благословенное Королевство и отправился в изгнание в Средиземье, уводя с собой большую часть соплеменников; ибо в гордыне своей замыслил он силой отвоевать у Моргота Самоцветы. Так началась безнадежная война эльдар и эдайн против Тангородрима, в которой они в конце концов были разбиты наголову.

Вскоре после возвращения нолдор в Средиземье Феанор погиб в битве. Его семеро сыновей владели обширными землями на востоке Белерианда, между Дортонионом (Таур-ну-Фуин) и Синими горами; но их мощь была уничтожена в Битве Бессчетных Слез, описанной в «Детях Хурина», и впоследствии «Сыны Феанора скитались по свету, точно листья, гонимые ветром» ().

Второй сын Финвэ, Финголфин, единокровный брат Феанора, считался верховным владыкой всех нолдор; он и его сын Фингон правили Хитлумом, что протянулся на северо-запад от хребта Эред Ветрин, гор Тени. Финголфин жил в Митримере, у великого озера с тем же названием, в то время как Фингон правил в Дор-ломине на юге Хитлума. Их главная крепость, Барад Эйтель (Башня Источника) стояла в месте Эйтель Сирион (Исток Сириона), где река Сирион брала начало на восточном склоне гор Тени: Садор, старый увечный слуга Хурина и Морвен, много лет прослужил там воином, как сам он рассказывал Турину (с. 45–46). После гибели Финголфина в поединке с Морготом Фингон стал Верховным королем нолдор. Турину довелось однажды увидеть Фингона своими глазами, когда тот «и многие его лорды пересекли Дор-ломин и проехали по мосту через Нен Лалайт, в искристом блеске серебра и белизны» ().

Вторым сыном Финголфина был Тургон. Поначалу, после возвращения нолдор, он жил в чертогах под названием Виньямар у моря в краю Невраст, к западу от Дор-ломина; тем временем он тайно отстроил сокрытый город Гондолин — на холме посреди равнины Тумладен, в кольце Окружных гор к востоку от реки Сирион. Когда же, после многолетних трудов, возведен был Гондолин, Тургон покинул Виньямар и вместе со своим народом, как нолдор, так и синдар, поселился в Гондолине. На протяжении многих веков эта красивейшая эльфийская цитадель была окружена глубочайшей тайной: единственный вход в нее, надежно сокрытый от глаз, бдительно охранялся, так что никто чужой внутрь проникнуть не мог; и Морготу никак не удавалось выведать, где находится город. Лишь через триста пятьдесят с лишним лет после ухода из Виньямара, Тургон и его великая армия вышли из Гондолина — на Битву Бессчетных Слез.

Третий сын Финвэ, брат Финголфина и единокровный брат Феанора, звался Финарфин. Он не вернулся в Средиземье, но его сыновья и дочь ушли вместе с воинством Финголфина и его сыновей. Старший сын Финарфина, Финрод, вдохновленный красотой и великолепиям Менегрота в Дориате, отстроил подземный город-крепость Нарготронд, почему и был наречен Фелагундом, что означает «Владыка Пещер», или «Прорубающий пещеры» на языке гномов. Врата Нарготронда выводили в ущелье реки Нарог в Западном Белерианде, там, где эта река протекала сквозь высокие нагорья под названием Таур-эн-Фарот, или Высокий Фарот; но владения Финрода простирались вдаль и вширь,

на восток до реки Сирион и на запад до реки Неннинг, что впадала в море у гавани Эгларест. Финрод погиб в подземельях Саурона, главного прислужника Моргота, и корона Нарготронда перешла к Ородрету, второму сыну Финарфина: это произошло на следующий год после того, как в Дор-ломине родился Турин.

Оставшиеся сыновья Финарфина, Ангрод и Аэгнор, вассалы своего брата Финрода, обосновались в Дортонионе: с северных его склонов хорошо просматривалась обширная равнина Ард-гален. Галадриэль, сестра Финрода, долго жила в Дориате у королевы Мелиан. Мелиан была из числа Майар — могущественных духов, но приняла обличье, подобное человеческому, и поселилась в лесах Белерианда с королем Тинголом; она стала матерью Лутиэн и прародительницей Эльронда. Незадолго до возвращения нолдор из Амана, когда бесчисленные ангбандские полчища двинулись на юг в Белерианд, Мелиан (как говорится в «Сильмариллионе») «призвала на помощь свое могущество и оградила весь этот край [леса Нельдорета и Региона] незримой стеною тени и морока; и никто впредь не мог пройти через Пояс Мелиан вопреки ее воле либо вопреки воле короля Тингола; для этого нужно было обладать силой большей, нежели у Мелиан из рода Майар». Впоследствии землю эту называли Дориат, Земля Ограждения.

На шестидесятый год после возвращения нолдор долгий мир был нарушен: громадное войско орков вышло из Ангбанда, но было наголову разбито и уничтожено силами нолдор. Это сражение получило название Дагор Аглареб, Славная Битва; однако эльфийские владыки вняли предостережению и взяли Ангбанд в осаду. Осада Ангбанда продлилась почти четыре сотни лет.

Говорится, будто люди (эльфы называли их *атани*, «Второй народ», и *хильдор*, «Пришедшие Следом») пробудились далеко на востоке Средиземья уже на исходе Древних Дней; но о временах на заре своей истории люди, вступившие в Белерианд в пору Долгого Мира, пока Ангбанд был осажден и ворота его оставались закрыты, говорить отказывались. Вождь людей, переваливших через Синие горы ранее прочих, звался Беор Старый; Финроду Фелагунду, королю Нарготронда, который первым обнаружил пришлецов, Беор объявил: «Тьма лежит за нами; но мы отвернулись от нее и не желаем возвращаться к ней даже в мыслях. К Западу обратились сердца наши, и верим мы, что там обретем Свет». Примерно в том же ключе Садор, старый слуга Хурина, беседовал с маленьким Туринем (). Но впоследствии говорилось, что, едва узнав о появлении людей, Моргот в последний раз покинул Ангбанд и отправился на Восток и что люди, первыми пришедшие в Белерианд, «раскалялись и восстали против Темной Власти, и были жестоко преследуемы и угнетаемы теми, кто поклонялся ей, и ее прислужниками».

То были люди трех Домов, известных как Дом Беора, Дом Хадора и Дом Халет. Отец Хурина Гаддор Высокий происходил из Дома Хадора и приходился Хадору сыном; мать Хурина была из Дома Халет, а жена Хурина Морвен принадлежала к Дому Беора и состояла в родстве с Береном.

Люди Трех Домов, *эдайн* (форма слова *атани* на языке синдар), назывались Друзьями эльфов. Хадор поселился в Хитлуме; король Финголфин передал ему бразды правления Дор-ломином; народ Беора обосновался в Дортонионе, а народ Халет в ту пору жил в лесу Бретиль. По окончании Осады Ангбанда через горы пришли совсем другие люди, обыкновенно называемые восточанами; некоторые из них сыграли важную роль в истории Турина.

Осада Ангбанда завершилась пугающе внезапно (хотя готовились к тому долго) через триста девяносто пять лет после ее начала, в одну из ночей середины зимы. Моргот обрушил вниз с Тангородрима реки огня, и обширная травянистая равнина Ард-гален, раскинувшаяся к северу от нагорья Дортонион, превратилась в выжженную пустыню, впоследствии известную под новым именем, *Анфауглит*, Удушливая Пыль.

Эта сокрушительная атака получила название *Дагор Браголлах*, Битва Внезапного Пламени. Глаурунг, Праотец Драконов, впервые явился из Ангбанда в расцвете мощи; на юг хлынули бесчисленные полчища орков; эльфийские владыки Дортониона погибли, а с ними и значительная часть воинов народа Беора. Короля Финголфина и его сына Фингона вместе с воинами Хитлума оттеснили к крепости Эйтель Сирион на восточном склоне гор Тени; при ее обороне погиб Хадор Златовласый. Тогда Гаддор, отец Хурина, стал правителем Дор-ломина, ибо путь огненным потокам преградили горы Тени, и Хитлум с Дор-ломином остались непокоренными.

В год после Браголлах Финголфин, ослепленный отчаянием, поскакал к Ангбанду и бросил Морготу вызов. Два года спустя Хурин и Хуор побывали в Гондолине. Спустя еще четыре года, в ходе нового нападения на Хитлум, в крепости Эйтель Сирион был убит отец Хурина Гаддор: Садор, как сам он рассказывал Турину (), был там и видел, как Хурин (в ту пору юноша двадцати одного года от роду) «принял власть и возглавил оборону».

Все эти события были еще свежи в памяти людей Дор-ломина, когда родился Турин — через девять лет после Битвы Внезапного Пламени.

ПРИМЕЧАНИЕ О ПРОИЗНОШЕНИИ

Нижеследующее примечание имеет целью прояснить несколько основных принципов в том, что касается произношения имен.

<C> всегда произносится как [k], никогда как [s]; так, *Celebros* читается как «Келеброс», а не «Селеброс».

<CH> всегда обозначает тот же звук, что <ch> в шотландском *loch* или немецком *buch*, но не в английском *church*; например, *Anach* (Анах), *Narn i Chîn Húrin* (Нарн и Хин Хурин).

<DH> всегда обозначает звук, соответствующий звонкому (палатализованному) <th> в английском языке, то есть <th> как в *then*, не как в *thin*. Например: *Glóredhel* (Глорэдель), *Eledhwen* (Эледвен), *Maedhros* (Маэдрос).

<G> всегда произносится как <g> в английском слове *get*. Так, *Region* (Регион) произносится иначе, нежели английское *region*, а в начале названия *Ginglith* (Гинглит) <g> произносится так, как в английском *begin*, а не как в *gin*.

<AI> произносится как английское *eye*; так, во втором слоге слова *Edain* (эдайн) прочитывается как в английском *dine*, но не *Dane*.

<AU> соответствует английскому <ow> в слове *town*; так, первый слог в *Sauron* (Саурон) прочитывается как английское *sour*, но не *sore*.

<EI> соответствует звуку в английском *grey* — как в *Teiglin* (Тейглин).

<IE> не следует произносить как в английском *piece*: необходимо последовательно озвучивать оба гласных, как *i*, так и *e*; так, *Nienor* произносится как «Ниэнор», но не как «Нинор».

<AE> как в *Aegnor* (Аэгнор), *Nirnaeth* (Нирнаэт) — это сочетание двух отдельных гласных, *a-e*; однако возможно произносить их так же, как <AI>.

<EA> и <EO> не сливаются вместе, но образуют два слога; такие сочетания графически передаются как *ěa* и *ěo* (например, в *Bëor* (Беор)), либо, в начале слов, как *Eä*, *Eö* (например, в *Eärendil* (Эарендиль)).

<Ú> в таких именах, как *Húrin* (Хурин), *Turin* (Турин) этот звук произносится как долгое [u:]; таким образом, произносить следует «Турин», а не «Тьюрин».

<IR>, <UR> перед согласным (как в именах *Círdan* (Кирдан), *Gurthang* (Гуртанг)) следует произносить не так, как в английском *fir*, *fur*, но так, как в английском *eer*, *oor*.

<E> на конце слов всегда произносится, причем в этой позиции пишется как *ë*. Также всегда произносится в середине слов, как в *Celebros* (Келеброс), *Menegroth* (Менегрот).

Глава I

ДЕТСТВО ТУРИНА

Хадор Златовласый был правителем эдайн; и весьма благоволили к нему эльдар. Прожил он отпущенный ему срок под властью Финголфина, каковой наделил его обширными землями в той области Хитлума, что звалась Дор-ломин. Дочь Хадора Глорэдель стала женой Халдира, сына Халмира, владыки людей Бретиля; и на том же празднестве сын Хадора Галдор Высокий взял в жены Харет, дочь Халмира.

У Галдора и Харет было двое сыновей, Хурин и Хуор. Хурин был тремя годами старше, однако ж уступал в росте прочим своим сородичам; в том пошел он в народ своей матери, а во всем остальном походил на Хадора, своего деда — силен был и крепок, и наделен к тому же горячим нравом. Но огонь в душе его горел ровно и ясно, и обладал Хурин великой стойкостью воли. Из всех людей Севера он более всех прочих посвящен был в замыслы нолдор. Брат его Хуор ростом превосходил любого из эдайн, кроме лишь собственного своего сына Туора; был он быстр на ногу, но ежели дорога предстояла долгая и тяжкая, Хурин обгонял его, ибо под конец бежал столь же скоро, как и в начале, нимало не уставая. Братья любили друг друга великой любовью и в юности почти не разлучались.

Хурин взял в жены Морвен, дочь Барагунда, сына Бреголаса из Дома Беора; она же приходилась близкой родней Берену Однорукому. Морвен была высока и темноволоса, и за ясный свет ее глаз и красоту черт люди прозвали ее Эледвен, то есть по-эльфийски — прекрасная; однако ж нрав у нее был суровый и гордый. Горести Дома Беора омрачили ее сердце, ведь изгнанницей пришла она в Дор-ломин из Дортониона после разгрома Браголлах.

Турином звался старший из детей Хурина и Морвен; родился он в тот самый год, когда Берен пришел в Дориат и повстречал Лутиэн Тинувиэль, дочь Тингола. Морвен родила Хурину и дочь, именем Урвен; но все, кто знал девочку на протяжении недолгой ее жизни, звали ее Лалайт, то есть Смех.

Хуор взял в жены Риан, двоюродную сестру Морвен; она приходилась дочерью Белегунду, сыну Бреголаса. Волею злой судьбы родилась она в ту горькую пору, ибо наделена была сердцем кротким и нежным и не любила ни охоты, ни войны. Любовью дарила она деревья и дикие цветы, а еще — пела и слала песни. Два месяца лишь прожила она в браке с Хуором, прежде чем отправился он вместе с братом на битву Нирнаэт Арноэдиад, и более она его не видела.

Теперь же речь вновь пойдет о Хурине и Хуоре в дни их юности. Говорится, что до поры сыны Галдора жили в Бретице на воспитании у Халдира, своего дяди, по обычаю северян тех времен. Часто ходили братья вместе с воинами Бретиля на битву с орками, что ныне опустошали северные границы той земли: Хурин, хотя исполнилось ему только семнадцать годов, был силен и крепок, а младший, Хуор, ростом не уступал взрослым мужам того народа.

Однажды Хурин и Хуор отправились в леса с отрядом разведчиков, но отряд угодил в орочью засаду и был разбит, и враги преследовали братьев до брода Бритиах. Там захватили бы их в плен либо убили, если бы не могущество Ульмо, что по-прежнему заключали в себе воды Сириона; говорится, будто над рекою поднялся туман и укрыл сыновей Галдора от врагов: они перешли Бритиах и оказались в Димбаре. Там блуждали они, терпя великие лишения, среди холмов под сенью отвесных стен Криссаэгрима, пока не заплутали среди мороков той земли, не зная пути ни вперед, ни назад. Но углядел их Торондор и выслал им на помощь двух Орлов; Орлы подхватили братьев и перенесли их через Окружные горы в потаенную долину Тумладен, в сокрытый город Гондолин, где не бывал доселе никто из смертных.

Добрый прием оказал гостям король Тургон, узнав, какого они рода; ибо Хадор был Другом эльфов, а кроме того, Ульмо загодя присоветовал ему ласково обойтись с сыновьями этого Дома, от коих придет помощь в час нужды. Хурин и Хуор прогостили во дворце Тургона без малого год; и говорится, что за это время Хурин, наделенный живым, пытливым умом, перенял многие знания эльфов и постиг отчасти намерения и замыслы короля. Тургон очень привязался к сыновьям Галдора; подолгу беседовал он с ними и воистину желал оставить их в Гондолине из любви к ним, а не только потому, что закон гласил: никто чужой, будь то эльф или смертный, отыскав путь в потаенное королевство и увидев город, не покинет Гондолина вновь, до тех пор, пока сам король не откроет врата и сокрытый народ не выйдет на свет.

Но Хурин и Хуор желали вернуться к своему народу, дабы сражаться в войнах и разделить невзгоды, выпавшие на его долю. И сказал Хурин Тургону:

— Государь, мы — всего лишь смертные, не схожи мы с эльдар. Эльфы могут терпеливо выжидать на протяжении долгих лет, пока не пробьет час великих битв; но наш срок краток, быстро иссякают

надежда наша и силы. Не сами нашли мы путь в Гондолин и даже не знаем доподлинно, где находится город; страх и изумление владели нами, пока несли нас Орлы дорогами ветров; по счастью, затуманен был наш взор.

Тогда Тургон внял их просьбе и отвечал так:

— Тем путем, каким прибыли вы сюда, вольны вы и вернуться, ежели согласится Торондор. Горько мне расставаться с вами, однако, может статься, в скором времени, по меркам эльдар, встретимся мы вновь.

Уход их нисколько не огорчил Маэглина, сына сестры короля, что пользовался в Гондолине немалой властью; однако недоволен остался Маэглин королевской снисходительностью, ибо не жаловал весь людской род; и сказал он Хурину:

— Милость короля больше, нежели ты думаешь; впору подивиться, с какой бы стати отменять закон ради людского отродья. Надежнее оно вышло бы, кабы не было у двух мужланов иного выбора, кроме как остаться здесь на положении наших слуг до конца жизни.

— Воистину, велика милость короля, — отвечал Хурин, — но если нашего слова недостаточно — мы поклянемся.

И братья дали клятву вовеки не разглашать замыслов короля и молчать обо всем, что видели во владениях Тургона. И распрощались они; и прилетели Орлы, и унесли сыновей Галдора под покровом ночи, и опустили их в Дор-ломине еще до рассвета. Обрадовалась братьям родня их, ибо гонцы из Бретиля уже сообщили, что те сгинули без вести; но даже отцу своему не открыли Хурин с Хуором, где пробыли все это время — сказали только, что в глуши пришли им на помощь орлы и отнесли их домой. На это молвил Галдор:

— Стало быть, прожили вы в глуши целый год? Или, может, орлы приютили вас в своих гнездах? Но нет: нашли вы пропитание и богатые одежды, и возвращаетесь разряженные, что юные принцы, а отнюдь не оборванными бродягами лесными.

— Доволен будь, отец, — отвечал на это Хурин, — что мы возвратились, ибо дозволено это было только в силу обета молчания. Клятве своей верны мы и ныне.

И Галдор не расспрашивал их более; однако и он, и многие другие догадывались об истине. И обет молчания, и Орлы наводили на мысль о Тургоне; так думали про себя люди.

Шли дни, и росла и удлинялась тень страха перед Морготом. Но в четириста шестьдесят девятом году после возвращения нолдор в Средиземье пробудилась среди эльфов и людей надежда; прошел среди них слух о деяниях Берена и Лутиэн и о том, как посрамлен Моргот — на собственном своем троне в Ангбанде; а иные уверяли, что Берен и Лутиэн до сих пор живы, а не то так воскресли из мертвых. В тот же год великие замыслы Маэдроса уже близились к завершению: благодаря возродившейся силе эльдар и эдайн остановлен был натиск Моргота, а орки выдворены из Белерианда. Заговорили в ту пору о грядущих победах и о воздаянии за Битву Браголлах, когда Маэдрос поведет в бой объединенные воинства и загонит Моргота под землю и намертво запечатает Врата Ангбанда.

Но мудрых по-прежнему одолевала тревога: опасались они, что Маэдрос слишком рано явил свою растущую силу и что у Моргота достанет времени измыслить, как совладать с ним.

— В Ангбанде то и дело рождается новое зло, коего не предугадать эльфам и людям, — говорили они.

Осенью того же года, в подтверждение их слов, тлетворный ветер налетел с Севера под свинцово-серыми небесами. Моровое Дыхание называли его, ибо нес он в себе пагубу, и на исходе года многие занедужили и умерли в северных землях, граничащих с равниной Анфауглит — по большей части дети и подростки.

В тот год Турину, сыну Хурина, было только пять лет от роду, а сестре его Урвен в начале весны исполнилось три. Волосы у нее были, что золотые лилии в траве, когда резвилась она в полях, а смех звенел, что голос реки, которая рождалась в холмах и, весело журча, протекала под стенами ее отчего дома. Нен Лалайт нарекли ту речку, и по ней все домочадцы называли дитя Лалайт, и светлело у них на душе при виде девочки.

Турина же любили меньше, чем его сестру. Он уродился темноволосым, в мать, и, по всему судя, унаследовал и ее нрав; ибо веселости чуждался; был он немногословен, хотя говорить научился рано и неизменно казался старше своих лет. Турин нескорю забывал обиду или насмешку; но внутренний пламень отца пылал и в нем — Турин тоже бывал порывист и яростен. Однако ж знал он и жалость: боль и горе живого существа трогали его до слез; в этом он тоже пошел в отца, ибо Морвен была строга к другим так же, как к себе. Турин любил мать, ибо она говорила с ним просто

и прямо, а отца он почти не видел: Хурин то и дело надолго отлучался из дома и уезжал в войско Фингона, что охраняло восточные границы Хитлума, а когда возвращался, его живая, быстрая речь, пересыпанная незнакомыми словами, и шутками, И полунамеками, озадачивала Турина, и тот чувствовал Себя неуютно. В ту пору все тепло души своей дарил он сестренке Лалайт, но редко играл с ней: Турину больше нравилось невидимым оберегать ее и любоваться, как резвится она в траве или под деревом и поет песенки, что дети эдайн сложили давным-давно, когда язык эльфов был еще свеж на их устах.

— Прекрасна Лалайт, как эльфийское дитя, да только, увы, век ей отпущен недолгий, — говорил Хурин жене своей Морвен. — И оттого, верно, кажется она еще прекраснее — и еще дороже.

Турин же, услышав эти слова, задумался над ними, но так и не постиг их смысла. Эльфийских детей видеть ему не доводилось. В ту пору эльдар не жили в землях его отца; лишь один-единственный раз случилось Турину узреть их — когда король Фингон и многие его лорды пересекли Дор-ломин и проехали по мосту через Нен Лалайт, в искристом блеске серебра и белизны.

Но еще до конца года слова его отца обернулись истиной; в Дор-ломин пришло Моровое Дыхание, и слег Турин, и долго пролежал в жару, во власти темных снов. Когда же исцелился он, ибо такова была его судьба и сила жизни, в нем заключенная, он спросил про Лалайт. Нянька же ответствовала:

— Не говори более о Лалайт, сын Хурина; о сестре же своей Урвен должно тебе спросить у матери.

И вот пришла к нему Морвен, и молвил ей Турин:

— Я уже не болен и хочу видеть Урвен; но почему нельзя мне больше говорить «Лалайт»?

— Потому что Урвен умерла и стих смех в этом доме, — отвечала она. — Но ты жив, сын Морвен; жив и Враг, содеавший такое с нами.

Морвен не пыталась утешить сына, как и сама утешения не искала: она встречала горе молча, с заледеневшим сердцем. Но Хурин скорбел открыто: взял он свою арфу, и хотел было сложить плач, но не смог, и разбил он арфу, и выбежал из дому, и простер руку в сторону Севера, восклицая:

— Ты, что калечишь Средиземье, кабы мне повстречаться с тобою лицом к лицу и искалечить тебя так же, как господин мой Финголфин!

Турин же горько плакал ночами в одиночестве, хотя при Морвен он никогда более не упоминал имени сестры. К единственному другу обращался он в ту пору, только ему говорил о своей скорби и о том, как пусто сделалось в доме. Другом этим был один из домочадцев Хурина, именем Садор; был он хром и мало с ним считались. Прежде был он лесорубом и по несчастливой случайности либо по собственной оплошности отрубил себе топором правую ступню, и нога его усохла. Турин прозвал его Лабадалом, что значит Хромоног, хотя имя это Садора не обижало: ведь подсказано оно было жалостью, а вовсе не презрением. Садор работал в надворных постройках — мастерил или чинил всякие мелочи, потребные в доме, так как плотник был не из худших; Турин же порою подавал ему одно и другое, чтобы тот не трудил лишний раз ногу, а порою уносил тайком какой-нибудь инструмент или кусок древесины, брошенные без присмотра, ежели думал, что другу они пригодятся. Садор улыбался, но всякий раз велел мальчику возвратить подарок на место.

— Дари щедрой рукой, но дари лишь свое, — говаривал он.

Садор, как мог, платил ребенку добром за добро и вырезал для него фигурки людей и зверей; но больше всего Турин любил рассказы Садора, ибо молодость того пришлась на пору Браголлах, и ныне Садор охотно вспоминал о тех недолгих днях, когда был силен и крепок, и не стал еще калекой.

— Говорят, великая то была битва, сын Хурина. Меня отозвали от трудов моих в лесах, ибо в тот год большая нужда была в людях, но в Браголлах я не сражался, а не то, пожалуй, получил бы увечье более почетное. Слишком поздно подоспели мы, для того лишь, чтобы унести назад на носилках тело старого правителя, Хадора: он погиб, защищая короля Финголфина. После того я и стал ратником и прослужил в великой твердыне эльфийских королей, Эйтель Сирион, много лет, или, может, теперь мне так кажется — ведь последующие годы и вспомнить-то особо нечем. Я был там, когда напал Черный Король, и Галдор, отец твоего отца, командовал в крепости от имени короля. В том штурме он и погиб; я видел, как твой отец принял власть и возглавил оборону, хотя едва успел возмужать. Говорили, будто пылает в нем огонь, так, что меч раскаляется в его руке. Ведомые им, мы оттеснили орков в пески; и с того самого дня они уж не смели появляться в виду стен. Но увы! Сполна утолил я жажду, ибо вдоволь насмотрелся на кровь и раны, и испросил я дозволения вернуться в леса, по которым стосковался душою. Там-то и покалечился я: убегая от своего страха, часто обнаруживаешь, что на самом-то деле поспешил коротким путем ему навстречу.

Так говорил Садор с Хурином, когда тот подрост; Хурин же начал задавать бесчисленные вопросы, на

которые Садору непросто было ответить, и думал он про себя, что должно бы наставлять мальчика родичам более близким. Однажды Турин спросил его:

— А Лалайт в самом деле походила на эльфийское дитя, как уверял отец? И что он имел в виду, говоря, что недолгий срок ей отпущен?

— Очень походила, — подтвердил Садор, — ведь на заре юности дети людей и эльфов кажутся близкой родней. Но дети людей взрослеют куда быстрее и скоро проходит юность их; такова наша судьба.

— Что такое судьба? — спросил Турин.

— О судьбе людей должно тебе спросить тех, кто мудрее Лабадала, — отозвался Садор. — Ну да всем ведомо: скоро устаем мы и умираем; а многие по несчастной случайности гибнут и раньше. Эльфы же не знают усталости и умирать не умирают, кроме как от самого тяжкого увечья. От ран и печалей, что убивают людей, эльфы могут исцелиться; а иные говорят, будто эльфы возвращаются в мир, даже если искалечены тела их. Не так оно с нами.

— Значит, Лалайт не вернется? — спросил Турин. — Куда же ушла она?

— Не вернется, — подтвердил Садор. — Но куда ушла она, никому из людей неведомо; мне, во всяком случае — нет.

— И так было всегда? Или, может, всему виной какое-нибудь проклятие злобного Короля — вроде Морового Дыхания?

— Не знаю. Тьма лежит за нами, и из тьмы той немного пришло преданий. Отцам наших отцов, верно, было что рассказать — да только не рассказали они ничего. Даже имена их и то позабыты. Горы стоят между нами и той жизнью, что оставили они, спасаясь от беды, а какой — никому ныне неведомо.

— Их пригнал страх? — спросил Турин.

— Может статься, и так, — отвечал Садор. — Может статься, мы бежали от страха пред Тьмой, да только здесь столкнулись с ней лицом к лицу, и некуда нам больше бежать, кроме как к Морю.

— Но теперь мы уже не боимся, — отозвался Турин, — во всяком случае, не все мы, нет. Отец мой не знает страха; и я тоже бояться не стану; или по крайней мере бояться стану, но страха не выкажу, как моя матушка.

И почудилось в ту пору Садору, что глядит на него Турин глазами не ребенка, но взрослого, и подумал он: «Горе — что точило для сильного ума». Вслух же сказал он так:

— Сын Хурина и Морвен, что станет с твоим сердцем, Лабадалу не предугадать, только нечасто и немногим станешь ты его открывать.

Тогда молвил Турин:

— Пожалуй, ежели не дано получить, чего хочешь, так лучше о том и не заговаривать. Только вот хотелось бы мне, Лабадал, быть одним из эльдар. Тогда Лалайт однажды возвратилась бы, а я по-прежнему ждал бы ее здесь, даже если бы нескоро пришла она. Я стану ратником эльфийского короля, как только подрасту, — подобно тебе, Лабадал.

— Многому сможешь ты научиться от эльфов, — промолвил Садор со вздохом. — Эльфы — народ прекрасный и дивный, и обладают они властью над сердцами людей. И однако ж думается мне порой, что лучше оно было бы, кабы нам с ними никогда не встречаться, а жить своей собственной немудреной жизнью. Ибо древний народ сей владеет многовековой мудростью; горды они и стойки. В их свете меркнем мы — или сгораем слишком быстро, и бремя участи нашей тяжелее давит на плечи.

— Отец мой любит их великой любовью, — возразил Турин, — и не знает он радости вдали от них. Он говорит, мы научились у эльфов едва ли не всему, что знаем, и сделались выше и благороднее; а еще он говорит, что люди, недавно пришедшие из-за гор, ничем не лучше орков.

— То правда, — отвечал Садор, — по крайней мере о некоторых из нас. Но подниматься вверх мучительно, а с высоты слишком легко сорваться в бездну.

В ту пору Турину было почти восемь, в месяце гваэрон по счету эдайн, в год, что не позабудется вовеки. Среди старших уже ходили слухи о великом сборе и сходе воинств, Турин же о том ничего не слышал, хотя примечал, как отец то и дело обращает на него пристальный взор: так глядят на

нечто дорогое, с чем поневоле предстоит расстаться.

Хурин же, зная, сколь отважна его жена и сколь сдержанна на язык, часто беседовал с Морвен о замыслах эльфийских королей и о том, чем обернется победа либо поражение. Сердце его было преисполнено надежды, и мало страшился он за исход битвы; ибо казалось ему, что никакая сила в Средиземье не сумеет сокрушить мощь и величие эльдар.

— Они видели Свет Запада, — говорил он, — и в конце концов Тьма отступит пред ними.

Морвен ему не возражала; рядом с Хурином всегда верилось в лучшее. Но и в ее роду хранили эльфийское знание, и про себя молвила она: «И однако ж разве не покинули они Свет и разве не отрезаны от него ныне? Может статься, что Владыки Запада более об эльфах не вспоминают; и как же тогда им, пусть и Старшим Детям, одолеть одного из Властей?»

Ни тени подобных сомнений, похоже, не тревожило Хурина Талиона; но однажды утром по весне того года проснулся он, точно от недоброго сна, и в тот день словно бы туча омрачила его свет и радость; а вечером внезапно сказал он:

— Когда призовут меня к войску, Морвен Эледвен, оставлю я на твоём попечении наследника Дома Хадора. Коротка жизнь людская, и изобилует несчастными случайностями, даже и в мирные времена.

— Так было всегда, — отвечала Морвен. — Но что стоит за твоими словами?

— Благоразумие, не сомнение, — промолвил Хурин, хотя вид у него был встревоженный. — Тот, кто глядит вперед, в будущее, не может не понимать: мир не останется прежним. Слишком многое поставлено на кон, и одна из сторон неизбежно утратит то, чем сейчас владеет. Если падут эльфийские короли, худо придется эдайн; а ведь мы живем ближе всех к Врагу. Эта земля, чего доброго, отойдет под его власть. Если все и впрямь обернется к худшему, я не скажу тебе: «Не бойся!» Ибо боишься ты лишь того, чего должно бояться, и не более; и страх тебя не пугает. Но говорю я: «Не мешкай!» Я вернусь к тебе, коли смогу — но не мешкай! Поспеш на юг — если я уцелею, так последую за тобой и найду тебя, даже если мне придется обыскать весь Белерианд.

— Обширен Белерианд, да только не найдется в нем крова для бесприютных изгнанников, — промолвила Морвен. — Куда бежать мне, будь то со многими либо немногими?

Хурин помолчал немного, размышляя.

— В Бретиле живет родня моей матери, — проговорил он. — Лигах в тридцати отсюда, ежели напрямик.

— Коли и впрямь настанут недобрые времена, что проку искать помощи у людей? — возразила Морвен. — Дом Беора пал. Если падет великий Дом Хадора, в какие норы забьется малый народ Халет?

— В те, которые отыщутся, — откликнулся Хурин. — И все же не сомневайся в их доблести, пусть немногочисленны они и неучены. Где еще искать надежду?

— Ты не говоришь о Гондолине, — промолвила Морвен.

— Не говорю; это имя вовеки не срывалось с моих уст, — отозвался Хурин. — Однако слухи не лгут; я и впрямь побывал там. Но говорю тебе ныне правду, как никому другому не говорил и не скажу: я не знаю, где находится город.

— Однако ты догадываешься, и думается мне, догадка твоя близка к истине, — возразила Морвен.

— Может, и так, — промолвил Хурин. — Но ежели сам Тургон не освободит меня от клятвы, я не могу высказать догадку вслух, даже тебе; и потому искать ты станешь напрасно. А даже если бы и заговорил я, себе на позор, ты в лучшем случае доберешься лишь до запертых врат; ибо внутрь не впустят никого — разве что Тургон выступит на войну (о чем ни слова не слышно и надежды на то нет).

— Тогда, раз на родню твою уповать не приходится, а друзья от тебя отрекаются, придется мне решать самой, — промолвила Морвен, — и запала мне ныне на ум мысль о Дориате.

— Как всегда, высоко метишь, — отозвался Хурин.

— Скажешь, чересчур высоко? — возразила Морвен. — Но из всех укреплений Пояс Мелиан падет последним, думается мне; а Дом Беора в Дориате презирать не станут. Разве не в родстве я с королем? Ибо Берен, сын Барахира, был внуком Брегора, как и мой отец.

— Сердце мое не склоняется к Тинголу, — отозвался Хурин. — Не шлет он помощи королю Фингону;

и не ведаю, что за тень омрачает мне душу, стоит упомянуть про Дориат.

— При упоминании Бретиля омрачается и мое сердце, — отвечала Морвен.

Тут Хурин вдруг рассмеялся и молвил:

— Хороши мы, нечего сказать — сидим тут да спорим о вещах за пределами нашего разума и о тенях, порождениях снов. Настолько худо нам не придется; а коли придется, что ж — тогда все зависит от твоей отваги и рассудительности. Тут уж поступай, как велит тебе сердце — но быстро. А если победа останется за нами, тогда эльфийские короли намерены воздать все вотчины дома Беора его наследнице — тебе, Морвен, дочь Барагунда. Тогда обширными владениями станем мы править, и славное наследство перейдет к нашему сыну. Коли не останется зла на Севере, уж верно, обретет он великое богатство и станет королем среди людей.

— Хурин Талион, — произнесла Морвен, — по мне, так справедливее будет сказать: ты глядишь высоко, я же страшусь пасть низко.

— Даже в самом худшем случае не тебе этого бояться, — отозвался Хурин.

Той ночью примерещилось Турину сквозь сон, будто мать и отец со свечами в руках склонились над его постелью и глядят на него сверху вниз; но лиц их он не видел.

Утром в день рождения Турина Хурин вручил сыну подарок, нож эльфийской работы, в серебряных черненых ножнах и с такой же рукоятью, и молвил он так:

— Наследник Дома Хадора, вот тебе ныне дар. Но поберегись! То острый клинок, а сталь служит только тем, кто умеет с ней управиться. Твою руку он рассечет столь же охотно, как и все другое.

И, поставив Турина на стол, он поцеловал сына и молвил:

— Ты уже и меня перерос, сын Морвен; скоро будешь так же высок и стоя на своих ногах. В тот день, верно, многие устроятся твоего клинка.

Тогда Турин выбежал из комнаты и ушел бродить один, и на душе у него было тепло — вот так же солнце согревает холодную землю, пробуждая к жизни молодую поросль. Он повторял про себя слова отца, «Наследник Дома Хадора», но и другие слова вспомнились ему: «Дари щедрой рукой, но дари лишь свое». И пришел он к Садору, и закричал:

— Лабадал, сегодня день моего рождения, нынче родился наследник Дома Хадора! И принес я тебе дар в честь такого дня. Вот нож, как раз такой, как тебе надобен; он разрежет все, чего угодно, и тонко — тоньше волоса!

Смутился Садор, ибо хорошо знал, что Турин сам получил этот нож не далее как сегодня; но среди людей недостойным считалось отказываться от дара, врученного по доброй воле чьей бы то ни было рукою.

— Ты — потомок великодушного рода, Турин, сын Хурина, — серьезно проговорил Садор. — Ничем не заслужил я подобного дара и не надеюсь заслужить за оставшиеся мне дни; но что смогу, сделаю. — И Садор извлек нож из ножен и молвил: — Вот уж дар так дар: клинок эльфийской стали. Давно скучаю я по такому.

Хурин вскорости заметил, что Турин ножа не носит, и спросил сына, неужто убоился тот клинка из-за отцовского предостережения. Турин же отвечал:

— Нет; я подарил нож Садору-плотнику.

— Или пренебрегаешь ты отцовским даром? — спросила Морвен; и вновь отвечал Турин:

— Нет; но я люблю Садора, и жаль мне его. На это молвил Хурин:

— Всеми тремя дарами волен ты был распорядиться по своей воле, Турин: и любовью, и жалостью, и ножом — наименьшим из трех.

— Однако ж сомневаюсь я, что Садор их заслуживает, — отозвалась Морвен. — По собственной оплошности покалечился он, и в работе не сноровист, ибо тратит немало времени на пустяки, ему не порученные.

— И тем не менее пожалей его, — проговорил Хурин. — Честная рука и верное сердце могут и промахнуться; и такую беду выносить тяжелее, нежели козни врага.

— Но теперь нескоро тебе достанется другой клинок, — промолвила Морвен. — Такова суть истинного дара — ибо дарить должно в ущерб себе.

Тем не менее Турин приметил, что с тех пор с Садором обходились добрее; теперь поручили ему сработать для господина великолепное кресло в парадную залу.

Ясным утром в месяц лотрон Турина разбудило пение труб; выбежав к дверям, он увидел во дворе великое скопление народу, и пеших, и конных, все — в полном боевом вооружении. Стоял там и Хурин — говорил с людьми и отдавал приказы; и узнал Турин, что войско ныне выступает в Барад Эйтель. Здесь собралась Хуринова дружина и домочадцы; однако ж в войско созвали всех мужей той земли, способных встать в строй. Иные уже ушли с Хуором, братом его отца, а многие другие должны были присоединиться к владыке Дор-ломина по дороге и идти под его знаменем на великий воинский сбор короля.

Морвен распрощалась с Хурином. Глаза ее были сухи. И промолвила она:

— Я сберегу, что оставил ты на моем попечении: и то, что есть, и то, что будет.

И отвечивал ей Хурин:

— Прощай, владычица Дор-ломина; выезжаем мы ныне в путь, окрыленные надеждой, как никогда прежде. Будем же уповать, что в середине зимы попируем мы веселее, нежели за все прошлые годы, а вслед за тем настанет весна, страхом не омраченная!

И подхватил он Турина, и усадил его на плечо, и закричал своим воинам:

— Пусть поглядит наследник Дома Хадора, как сияют ваши мечи!

И сверкнули под солнцем пятьдесят клинков, и зазвенел над двором боевой клич эдайн Севера:

— *Лахо калад! Дрего морн!* Да воссияет свет! Да бежит ночь!

И вот, наконец, Хурин вскочил в седло, и развернулось золотое знамя, и вновь запели утренние трубы; так Хурин Талион уехал на битву Нирнаэт Арноэдиад.

А Морвен и Турин недвижно стояли у дверей, до тех пор, пока издалека не донес до них ветер отголосок одинокого рога: Хурин перевалил за гребень холма, откуда не видел уже более своего дома.

Глава II

БИТВА БЕССЧЕТНЫХ СЛЕЗ

Немало песен поют и поныне, немало сказаний рассказывают среди эльфов о Нирнаэт Арноэдиад, Битве Бессчетных Слез, в которой пал Фингон и погиб цвет народа эльдар. Если поведать обо всем, что было, жизни человеческой не хватит, чтобы выслушать повесть до конца. Здесь же речь пойдет лишь о тех деяниях, что имеют отношение к судьбе Дома Хадора и детей Хурина Стойкого.

Собрав наконец все силы, что смог, Маэдрос назначил день — утро середины лета. В тот день трубы эльдар возвестили восход солнца; на востоке взвилось знамя сыновей Феанора, а на западе — стяг Фингона, Верховного короля нолдор.

Тогда Фингон взглянул вниз со стен крепости Эйтель Сирион: воинство его, выстроенное в боевом порядке в долинах и лесах восточных склонов Эред Ветрин, надежно было укрыто от глаз Врага; но знал Фингон, сколь велико оно. Здесь собрались все нолдор Хитлума, а к ним примкнули многие эльфы Фаласа и Нарготронда, и бессчетные армии людей. Справа разместилась рать Дор-ломина, и доблестные воины Хурина и Хуора, брата его; к ним же приспели родич их Халдир Бретильский и многие жители лесов.

Тогда Фингон поглядел на восток и острым эльфийским взором различил вдали клубы пыли и блеск стали, словно мерцание звезд в тумане, и понял — Маэдрос выступил в путь, и возликовал король. Затем обратил Фингон взор свой к Тангородриму: над горой сгустилось темное облако и курился черный дым; и понял король — разгорелась ярость Моргота и принят будет вызов, — и тень сомнения омрачила его сердце. Но в тот самый миг поднялся ликующий крик: ветер нес его с юга, от долины к долине, и голоса эльфов и людей слились в общем хоре изумления и радости. Ибо, неожиданным и незванным, Тургон распахнул врата Гондолина и теперь спешил к эльфам на помощь с десятитысячным воинством; сияли кольчуги, а длинные мечи и копья ошетинились, словно лес. Издалека слышал Фингон могучую трубу Тургона, и сгнула тень, и воспрял он духом, и воскликнул:

— *Утулиэ'н аурэ! Айа эльдалиэ ар атанатар, утулиэ'н аурэ!* День настал! Се, народ эльдар и отцы людей, день настал!

И все, кто услышал, как гулкий голос Фингона эхом гремит среди холмов, отозвались:

— *Аута и ломэ!* Ночь отступает!

Вскорости завязалась великая битва. Моргот знал многое о том, что делают и замышляют его недруги, и загодя подготовился в преддверии их атаки. Великая рать из Ангбанда уже приближалась к Хитлumu, а вторая армия, еще многочисленнее, шла навстречу Маэдросу, дабы не дать воссоединиться воинствам королей. Те же, что выступили против Фингона, облачены были в серо-бурые одежды и сталь не сияла на солнце — потому далеко удалось им продвинуться через пески Анфауглита, прежде чем прознали об их приближении.

Тогда сердца нолдор запылали яростью, и вожди их уже хотели атаковать врагов на равнине, но Фингон воспротивился этому.

— Остерегайтесь Морготова коварства, о владыки! — зывал он. — Мощь его неизменно превосходит ожидания, а замысел оказывается иным, нежели поначалу являет Моргот взгляду. Не обнаруживайте собственную силу раньше времени, пусть враг сперва порастратит свою, штурмуя холмы.

Ибо по замыслу королей Маэдросу предстояло открыто пройти через равнину Анфауглит со всеми своими объединенными силами эльфов, людей и гномов; когда же главные армии Моргота, как надеялся Маэдрос, выступят им навстречу, тогда с запада подоспеет Фингон, и так силы Моргота окажутся словно между молотом и наковальней и будут смяты; знаком же к тому послужит яркий сигнальный огонь в Дортонионе.

Однако полководец Моргота на западе получил приказ любыми средствами выманить Фингона с холмов. Потому он двинулся дальше, пока авангард его войска не выстроился вдоль реки Сирион, от стен крепости Барад Эйтель до Топи Серех; и аванпосты Фингона могли уже видеть глаза врагов. Но не было ответа на вызов, зловеще молчали высокие стены, и холмы таили в себе угрозу, и смолкли насмешки орков.

Тогда Морготов полководец выслал всадников словно бы для переговоров, и подъехали они к внешним укреплениям Барад Эйтель. С собою привезли они Гельмира, сына Гуилина, эльфа знатного рода из Нарготронда: он был захвачен в Браголлах, и враги ослепили его; и герольды вывели пленника вперед, крича:

— У нас дома еще много таких же, но вам стоит поторопиться, коли хотите застать их в живых. Ибо со всеми мы обойдемся вот так же — дайте только вернуться.

И они отрубили Гельмиру руки и ноги — и бросили его у стен.

По роковой случайности в этом самом месте аванпоста стоял Гвиндор, сын Гуилина, со многими эльфами Нарготронда; и, воистину, выступил он на войну, собрав столько воинов, сколько смог, поскольку горевал о захваченном в плен брате. Теперь же, пылая гневом, он вскочил в седло и во главе отряда всадников бросился в погоню за герольдами, и зарубили их эльфы, и все воины Нарготронда устремились следом, и глубоко вклинились в ангбандские ряды. При виде этого воодушевилось войско нолдор, и Фингон надел свой белый шлем и велел трубить в трубы, и все его воинство хлынуло вдруг с холмов и ринулось в атаку.

Засверкали мечи нолдор, извлеченные из ножен, словно огонь, пожирающий сухой тростник; столь яростным и стремительным оказался натиск эльдар, что замыслы Моргота едва не пошли прахом. Армия, посланная им на запад, дабы отвлечь неприятеля, была сметена и уничтожена прежде, чем к ней подоспело подкрепление, и стяги Фингона взвились над равниной Анфауглит и затрепетали под стенами Ангбанда.

В первых рядах сражались Гвиндор и эльфы Нарготронда: даже теперь невозможно было сдержать их: они прорвались во внешние ворота и перебили стражу во дворе Ангбанда, и Моргот содрогнулся на своем подземном троне, заслышав удары в двери. Но Гвиндор оказался в ловушке: его захватили живым, а отряд его уничтожили до последнего воина; ибо Фингон не сумел прийти к нему на помощь. Через бесчисленные потайные двери Тангородрима Моргот провел на поверхность основные силы, что ждали своего часа, и Фингон был отброшен от стен Ангбанда с великими потерями.

И вот на четвертый день войны на равнине Анфауглит началась Нирнаэт Арноэдиад, Битва Бессчетных Слез; и ни одной повести не вместить всего ее горя. Обо всем, что случилось в восточной части поля битвы — о том, как гномы Белегоста обратили в бегство дракона Глаурunga; о предательстве восточан и о разгроме воинства Маэдроса, и о бегстве сынов Феанора, более не говорится здесь ни слова. На западе же армия Фингона отступила через пески — там пал Халдир, сын Халмира, и почти все мужи народа Бретиля. На пятый день, когда опустилась на землю ночь, воинство Фингона находилось еще далеко от Эред Ветрин; ангбандские полчища окружили его, и сражение длилось до рассвета, и все теснее смыкалось кольцо. Но с зарей пришла надежда: донесся звук рогов Тургона, что вел на подмогу основное войско Гондолина: а до того Тургон стоял лагерем южнее, охраняя ущелья Сириона, и удержал он большую часть своего народа от опрометчивой атаки. Теперь же он спешил на помощь брату; сильны были нолдор Гондолина, и строй их сиял, точно река расплавленной стали под лучами солнца, — ибо меч и доспех последнего из воинов Тургона ценились дороже выкупа, что брали когда-либо за короля из рода людей.

И вот отряд королевских дружинников прорвался сквозь ряды орков, и Тургон мечом проложил путь к брату. Рассказывают, что радостной была встреча Тургона и Хурина в разгар битвы — Хурин же сражался бок о бок с Фингоном. На краткое время отеснили назад ангбандские полчища, и вновь стал отступать Фингон. Но, разгромив Маэдроса на востоке, Моргот ныне располагал огромными силами, и не успели Фингон с Тургоном отойти под защиту холмов, как на них хлынул поток врагов, втрое превышающий поредевшие рати эльфов. Был там Готмог, войсководитель Ангбанда: его армия черным клином врезалась между эльфийскими воинствами, отбросив Тургона и Хурина к Топи Серех, а Фингон оказался в кольце врагов. И бросился на него Готмог: мрачная то была встреча. И вот Фингон остался один среди поверженной своей дружины, и бился он с Готмогом, пока не подобрался сзади еще один балрог и не захлестнул его стальной плетью. Тогда Готмог зарубил Фингона своим черным топором, и из рассеченного шлема Фингона взметнулось белое пламя. Так пал король нолдор, и враги булавами вбили его тело в грязь, а королевское знамя, синее с серебром, втоптали в пролитую им кровь. Битва была проиграна; но Хурин, Хуор и немногие уцелевшие из Дома Хадора еще сражались плечом к плечу с Тургоном из Гондолина, не отступая ни на шаг; и полчищам Моргота не удавалось отбить ущелье Сириона. Тогда обратился Хурин к Тургону и молвил:

— Уходи, владыка, пока есть время! Ты — последний из Дома Финголфина, и в тебе заключена последняя надежда эльдар. Пока стоит Гондолин, в сердце Моргота будет жить страх.

— Недолго теперь оставаться Гондолину сокрытым от чужих глаз, а как только обнаружат город, суждено ему пасть, — отозвался Тургон.

— Однако ж, если выстоит город еще немного, — проговорил Хуор, — тогда из дома твоего явится надежда эльфов и людей. Вот что я скажу тебе, владыка, в смертный мой час: хотя расстаемся мы сейчас навсегда, и не увижу я вновь твоих белокаменных стен, от тебя и меня родится и взойдет над миром новая звезда. Прощай!

А Маэглин, сын сестры Тургона, стоял тут же и слышал эти слова, и крепко их запомнил.

Тогда Тургон внял совету Хурина и Хуора и отдал приказ своему войску отступать в ущелья Сириона, а военачальники его Эктелион и Глорфиндель обороняли от врага правый и левый фланги, поскольку единственная дорога в тех краях была весьма узка и пролегалa вдоль западного берега Сириона, что постепенно набирал силу. Но люди Дор-ломина прикрывали отступление, как пожелали того Хурин и Хуор, ибо сердца их противились тому, чтобы бежать из северных земель, и если не суждено было им возвратиться к домам своим, вознамерились они держаться до конца. Вот так Тургон пробился к югу и, выйдя из-под прикрытия Хурина и Хуора, прошел вниз по течению Сириона и ускользнул от врагов, и исчез в горах, сокрывшись от взора Моргота. Братья же собрали вокруг себя уцелевших воинов из Дома Хадора и, пядь за пядью, отступили, наконец, за Топь Серех, так, что прямо перед ними тек Ривиль. Там остановились они и более не отступали.

Тогда обрушились на них все ангбандские полчища, и поток запружен был мертвыми телами; враги окружили остатки войск Хитлума, и все теснее смыкалось кольцо — так морской прилив надвигается на скалу. На шестой день, когда Солнце склонялось к западу и удлинились темные тени Эред Ветрин, Хуор пал, пронзенный отравленной стрелой, что впиалась ему в глаз; а вокруг него беспорядочной грудой лежали мертвые тела доблестных воинов Хадора. Орки поотрубили им головы и свалили в кучу — точно курган чистого золота в закатном зареве.

Хурин выстоял дольше других. Оставшись же в одиночестве, он отшвырнул свой щит и поднял двумя руками топор орочьего военачальника; и говорится в песнях, что лезвие топора дымилось от черной крови троллей из дружины Готмога — и со временем затупилось; и всякий раз, как падал поверженный враг, Хурин восклицал: «Аурэ энтулува! Еще придет день!» Семьдесят раз издавал он этот клич; но наконец враги захватили его живым по повелению Моргота, который замыслил причинить ему больше зла, нежели просто смерть. Орки вцеплялись в Хурина когтями, и не разжималась хватка, даже когда Хурин отсекал им лапы; и не убывало число врагов, и, наконец, Хурин рухнул, погребенный под тяжестью их тел. Тогда Готмог связал его и, насмехаясь, потащил в Ангбанд.

И вот Солнце опустилось за море, и закончилась битва Нирнаэт Арноэдиад. В Хитлуме наступила ночь, и с Запада налетел ураган.

Моргот торжествовал победу, хотя не все еще сбылись подсказанные злобой замыслы. Одна дума не давала ему покоя и омрачала его триумф беспокойством: Тургон ускользнул из его тенет — а из всех своих врагов именно Тургона Морготу особенно хотелось захватить или уничтожить. Тургон из великого Дома Финголфина ныне по праву стал королем над всеми нолдор, Моргот же ненавидел Дом Финголфина и боялся его, ведь род сей презирал его в Валиноре и был в дружбе с Ульмо, его недругом; а также и потому еще, что Финголфин изранил Моргота в битве. Никого так не страшился Моргот, как Тургона: еще встарь, в Валиноре, приметил его Моргот, и при одном только приближении Тургона темная тень омрачала его душу, предвещая, что когда-нибудь, в неведомом еще сужденном будущем Тургон явится орудием его гибели.

Глава III

РЕЧИ ХУРИНА И МОРГОТА

И вот по велению Моргота орки с превеликим трудом снесли в одно место тела своих недругов, и все их доспехи и оружие, и вырос курган посреди равнины Анфауглит, подобный громадному холму, и виден был издалека; эльдар же назвали его Хауд-эн-Нирнаэт. И пробила там молодая поросль, и зазеленели густые, пышные травы — точно не лежала вокруг мертвая пустыня; и ни один прислужник Моргота впредь не смел ступить на землю кургана, под которой мечи эльдар и эдайн ржавели и обращались в прах. Королевство Фингона не существовало более, и Сыны Феанора скитались по свету, точно листья, гонимые ветром. В Хитлум же не возвратился никто из мужей Дома Хадора, и не было вестей ни об исходе битвы, ни об участии владык. Моргот выслал в Хитлум людей, ему подвластных, — смуглых восточан; и запер их в той земле, и запретил им покидать ее пределы. Вот и все, что досталось им из обещанных богатых наград за измену Маэдросу: позволили им грабить и тиранить стариков, детей и женщин народа Хадора. Уцелевших эльдар Хитлума — тех, которым не удалось скрыться в горах и чашах, — отправил Моргот в ангбандские копи и сделал своими рабами. Орки рыскали беспрепятственно по всему Северу, продвигаясь дальше и дальше на юг, в Белерианд. Дориат до поры уцелел, а также и Нарготронд, но Моргота это не слишком тревожило: либо он знал о них слишком мало, либо почитал, что не пробил еще их час в свершении злых его замыслов. Но думы его непрестанно возвращались к Тургону.

И вот привели к Морготу Хурина, ибо прознал Моргот благодаря колдовству и своим соглядатаям, что тот в дружбе с королем; и попытался Моргот утратить пленника взором. Но не утратился до поры Хурин и не склонил головы. Тогда Моргот повелел сковать его цепями и подвергнуть изощренной пытке; однако спустя некоторое время явился он к пленнику и предложил ему выбор: свободно идти куда вздумается либо обрести немалую власть, став первым из военачальников Ангбанда — если только согласится он открыть, где крепость Тургона, и все, что знает о замыслах короля. Но Хурин Стойкий насмеялся над ним, говоря:

— Слеп ты, Моргот Бауглир, и вовеки не прозреть тебе, ибо видишь только тьму. Не понять тебе, что движет сердцами людей, а кабы и понял — так дать это не в твоих силах. Глуп тот, кто примет посулы Моргота. Сперва взыщешь ты назначенную тобою цену, а затем не сдержишь обещания; только смерть обрел бы я, кабы открыл тебе то, что тщишься узнать.

Тогда расхохотался Моргот и молвил:

— Ты еще станешь молить меня о смерти как о даре.

И отвел он Хурина на Хауд-эн-Нирнаэт: лишь недавно возведен был курган и нависал над ним тяжелый дух смерти; и поставил Моргот Хурина на вершине и повелел ему поглядеть на запад, в сторону Хитлума, и вспомнить о жене, и сыне, и прочей родне своей.

— Ибо теперь в моих владениях живут они, и уповать им отныне на мою милость, — рек Моргот.

— Нельзя уповать на то, чего нет, — отозвался Хурин. — Но через них не добаться тебе до Тургона; ибо неведомы им его тайны.

Тогда ярость овладела Морготом, и рек он:

— Зато до тебя-то я доберусь, и до всего твоего проклятого рода; и воля моя сокрушит вас, будь вы все хоть из стали.

И поднял он с земли длинный меч и переломил его перед глазами Хурина; и осколок оцарапал пленнику лицо, но Хурин не отвел взгляда. Тогда Моргот простер длань в сторону Дор-ломина и проклял Хурина и Морвен, и потомство их, говоря:

— Узри же! Тень моих помыслов падет на них, куда бы ни направили они шаг, а ненависть моя станет преследовать их до самых границ мира.

Отозвался Хурин:

— Пустые слова говоришь. Ни видеть не можешь ты их, ни управлять ими издали: не под силу тебе это, пока сохраняешь ты видимое обличье и по-прежнему желаешь быть королем на земле.

Тогда молвил Моргот, оборотившись к Хурину:

— Глупец, ничтожество среди людей — народа, последнего среди наделенных даром речи! Видел ли ты Валар, познал ли могущество Манвэ и Варды? Проник ли в их помыслы? Или, может, ты думаешь, будто думы их обращены к тебе и издалека они защитят тебя?

— Про то мне неведомо, — рек Хурин. — Может статься, так оно и случится — буде на то их воля.

Ибо пока длится бытие Арды, Древнейшему Королю восседать на троне.

— Истинно так, — отвечал Моргот. — Древнейший Король — я: Мелькор, первый и могущественнейший среди Валар; тот, кто был до сотворения мира, тот, кто создал его. Тень моего замысла лежит на Арде, и все, что только есть в ней, медленно и неуклонно подпадает под мою власть. Все, кто тебе дорог, ощутят тяжкий гнет моей мысли, точно мглистое марево Рока, и ввергнуты будут во тьму отчаяния. Куда бы ни направили они шаг, везде воспрянет зло. Когда бы ни заговорили они, слова их обернутся гибельными советами. Что бы они ни содеяли — все обратится против них же. Не будет для них надежды в смертный час, и в последний миг проклянут они и жизнь, и смерть.

Отвечал Хурин:

— Или забыл ты, с кем говоришь? Те же речи держал ты давным-давно перед отцами нашими; но мы бежали от твоей тени. Ныне же ведаем мы о твоей истинной сущности, ибо видели мы лица узревших Свет и внимали голосам тех, кто беседовал с Манвэ. Ты был до рождения Арды, но и другие тоже; и не ты ее создал. Есть и могущественнее тебя; ты растратил свою силу на себя самого; твоя собственная пустота поглотила ее. Ныне ты не более чем беглый раб Валар; цепь их и поныне тебя дожидается.

— Ты затвердил наизусть уроки своих хозяев, — молвил Моргот. — Но эти детские байки не помогут тебе теперь, когда все они бежали далеко прочь.

— Вот что напоследок хочу я сказать тебе, раб Моргот, — отозвался Хурин, — эти слова почерпнул я не из кладезей мудрости эльдар: они вложены мне в сердце в этот самый час. Ты — не Властелин над людьми, и не станешь им никогда, хотя бы вся Арда и Менель оказались в твоей власти. За Кругами Мира не сможешь ты преследовать тех, кто отверг тебя.

— За Кругами Мира я и не стану их преследовать, — отвечал Моргот, — ибо за Кругами Мира — Ничто. В пределах же Мира им от меня не укрыться, разве что канут они в Ничто.

— Ты лжешь, — молвил Хурин.

— Ты все увидишь сам и признаешь, что я не лгу, — проговорил Моргот. И увел он Хурина назад в Ангбанд, и усадил его в каменное кресло на одной из вершин Тангородрима, откуда прозревал пленник вдалеке землю Хитлум на западе и земли Белерианда на юге. Там оказался он во власти Морготова колдовства; и Моргот, встав перед пленником, проклял его вновь и сковал его неодолимыми чарами так, что Хурин не мог сдвинуться с места, и умереть не мог до тех пор, пока не освободит его Моргот.

— Оставайся же здесь, — объявил ему Моргот, — и гляди на земли, где зло и отчаяние настигнут тех, кого ты предал мне в руки. Ибо ты посмел насмехаться надо мною и усомнился в могуществе Мелькора, Владыки судеб Арды. Моим взором будешь ты видеть отныне; моим слухом слышать; и ничто не укроется от тебя.

Глава IV

УХОД ТУРИНА

Лишь трое мужей вернулись в конце концов в Бретиль недобрым путем через Таур-ну-Фуин; когда же Глорэдель, дочь Хадора, узнала о гибели Халдира, она умерла от горя.

В Дор-ломин вестей так и не пришло. Риан, жена Хуора, обезумев, бежала в глушь; там приютили ее Серые эльфы Митрима, когда же родился сын ее Туор, эльфы взяли его на воспитание. А Риан ушла к кургану Хауд-эн-Нирнаэт, и легла там на землю, и умерла.

Морвен Эледвен осталась в Хитлуме, во власти немой скорби. Сыну ее Турину шел лишь девятый год, и она вновь носила под сердцем дитя. Жилось ей несладко. Край тот наводнили восточане, и жестоко обращались они с людьми народа Хадора — отбирали все добро их и обращали в рабство. Всех жителей родной земли Хурина, способных к работе или годных хоть на что-нибудь, угнали в плен, даже юных дев и отроков, а стариков перебили или уморили голодом. Однако ж до поры не смели восточане поднять руку на Владычицу Дор-ломина или выгнать ее из дому; ходили среди них слухи, будто связываться с нею опасно, будто ведьма она и якшается с белыми демонами — так называли восточане эльфов, ибо ненавидели их, а боялись — еще больше. По той же причине страшились и избегали они гор, где укрылись многие эльдар, — в особенности же тех, что на юге, и разграбив и опустошив захваченные области, восточане вновь отступили севернее. А дом Хурина стоял на юго-востоке Дор-ломина, неподалеку от гор; так, речка Нен Лалайт брала начало под сенью вершины Амон Дартир, за которой начинался крутой перевал. Через тот перевал путник выносливый и стойкий мог пересечь Эред Ветрин и через истоки Глитуи спуститься в Белерианд. Но восточане о том не ведали, равно как и Моргот до поры до времени; так что весь тот край, пока стоял Дом Финголфина, был надежно огражден от Врага и никто из его прислужников веками не забредал туда. Полагал Моргот, что стена Эред Ветрин непреодолима как для беглецов с севера, так и для нападения с юга; воистину, ни для кого, кроме птиц, иных путей и не было между Топью Серех и далеким западом, где Дор-ломин переходил в Невраст.

Вот так и случилось, что после первых набегов Морвен оставили в покое, хотя в окрестных лесах рыскали лихие люди и опасно было удаляться от дома. Под кровом Морвен по-прежнему жил Садор-плотник, несколько стариков и старух и Турин, которому она не позволяла и шагу ступить со двора. Однако ж усадьба Хурина вскорости пришла в упадок, и хотя Морвен трудилась не покладая рук, она обнищала — и голодала бы, кабы не помощь, что втайне посылала ей Аэрин, родственница Хурина; ибо некий восточанин именем Бродда силой взял ее в жены. Горько было Морвен принимать милостыню, но не отвергала она вспоможения — ради Турина и ради нерожденного еще дитяти, и еще потому, что, как сама она говорила, это — толика ее же собственного достояния. Ведь не кто иной, как Бродда захватил добро, и скот, и людей Хурина, и забрал все, что мог, к себе в дом. Храбр и дерзок был Бродда, однако среди соплеменников своих особым почетом не пользовался, пока не пришли они в Хитлум; жадный до богатства, он готов был завладеть землями, на которые другие люди его сорта не зарились. Морвен видел он лишь однажды, когда выехал грабить ее усадьбу; но оказавшись с нею лицом к лицу, преисполнился великого страха. Померещилось Бродде, будто заглянул он в беспощадные глаза белого демона, и убоился он, как бы не постигло его какое зло, и не стал он разорять ее дом, и Турин не обнаружил, иначе недолго прожил бы наследник законного правителя.

Бродда обратил в рабство Соломенноголовых, как прозвал он народ Хадора, и повелел им выстроить ему деревянный дом к северу от усадьбы Хурина; а рабов держал за частоколом, точно скотину в хлеву, но стерегли их вполглаза. Не все они смирились со своей участью; иные храбрецы готовы были помогать Владычице Дор-ломина, даже с опасностью для жизни; от них-то Морвен и получала тайные вести, пусть и безрадостные, о том, что делается в округе. Аэрин же Бродда взял в жены, не в наложницы, ибо в его окружении женщин было мало, и ни одна не могла сравниться с дочерьми эдайн; а Бродда надеялся стать в той земле могучим владыкой и обзавестись наследником, дабы было кому передать власть.

О том, что произошло, и о том, что сулили грядущие дни, Морвен сыну почти не рассказывала, а он боялся нарушить ее молчание расспросами. Когда восточане впервые объявились в Дор-ломине. Турин спросил у матери.

— Когда же вернется отец мой и выдворит это мерзкое ворье? Отчего он все не едет?

— Про то мне неизвестно. — ответствовала Морвен. — Может статься, он погиб или в плену; а может статься, вынужден был отступить далеко прочь и нескоро удастся ему возвратиться сквозь кольцо врагов.

— Тогда думается мне, он мертв, — проговорил Турин, сдерживая слезы при матери, — ибо, будь он жив, так непременно пришел бы к нам на помощь, и никто не сумел бы ему помешать.

— Сдается мне, ни в том, ни в этом правды нет, сын мой, — отозвалась Морвен.

По мере того как шло время, на душе у Морвен делалось все тяжелее, и все сильнее тревожилась она за своего сына Турина, наследника Дор-ломина и Ладроса, ибо не видела она для него будущности иной, нежели угодить в рабство к восточанам, не успеет он и повзрослеть толком. Тут вспомнила она свою беседу с Хурином, и мысли ее вновь обратились к Дориату, и наконец, решилась она втайне отослать Турина из дому, ежели удастся, и молить короля Тингола, чтобы приютил мальчика. И пока сидела она, размышляя, как бы это устроить, отчетливо зазвучал в ее голове голос Хурина, наставляющий: «Уходи, не мешкая! Не жди меня!». Но близились роды, а путь предстоял тяжкий и опасный; и чем дальше, тем меньше приходилось уповать на спасение. А сердце по-прежнему обманывало ее надеждой, в которой она сама себе не признавалась: в глубине души она чувствовала — Хурин жив, и в бессонных ночных бдениях прислушивалась, не услышит ли знакомые шаги, либо просыпалась, думая, будто со двора донеслось ржание коня его Арроха. Более того, хотя охотно согласилась бы она, чтобы сын ее воспитывался в чужих чертогах, по обычаю того времени, сама она еще недостаточно смирила гордость, чтобы жить приживальщицей, пусть даже и при короле. Потому не вняла она голосу Хурина, или воспоминанию о том голосе, и так спрялась первая нить судьбы Турина.

Уже близилась осень Года Скорби, когда Морвен наконец решилась, и тогда заторопилась она, ибо времени на путешествие осталось в обрез, она же боялась, что Турина схватят, если прождать до весны. Восточане рыскали вокруг ограды, шпиона за усадьбой. Так что неожиданно объявила она Турина:

— Отец твой не возвращается. Потому уйти придется тебе, и вскорости. Таково его пожелание.

— Уйти? — воскликнул Турин. — Куда же пойдем мы? За Горы?

— Да, — подтвердила Морвен, — за Горы, далеко на юг. На юг — там, возможно, осталась еще надежда. Но я не сказала «мы», сын мой. Тебе должно уйти, а мне — остаться.

— Я не пойду один! — воскликнул Турин. — Я тебя не оставлю. Отчего нам не уйти вместе?

— Я не могу уйти, — промолвила Морвен. — Но ты пойдешь не один. Я отошлю с тобой Гетрона, а может, и Гритнира тоже.

— Разве не пошлешь ты Лабадала? — спросил Турин.

— Нет; ибо Садор хром, а путь предстоит тяжкий, — отозвалась Морвен. — А поскольку ты мой сын, и времена нынче суровые, я скажу горькую правду: в дороге ты можешь погибнуть. Год близится к концу. Но если ты останешься, худшая участь тебе грозит: станешь рабом. Если хочешь ты быть мужчиной, когда войдешь в возраст, ты сделаешь так, как я говорю, и страхи отринешь.

— Ведь покину я тебя лишь на Садора и слепого Рагнира, и старух, — промолвил Турин. — Разве не говорил мой отец, что я — наследник Хадора? Наследнику должно оставаться в доме Хадора и защищать его. Вот теперь и впрямь жалею я, что отдал свой нож!

— Наследнику должно остаться, но он не может, — возразила Морвен. — Зато в один прекрасный день он, верно, вернется. Так ободрись же! Ежели станет совсем туго, я последую за тобою — коли смогу.

— Как же ты отыщешь меня в глуши? — промолвил Турин, и внезапно не сдержался и разрыдался в открытую.

— Будешь плакать, так кое-кто другой тебя найдет прежде меня, — отвечала Морвен. — Я знаю, куда идешь ты, и ежели доберешься до места и там останешься, там и отыщу тебя, коли смогу. Ибо посылаю я тебя к королю Тинголу в Дориат. Разве не предпочел бы ты быть гостем короля, нежели рабом?

— Не знаю, — промолвил Турин. — Я не знаю, что такое раб.

— Вот я и отсылаю тебя, чтобы тебе не довелось о том узнать, — отозвалась Морвен. И поставила она сына перед собою, и заглянула ему в глаза, словно пытаясь разгадать некую загадку. — Тяжко, Турин, сын мой, — проговорила она наконец. — И тяжело не только тебе. Непросто мне в лихие дни решать, как бы поступить лучше. Но поступаю я так, как мнится мне правильным; иначе зачем бы мне расставаться с самым дорогим, что только у меня осталось?

Более они промеж себя о том не говорили, и горевал Турин, и не знал, что и думать. Поутру

отправился он к Садору, который рубил дрова на растопку, дров же у них было мало, ибо в лес ныне выходить никто не решался. Опершись на костыль, поглядел Садор на парадное кресло Хурина, незаконченным задвинутое в угол.

— Тоже пойдет на дрова, — промолвил он. — В наши дни не до жиру — быть бы живу.

— Не ломай его пока, — попросил Турин. — Может, отец еще вернется домой — и порадуетсЯ, видя, что ты для него смастерил, пока его не было.

— Ложные надежды опаснее страхов, — отозвался Садор, — и зимой нас не согреют. — Он погладил резьбу на кресле и вздохнул. — Зря время потратил, хотя по сердцу мне была работа, — посетовал он. — Но все такие вещи живут недолго, и радость созидания — единственный от них прок, сдается мне. А теперь верну-ка я тебе подарок.

Турин протянул руку — и тут же ее отдернул.

— Дары забирать назад не подобает, — сказал он.

— Если вещь принадлежит мне, разве не волен я отдать ее, кому захочу?

— Волен, — отозвался Турин, — кому угодно, кроме меня. А почему хочешь ты отдать нож?

— Не надеюсь я боле воспользоваться им для достойного дела, — промолвил Садор. — Отныне не будет иной работы Лабадалу, кроме рабьей.

— А что такое раб? — спросил Турин.

— Бывший человек, с которым обращаются, как со скотом, — отвечал Садор. — Кормят только того ради, чтобы не сдох, не дают сдохнуть, чтоб работал, а работает он лишь из страха боли или смерти. А эти лиходеи, случается, убивают либо причиняют боль просто развлечения ради. Я слышал, они отбирают тех, которые легки на ногу, и травят их собаками. Да они быстрее учатся у орков, нежели мы — у Дивного Народа.

— Теперь я понял, — отозвался Турин.

— Жаль, что приходится тебе понимать такое в твои годы, — промолвил Садор, но, увидев странное выражение в лице Турина, спросил: — И что ты понял?

— Почему мать меня отсылает, — отозвался Турин, и глаза его наполнились слезами.

— А! — откликнулся Садор и пробормотал про себя: «И зачем было мешкать так долго?» И, оборотясь к Турину, молвил: — По мне, так плакать тут не о чем. Но не след тебе пересказывать замыслы твоей матери вслух Лабадалу или кому бы то ни было. Ныне все стены и ограды имеют уши, и владельцы тех ушей отнюдь не русоголовы.

— Но должен же я поговорить хоть с кем-нибудь! — воскликнул Турин. — Я всегда тебе все рассказываю. Я не хочу тебя бросать, Лабадал. Не хочу покидать ни дома, ни матери.

— Должно тебе понять ныне: ежели ты останешься, скоро придет конец Дому Хадора, — промолвил старик. — Лабадал не хочет, чтобы ты уходил; но Садор, слуга Хурина, порадуетсЯ, когда сын Хурина окажется недосыгаем для восточан. Ну же, право, ничего тут не попишешь; придется расстаться. Может, хоть теперь возьмешь мой нож как прощальный дар?

— Нет! — откликнулся Хурин. — Я ухажу к эльфам, к королю Дориата — так говорит мать. Там мне, верно, не знать недостатка в таких вещах. А вот подарков я тебе присылать не смогу, Лабадал. Далеко я буду — и совсем один. — И Турин разрыдался; но сказал ему Садор:

— Что такое? Где же сын Хурина? Не он ли мне обещался: «Я стану ратником эльфийского короля, как только подрасту»?

Тогда Турин сдержал слезы и молвил:

— Хорошо же; если таковы были слова сына Хурина, должно ему сдержать их — и уйти. Но всякий раз, как говорю я, что сделаю то и это, в конечном счете все оборачивается иначе, нежели мне мнилось. Теперь уже не хочу я того. Впредь надо быть осмотрительнее в речах и не говорить лишнего.

— Оно и впрямь к лучшему, — согласился Лабадал. — Сколь многие тому учат, сколь немногие тому следуют! Заглянуть в будущее нам не дано; так не будем же и пытаться. Дня сегодняшнего более чем достаточно.

И вот собрали Турина в путь, и распрощался он с матерью и тайно отбыл вместе с двумя спутниками. Но когда те велели Турину оглянуться на отчий дом, боль разлуки пронзила ему сердце словно меч, и воскликнул он:

— Морвен, Морвен, когда же увижу я тебя снова?

Крик этот в лесистых холмах эхом долетел до Морвен, стоявшей на пороге, и стиснула она дверной косяк так, что из-под ногтей выступила кровь. То было первое горе Турина.

В начале следующего года Морвен родила дочь и нарекла ее Низнор, что означает Скорбь. Когда же появилась она на свет, Турин был уже далеко. Долгий путь изобиловал опасностями, ибо власть Моргота распространялась все шире; но проводниками при мальчике были Гетрон и Гритнир, чья молодость пришлась на времена Хадора, и хотя ныне они состарились, были они весьма отважны и хорошо знали тамошние земли: нередко доводилось им странствовать по Белерианду в былые дни. Так волею судьбы и благодаря собственной доблести перевалили они через Тенистые горы и спустились в долину Сириона, и вступили в лес Бретиль; и наконец, изможденные и усталые, достигли границ Дориата. Но там сбились они с пути и запутались в тенетах магии Королевы и плутали, не зная дороги, среди нехоженных чащ, пока не иссякли у них припасы. Едва не погибли они, поскольку зима с севера пришла холодная; но не столь легкая участь была уготована Турину. Нежданно-негаданно слышали отчаявшиеся путники пение рога. В краях тех охотился Белег Могучий Лук: величайший из следопытов тех времен, неотлучно жил он на границах Дориата. Заслышав их крики, Белег поспешил к ним на помощь, и дал им еды и питья, и спросил, кто они и откуда, и преисполнился изумления и сострадания. С приязнью взглянул он на Турина, ибо тот унаследовал красоту матери и глаза отца, и был силен и крепок.

— О какой же милости станешь просить ты короля Тингола? — спросил Белег мальчика.

— Хотел бы я стать одним из его рыцарей и биться с Морготом, и отомстить за отца, — отвечал Турин.

— Верно, так оно и будет, когда прибавится тебе лет, — отозвался Белег. — Хотя мал ты покуда, у тебя все задатки доблестного мужа, достойного зваться сыном Хурина Стойкого, ежели такое возможно. — Имя же Хурина почиталось во всех эльфийских землях. Потому Белег охотно согласился проводить скитальцев, и отвел их в сторожку, где жил в ту пору с другими охотниками; там обрели они приют, а в Менегрот между тем отправили гонца. Когда же пришла весть, что Тингол и Мелиан согласны принять сына Хурина и его провожатых, Белег повел их тайными тропами в Сокрытое Королевство.

Так Турин пришел к великому мосту через Эсгалдуин и вступил в ворота Тинголовых чертогов, и еще ребенком узрел чудеса Менегрота, коих доселе не видел никто из смертных, кроме одного только Берена. Гетрон пересказал Тинголу и Мелиан послание Морвен; Тингол же оказал гостям добрый прием и усадил Турина к себе на колени в честь Хурина, величайшего из мужей, и Берена, его родича. Немало подивились все, кто был в зале, ибо означало это, что Тингол принял Турина на воспитание; а в ту пору не случалось того, чтобы короли оказывали людям подобную милость, да и впредь не поступали так эльфийские владыки. И сказал мальчику Тингол:

— Здесь, о сын Хурина, отныне дом твой; и пока жив ты, будешь ты почитаться моим сыном, хоть ты и человек. Мудрость обретешь ты превыше того, что отмерено смертным; эльфийское оружие вложат тебе в руки. Возможно, наступит день, когда отвоюешь ты отцовские земли в Хитлуме; ныне же живи здесь, окруженный любовью.

Так Турин поселился в Дориате. Гетрон и Гритнир, его провожатые, до поры оставались с ним, хотя всем сердцем стремились вернуться к госпоже своей в Дор-ломин. И вот старость и недуг подкосили Гритнира, и дожил он век свой при Турине; Гетрон же ушел, и Тингол послал с ним надежных провожатых, в защиту и помощь, и поручено им было доставить Морвен послание Тингола. Добрались они наконец до усадьбы Хурина, и когда узнала Морвен, что Турин с почетом принят в чертогах Тингола, полегчало у нее на душе; эльфы же принесли ей богатые дары от Мелиан и приглашение вернуться вместе с гонцами Тингола в Дориат. Ибо Мелиан мудра была и прозорлива, и надеялась тем самым отвратить зло, замышляемое Морготом. Но не пожелала Морвен покинуть дом, и упорствовала в своем решении, не смилив до поры гордости; притом Низнор была грудным младенцем. Потому Морвен отослала эльфов Дориата со словами благодарности и одарила их последними золотыми вещами, что у нее оставались, скрывая нищету свою; и наказала передать Тинголу Шлем Хадора. Турин же с нетерпением ждал возвращения Тинголовых посланцев; когда же вернулись они одни, он убежал в леса и расплакался: знал он о приглашении Мелиан и надеялся, что Морвен придет. То было второе горе Турина. Когда же гонцы передали ответ Морвен, Мелиан преисполнилась сострадания, ибо читала в душе у нее; и поняла Мелиан, что судьбу, кою провидит она, отвратить не так-то просто.

Шлем Хадора вручили Тинголу. Шлем тот откован был из серой стали, изукрашен золотом, и вились по нему руны победы. И хранил он владельца от ран и от смерти: ибо ломался меч от удара по шлему, и стрела отлетала, не причинив вреда. Сработал его Тельхар, кузнец из Ногрода, прославленный своими творениями. Шлем снабжен был забралом (вроде тех, что гномы использовали в своих кузнях, прикрывая глаза); и тот, кто надевал шлем, обличем своим вселял страх в сердца всех, его лицезревших, сам же защищен был от стрелы и огня. На гребне шлема гордо красовалась золоченая фигура дракона Глаурунга; ведь сделали шлем вскорости после того, как дракон впервые выполз за Морготовы ворота. Хадор, а после него и Галдор, часто надевали этот шлем в битву, и воодушевлялось хитлумское воинство, видя, как высится шлем над битвенным полем, и восклицали они: «Золотой змей Ангбанда не чета Дракону Дор-ломина!» Хурину же тяжек был Драконий Шлем; да и не желал он носить его, говоря: «Лучше истинное свое лицо покажу я врагу». Однако ж почитал он шлем одним из величайших сокровищ своего дома.

А у Тингола были в Менегроте глубокие оружейни, где хранилось без числа оружия: металл доспехов, сработанный на манер рыбьей чешуи, сиял, точно вода под луной; были там мечи и топоры, щиты и шлемы, откованные самим Тельхаром или его наставником Гамилом Зираком Старым, или эльфийскими кузнецами еще более искусными. Ибо иные сокровища, полученные королем в дар, привезены были из Валинора и вышли из рук искусного Феанора, а мастера более великого не рождалось за всю историю мира. Однако ж Тингол принял Шлем Хадора так почтительно, как если бы сам обладал лишь малою толикой богатств, и повел учтивые речи, говоря:

— Гордое чело венчал этот шлем: носили его отец и дед Хурина.

И тут пришла ему в голову мысль, и призвал он Турина, и поведал ему, что Морвен послала сыну великое сокровище, наследие праотцев его.

— Прими же ныне Драконий Шлем Севера, — промолвил король, — и когда придет срок, носи его с честью.

Но Турин был еще слишком мал, и недостало у него сил поднять шлем, и, скорбя душою, оставил он дар без внимания.

ТУРИН В ДОРИАТЕ

Пока рос Турин в королевстве Дориат, за ним приглядывала Мелиан, хотя видел он ее нечасто. Жила там в лесах дева именем Неллас; по велению Мелиан она следовала за Туринном, когда блуждал тот по лесу, и часто встречалась ему на пути, словно случайно. Тогда играли они вместе или бродили рука об руку, ибо Турин быстро вырослел, она же казалась его ровесницей, да и была дитя душою, невзирая на свои эльфийские годы. От Неллас Турин узнал многое о тропах, о зверье и птицах Дориата; учила она его изъясняться на языке синдарин так, как принято было в древнем королевстве — то есть речи более старинной, и учтивой, и богатой на красивые слова. В ту пору ненадолго полегчало на душе у Турина, но очень скоро вновь помрачнел он, и дружба эта минула, словно весеннее утро. Неллас не переступала порога Менегрота — тяжело ей было под каменными сводами; так что, когда прошло детство Турина и обратились его помыслы к деяниям мужей, виделись они все реже и реже, и наконец вовсе перестал призывать ее Турин. Однако Неллас по-прежнему приглядывала за ним, но теперь — тайно, не выдавая себя.

Девять лет прожил Турин в чертогах Менегрота. Сердце его и мысли то и дело обращались к родне, и время от времени получал он утешные известия. Тингол слал гонцов к Морвен так часто, как мог, она же передавала послания для сына своего; так Турин узнал, что положение Морвен улучшилось и что сестра его Низнор, цветок унылого Севера, хорошеет с каждым днем. Турин же вырос могуч и крепок — высок даже по меркам людей, ростом превзошел он эльфов Дориата, и молва о силе его и мужестве разнеслась по королевству Тингола. В те годы великую мудрость обрел он, жадно внимая сказаниям о Древних Днях и о великих деяниях старины, и сделался задумчив и немногословен. Часто Белег Могучий Лук приходил за ним в Менегрот и уводил его далеко в чащи, и обучал лесной науке, и стрельбе из лука, и владению мечом (что пришлось Турину особенно по душе); а вот ремесла давались ему куда хуже — не признавал он собственной силы и нередко портил творение рук своих одним неловким ударом. Да и во многом ином судьба, похоже, не благоволила ему, ибо часто замыслы его шли прахом, и не добивался он того, чего желал; и друзей у него было мало: веселым нравом он не отличался и смеялся редко — тень омрачала его юность. Однако ж любовью и уважением дарили Турина те, кто хорошо знал его; и пользовался он почетом как воспитанник короля.

Однако жил в Дориате некто Саэрос, который завидовал Турину, и завидовал тем сильнее, чем старше тот становился. Был Саэрос весьма надменен и заносчиво обходился с теми, кого почитал ниже себя по положению и достоинству. Стал он другом Даэрону-менестрелю, ибо тоже искусен был в песнях; и людей не жаловал, тем более — родню Берена Однорукого. «Не диво ли, что в землю нашу допустили еще одного из сыновей этого злополучного народа? — говорил он. — Или тот, другой, мало зла причинил Дориату?» Потому косо смотрел он на Турина и на все деяния его, пороча их по возможности; однако слова подбирал с умом и скрывал свою злобу. Если никого не случалось рядом, говорил он с Туринном свысока и держался оскорбительно; изрядно досаждал он Турину, хотя долгое время Турин отвечал на грубость — молчанием, ибо Саэрос был советником короля и среди народа Дориата пользовался немалой властью. Однако молчание Турина гневilo Саэроса не меньше, чем резкий отпор.

В год, когда исполнилось Турину семнадцать лет, вновь постигло его горе: в ту пору перестали приходить вести из дому. Власть Моргота росла год от года, и ныне весь Хитлум пребывал под его тенью. Несомненно, многое знал Враг о том, что происходит в народе Хурина и среди родни его, и до поры оставлял их в покое, дабы вернее исполнился его замысел; но теперь выставил он зоркую стражу на всех перевалах Тенистых гор, так что никто не мог ни покинуть Хитлума, ни войти в Хитлум, не подвергая себя смертельной опасности, а у истоков Нарога и Тейглина и в верховьях Сириона кишмя кишели орки. И вот однажды не вернулись гонцы Тингола, и отказался он послать новых. Весьма неохотно позволял он своим подданным выходить за огражденные пределы: величайшее благоволение выказал он Хурину и родне его, посылая эльфов опасными дорогами к Морвен в Дор-ломине.

И вот тяжело сделалось на сердце у Турина, ибо не знал он, что за новое зло приключилось, и страшился, что беда постигла Морвен и Низнор; и много дней размышлял он молча о гибели Дома Хадора и людей Севера. Затем воспрял он и отправился к Тинголу: король же и Мелиан восседали под великим буком Менегрота именем Хирилорн.

С удивлением воззрился на Турина Тингол, внезапно увидав перед собою вместо своего воспитанника — незнакомого мужа, высокого и темноволосого: молча обратил тот на короля взгляд глубоко посаженных глаз; бледным, суровым и гордым было лицо его.

— Чего желаешь ты, о воспитанник? — спросил Тингол, догадываясь, что попросит он не о мелочи.

— Кольчугу, меч и щит, чтобы были мне по росту, — отвечал Турин. — А еще с дозволения твоего возьму я ныне Драконий Шлем своих предков.

— Все это получишь ты, — промолвил Тингол. — Но что у тебя за нужда в вооружении?

— Нужда мужа и сына, коему должно помнить о родне своей, — отвечал Турин. — Надобны мне также и соратники, доблестные воины.

— Я назначу тебе место среди моих рыцарей-мечников, ибо меч — твое оружие, — проговорил Тингол. — С ними испытаешь ты себя в войне на границах, ежели таково твое желание.

— За пределы границ Дориата влечет меня сердце, — промолвил Турин. — Атаковать врага стремлюсь я, а не защищаться.

— Тогда придется тебе отправиться одному, — промолвил Тингол. — Что за роль отведена народу моему в войне с Ангбандом, решаю я по своему разумению, Турин сын Хурина. Не вышлю я ныне из Дориата вооруженных отрядов; да и в будущем не увижу я того.

— Однако ж ты волен идти своим путем, о сын Морвен, — рекла королева. — Пояс Мелиан не воспрепятствует тем, кто вошел в здешние земли с нашего дозволения.

— Разве что мудрый совет удержит тебя, — произнес Тингол.

— И каков же совет твой, государь? — спросил Турин.

— Взрослым мужем кажешься ты — и ростом, и статью; воистину, более, чем многие иные, — отвечал Тингол, — и все же еще не вполне возмужал ты. А до тех пор должно тебе набраться терпения, испытать и закалить свою силу. Вот тогда, верно, и впрямь настанет час вспомнить о своей родне; однако ж мало надежды на то, что один-единственный смертный сможет сделать больше в борьбе против Темного Властелина, кроме как посодействовать обороне эльфийских владык, куда стоит она.

— Родич мой Берен сделал больше, — отозвался Турин.

— Берен — и Лутиэн, — промолвила Мелиан. — Однако чрезмерно дерзок ты, говоря так с отцом Лутиэн. Сдается мне, не столь высок твой жребий, о Турин, сын Морвен, хотя и наделен ты великими задатками, и судьба твоя переплетена с судьбой эльфийского народа, к добру или к худу. Берегись самого себя, дабы не случилось беды. — И, помолчав, обратилась она к нему снова, говоря: — Ступай же ныне, приемный сын, и послушайся совета короля. Так оно неизменно мудрее, нежели поступить по-своему. Однако ж не думаю, что, возмужав, долго пробудешь ты с нами в Дориате. Если в грядущие дни вспомнишь ты слова Мелиан, так себе во благо; опасайся и жара, и холода своего сердца и научись терпению, коли сможешь.

И поклонился им Турин, и ушел. Вскорости после того надел он Драконий Шлем, и вооружился, и отправился на северные границы, и примкнул к эльфийским воинам, что неустанно сражались там с орками и прочими прислужниками и тварями Моргота. Так, едва лишь минуло его отрочество, Турин испытал на деле свою силу и храбрость; и памятуя об обидах родни своей, неизменно бывал он первым в дерзких деяниях, и не раз бывал ранен копьем, и стрелой, и кривыми клинками орков.

Но судьба хранила его от гибели; и прошел по лесам слух, будто вновь объявился Драконий Шлем Дор-ломина, и разнеслась о том молва далеко за пределами Дориата. Многие дивились тому, говоря:

— Может ли дух человека вернуться из мертвых; или Хурин Хитлумский в самом деле бежал из Адовых подземелий?

В ту пору среди приграничной стражи один только Белег Могучий Лук превосходил Турина ратной доблестью; и Белег с Туриним делили все опасности и вместе скитались по лесной глуши из конца в конец.

Так прошло три года; за это время нечасто объявлялся Турин в чертогах Тингола; и более не заботился о том, как выглядит и во что одет — волосы его были нечесаны, а кольчуга и прикрывающий ее серый плащ видали лучшие дни. Но на третье лето после ухода Турина, когда сравнялось ему двадцать, вышло так, что захотелось ему отдохнуть и понадобилась помощь кузнецов — починить оружие и доспехи; и вот нежданно-негаданно вернулся он в Менегрот и как-то вечером явился в пиршественный зал. Тингола там не случилось — в разгар лета в радость ему было бродить по зеленым лесам вместе с Мелиан. Турин уселся куда придется, ибо устал с дороги и размышлял о своем; и по несчастливой случайности выбрал себе место за столом среди старейшин королевства, там, где сиживал обычно Саэрос. Припоздавший же Саэрос разгневался, полагая, что

Турин поступил так из гордыни и с намерением оскорбить его; и отнюдь не утих его гнев, когда сидевшие там и не подумали упрекнуть Турина, но приветили как равного.

Потому поначалу Саэрос сделал вид, будто нимало не возражает, и сел на другое место, напротив Турина.

— Воистину нечасто приграничный страж оказывает нам честь своим обществом, — промолвил он, — и охотно уступаю я привычное место ради возможности перемолвиться с ним словом.

Турин же, что в ту пору беседовал с Маблунгом Охотником, встать не встал и ограничился коротким:

— Благодарствую.

И принялся Саэрос донимать его вопросами про вести с границ и про деяния его в глуши, но хотя учтивыми казались слова его, в голосе явственно звучала насмешка. Надоело это Турину, и оглянувшись он по сторонам, и ощутил горький вкус изгнания; и невзирая на яркий свет и смех эльфийских чертогов, мысли его обратились к Белегу и лесной жизни, а затем — еще дальше, к Морвен, что осталась в Дор-ломине, в отчем доме; и нахмурился он, помрачнев, и ничего не ответил Саэросу. Саэрос же, решив, что хмурый взгляд обращен к нему, не сдержал гнева; достал он золотой гребень и швырнул его на стол перед Туринном, восклицая:

— Ты, человек из Хитлума, надо думать, пришел к столу в спешке, так что драный плащ извинителен; но почто волосы твои спутаны, как ежевичные заросли? Верно, кабы нечесанные космы не закрывали твоих ушей, ты бы лучше слышал, что говорят тебе.

Турин молча повернулся к Саэросу, и в темных глазах его блеснул металл. Саэрос же не внял предостережению и, в свой черед одарив Турина презрительным взглядом, бросил во всеуслышание:

— Ежели мужи Хитлума столь свирепы и дики, то каковы женщины той земли? Верно, бегают они по лесам, точно лани, одетые лишь в плащ из собственных волос?

И схватил Турин кубок, и швырнул его в лицо Саэросу, и тот опрокинулся назад и сильно расшибся. Турин же выхватил меч и бросился бы на него, но удержал его Маблунг. Тогда поднялся Саэрос, и сплюнул кровь на стол, и выговорил, как мог, разбитыми губами:

— Как долго станем мы привечать тут этого невежу? Кто нынче распоряжается в зале? Закон короля суров к тем, кто чинит урон его подданным под сенью чертога; обнажившего же клинок самый мягкий приговор объявит вне закона. За пределами дворца я бы ответил тебе, Лесной дикарь!

Но, увидев на столе кровь, Турин разом остыл, пожав плечами, высвободился из рук Маблунга и ушел из чертога, не говоря ни слова.

И молвил Маблунг Саэросу:

— Что нынче неймется тебе? В этом несчастье тебя почитаю я виновным; и, верно, королевский закон сочтет, что разбитые губы — справедливое воздаяние за насмешку.

— Ежели щенок недоволен, пусть несет обиду на суд короля, — отвечал Саэрос. — Но обнажать здесь мечи никому не дозволено. За пределами чертога, коли дерзнет он угрожать мне оружием, я убью его.

— Как бы наоборот не вышло, — молвил Маблунг. — Но кто бы из вас ни погиб, недоброе то будет деяние, такое больше пристало Ангбанду, нежели Дориату, и повлечет оно за собою новое зло. Воистину чувствую я, будто тень Севера коснулась нас нынче вечером. Остерегись, Саэрос, как бы в гордыне твоей не случилось тебе исполнять волю Моргота, и помни, что ты — из народа эльдар.

— Я о том не забываю, — отозвался Саэрос, но гнев его не утих, и всю ночь распалялась его злость, питая обиду.

Поутру Саэрос подстерег Турина, когда тот спозаранку покинул Менегрот, вознамерившись вернуться к границам. Недалеко ушел он, когда Саэрос напал на него сзади с обнаженным мечом и при щите. Однако Турин, привыкший в глуши к бдительности, заметил его краем глаза и, отскочив в сторону, мгновенно выхватил меч и обрушился на врага.

— Морвен! — воскликнул он. — Теперь-то обидчик твой поплатится за свои насмешки!

И рассек он Саэросов щит, и сразились они, и засверкали клинки. Но Турин прошел суровую школу и ловкостью ныне не уступал любому эльфу, а вот силой обладал куда большей. Очень скоро

одержал он верх и ранил Саэроса в правую руку, и тот оказался в его власти. И наступил Турин на меч, выпавший из руки Саэроса.

— Саэрос, — промолвил он, — долгая пробежка предстоит тебе, а от одежды одна только помеха; довольствуйся собственными волосами.

И резко швырнув его наземь, он раздел противника, и устранился Саэрос, почувствовав, сколь велика сила Турина. Турин же позволил ему подняться — и закричал:

— Беги же, беги, глумливый насмешник над женщинами! Беги! А уступишь в проворстве оленю, так я подгоню тебя сзади.

И приставил Турин острие меча к его ягодицам, и тот кинулся в леса, в ужасе зовя на помощь; но Турин неотступно следовал за ним как гончая, и куда бы Саэрос ни побежал, куда бы ни свернул он, всегда сзади оказывался меч, подгоняя его вперед.

На вопли Саэроса сбежались многие другие и поспешили вдогонку, но лишь самые проворные смогли поравняться с бегущими. Первым подоспел Маблунг, весьма встревоженный, ибо, хотя порицал Саэроса за насмешки, «злоба, пробудившаяся утром, еще до ночи обернется радостью Моргота»; и, более того, прискорбным делом почиталось самовольно позорить и унижать кого-либо из эльфийского народа, не представив дела на суд. Никто в ту пору не знал, что Саэрос первым напал на Турина, замыслив убить его.

— Стой, Турин, стой! — кричал Маблунг. — Орочья это работа!

— Орочья работа была прежде; а теперь всего лишь орочьи игры, — откликнулся Турин. До того как Маблунг заговорил, он уже собирался отпустить Саэроса, но теперь с криком кинулся на него снова, а Саэрос, уже отчаявшись обрести помощь и полагая, что смерть близка, бежал куда глаза глядят, пока не оказался вдруг на обрыве: здесь, на дне глубокой расселины, тек ручей, питавший Эсгалдуин, и торчали из воды высокие камни; в этом месте олень перескочил бы с одной стороны на другую. Слепленный ужасом Саэрос прыгнул — но не удержался на противоположном склоне, и с криком сорвался назад, и разбился о громадный камень в воде. Так закончилась жизнь его в Дориате; и нескоро выпустит его Мандос.

Турин глянул вниз, на распростертое в ручье тело, и подумал:

«Злосчастный дурень! Здесь бы я отпустил его восояси — обратно в Менегрот. А теперь из-за него я оказываюсь без вины виноватым». И обернулся он, и хмуро воззрился на Маблунга и его спутников, что подоспели к месту событий и теперь стояли рядом на обрыве. Помолчав, Маблунг удрученно промолвил:

— Увы! Ступай теперь обратно с нами, Турин: королю должно судить такие дела.

Ответствовал Турин:

— Кабы справедлив был король, он счел бы меня безвинным. Однако разве этот вот не входил в число его советников? С какой бы стати справедливому королю выбирать в друзья злобную душу? Я отрекаюсь от его закона и его суда.

— Гордыни исполнены слова твои, — промолвил Маблунг, хотя и жалел юношу. — Научись мудрости! Не быть тебе беглецом! Я велю тебе вернуться со мною вместе — велю как друг. Есть и другие свидетели. Когда король узнает правду, то, верно, дарует тебе прощение.

Но опротивели Турину эльфийские чертоги, и страшился он заточения, потому отвечал он Маблунгу:

— Я отказываюсь повиноваться тебе. Не стану я безвинным оправдываться перед королем Тинголом; и отправлюсь я ныне туда, где приговор его меня не настигнет. Выбор перед тобой: либо ты отпустишь меня восояси, либо убьешь меня, если так велит твой закон. Для того, чтобы взять меня живым, вас слишком мало.

Глаза его пылали огнем, и поняли эльфы, что Турин не шутит, и расступились, давая ему пройти.

— Одной смерти довольно, — промолвил Маблунг.

— Я не желал этой смерти, но я о ней не скорблю, — отозвался Турин. — Да судит его Мандос по справедливости; а ежели возвратится он когда-нибудь в земли живых, да поведет он себя мудрее. Доброго пути!

— Ступай куда глаза глядят, — отозвался Маблунг. — Ибо так пожелал ты сам. Доброго пути напрасно желать: ежели пойдешь ты этим путем, так добра с того не будет. Тень коснулась тебя.

Когда мы встретимся снова, да не сгустится она еще темнее.

На это Турин не ответил ни слова, но покинул эльфов и быстро ушел прочь, в одиночестве, и никто не знал куда.

Говорится, что, когда Турин не вернулся к северным границам Дориата и никаких вестей о нем не было, Белег Могучий Лук сам отправился за ним в Менегрот и с тяжким сердцем узнал о деяниях Турина и его бегстве. Вскорости после того во дворец возвратились Тингол и Мелиан, ибо лето близилось к концу, и когда королю сообщили обо всем, что случилось, молвил он:

— Прискорбное это дело должен я разобрать подробно. И хотя советник мой Саэрос убит, а приемный сын мой Турин бежал, завтра воссяду я на трон суда и вновь выслушаю все в должном порядке, прежде чем изреку приговор.

На следующий день король воссел на трон в зале судилища, а вокруг него собрались вся знать и старейшины Дориата. Выслушано было немало свидетелей, а из них всех Маблунг говорил больше и внятнее прочих. И пока рассказывал он о застольной ссоре, показалось королю, что в сердце своем Маблунг сочувствует Турину.

— Ты говоришь как друг Турина, сына Хурина? — спросил Тингол.

— Я был ему другом; но правду я любил и люблю больше — и дольше, — отвечал Маблунг. — Выслушай же меня до конца, государь!

Когда же обо всем было рассказано, вплоть до прощальных слов Турина, Тингол вздохнул; и глянул он на тех, кто сидел перед ним, и молвил:

— Увы! Вижу я тень на ваших лицах. Как прокралась она в мое королевство? Злоба и вражда дают о себе знать. Саэроса почитал я и верным, и мудрым советником; но кабы остался он в живых, на него обрушился бы мой гнев, ибо злы были его насмешки, и на нем лежит вина за все, что произошло в чертоге. Турин же прощен и оправдан. Но не могу я закрыть глаза на его последующие деяния, когда ярости должно бы остыть. То, что опозорил он Саэроса и затравил его до смерти — преступления худшие, нежели нанесенная ему обида. О надменности и жестокости говорят они.

Тингол надолго задумался — и наконец печально произнес:

— Неблагодарен воспитанник мой и, воистину, горд не по чину. Могу ли я и впредь предоставлять кров тому, кто презирает меня и закон мой, могу ли я простить того, кто не желает раскаяться? Вот каков будет приговор мой. Я изгоню Турина из Дориата. Ежели пожелает войти он, то предстанет пред моим судом; и пока не воззовет он о прощении у ног моих, мне он больше не сын. Ежели кто почитает мое решение несправедливым, пусть скажет о том!

В зале воцарилось молчание, и Тингол воздел руку, дабы провозгласить приговор. Но в этот миг в залу вбежал Белег и воскликнул:

— Государь, позволишь ли мне говорить?

— Ты опоздал, — ответствовал Тингол. — Разве не звали тебя вместе с прочими?

— Так, государь, — отвечал Белег, — но я задержался, ибо искал ведомого мне свидетеля. Теперь же наконец привел я того, кого должно выслушать, прежде чем объявишь ты свой приговор.

— Все, у кого было что сказать, сюда уже призваны, — молвил король. — Что такого может открыть твой свидетель более важного, нежели те, кто уже говорил предо мной?

— Ты рассудишь сам, когда выслушаешь, — отозвался Белег. — Ежели я когда-либо заслуживал твоей милости, так не откажи мне сейчас.

— Не откажу, — проговорил Тингол. И вышел Белег, и ввел в зал за руку деву Неллас, что жила в лесах и никогда не бывала в Менегроте; и оробела она, устранившись и величественного многоколонного зала, и каменных сводов, и обращенных к ней взглядов. Когда же Тингол повелел ей говорить, молвила она:

— Государь, я сидела на дереве, — и смешалась она во власти благоговейного страха перед королем, и не могла более выговорить ни слова.

На это улыбнулся король и молвил:

— Многие иные поступали так же, но не считали нужным рассказывать мне о том.

— Многие воистину, — подтвердила она, ободренная его улыбкой. — И даже Лутиэн! О ней думала я в то утро, и о человеке именем Берен.

На это Тингол не отозвался ни словом: более не улыбался он, но ждал, когда Неллас заговорит снова.

— Ибо Турин напоминал мне Берена, — наконец произнесла она. — Мне рассказывали, они в родстве; иные замечают и сходство — те, что глядят внимательно.

— Может, и так, — вскипел Тингол. — Но Турин, сын Хурина, ушел, презрев меня, и не придется тебе более распознавать в облике Турина родню его. Ибо ныне изреку я приговор.

— Государь! — воскликнула тут Неллас. — Будь ко мне снисходителен, позволь мне сперва договорить. Я сидела на дереве — и провожала Турина глазами, когда уходил он; и увидела я, как из лесу вышел Саэрос — с мечом и щитом, и нежданно-негаданно напал на Турина.

При этих словах ропот поднялся в зале; король же поднял руку, говоря:

— Не ждал я вестей столь прискорбных. Теперь же внимательно обдумывай свои речи, ибо здесь — зала судилища.

— Вот так и Белег сказал мне, — отвечала она, — только поэтому и осмелилась я прийти сюда — чтобы Турина не осудили безвинно. Он храбр, но и милосерден тоже. Эти двое, они сражались, государь, пока Турин не лишил Саэроса и щита, и меча; убивать же его не стал. Потому не думаю я, что Турин под конец желал ему смерти. А если Саэрос был посрамлен, так сам и заслужил свой позор.

— Приговор выносить мне, — промолвил Тингол, — но то, что рассказала ты, я приму во внимание.

И король подробно расспросил Неллас, и наконец обернулся к Маблунгу, говоря:

— Странно мне, что Турин ни словом не упомянул тебе обо всем об этом.

— Однако ж не упомянул, — отозвался Маблунг, — или я пересказал бы тебе все как есть. И иначе говорил бы я с ним при расставании.

— И приговор мой теперь будет иным, — промолвил Тингол. — Внемлите же! Ежели Турин в чем и повинен, вину его я ныне прощаю, ибо нанесли ему обиду и вывели его из себя. А поскольку оскорбитель — воистину один из моих советников, как сказал Турин, не придется Турину молить меня о помиловании — я пошлю ему мое прощение, где бы уж он ни был; и с честью призову его обратно в свои чертоги.

Но едва прозвучал приговор, внезапно разрыдалась дева Неллас:

— Где же найти его? — воскликнула она. — Он покинул наши края, а мир — велик.

— Его отыщут, — заверил Тингол. И поднялся он, и Белег увел Неллас из Менегрота, и сказал ей так:

— Не плачь, если жив Турин и по-прежнему бродит по земле, я найду его, пусть даже все прочие не преуспеют.

На следующий день Белег предстал пред Тинголом и Мелиан, и молвил ему король:

— Дай мне совет, Белег; скорблю я и горюю. Нарек я сына Хурина своим сыном — таковым и пребывать ему, пока сам Хурин не возвратится из мрака и не заберет его от меня. Не желаю я, чтобы говорили, будто Турин несправедливо был изгнан из Дориата в лесную глушь; порадовался бы я его возвращению, ибо любил его.

— Дозволь мне, государь, — отозвался Белег, — и от твоего имени я исправлю причиненное зло, ежели смогу. Не должно сгинуть в глуши задаткам столь славным. Дориат нуждается в нем, и нужда эта возрастет со временем. И мне тоже дорог он.

И рек Тингол Белегу:

— Вот теперь есть у меня надежда, что поиски завершатся успехом! Ступай с моим благословением, и ежели найдешь Турина, оберегай и направляй его, как сможешь. Белег Куталион, вот уже немало лет ты — первый из защитников Дориата, многими своими доблестными и мудрыми деяниями заслужил ты мою признательность. Величайшим же из подвигов сочту я, коли отыщешь ты Турина. Теперь же, в час расставания, проси любого дара: ни в чем не откажу я тебе.

— Тогда попрошу я о добром мече, — промолвил Белег, — ибо орки ныне рыщут в великом

множестве и подбираются слишком близко, так что одного лука мне мало, а тот клинок, что есть у меня, их броню не берет.

— Выбирай любой, — отвечал Тингол, — кроме разве Аранрута, моего собственного.

Тогда Белег выбрал Англахель, меч весьма прославленный, названный так потому, что выкован был из железного слитка, который пал с небес пылающей звездой: лезвие его рассекало любое железо, добытое из земных недр. Один лишь клинок в Средиземье был ему подобен. В этом предании речи о нем не идет, хотя ковал его из того же металла тот же самый кузнец, а кузнецом тем был Эол Темный эльф: он взял в жены Арэдель, сестру Тургона. Эол отдал Англахель Тинголу в уплату за дозволение поселиться в Нан Эльмоте и сделал это весьма неохотно; но второй меч, Ангуирель, парный к Англахелю, Темный эльф оставил себе; впоследствии Маэглин похитил его у отца.

Но когда Тингол подал Белегу Англахель рукоятью вперед, Мелиан глянула на лезвие и молвила:

— То недобрый меч. Душа кузнеца живет в нем и по сей день, и черна та душа. Не полюбит меч руку, которой станет служить, и недолго у тебя пробудет.

— Однако ж намерен я владеть им, пока в силах, — отвечал Белег и, поблагодарив короля, взял меч и пустился в путь. Долго скитался он по Белерианду, тщетно пытаясь разузнать хоть что-нибудь о Турине; и многие опасности подстерегали его на пути; минула зима, а за ней и весна.

ТУРИН СРЕДИ ИЗГОЕВ

Ныне же повествование вновь возвращается к Турину. Он, почитая себя изгоем, коего король станет преследовать, не вернулся к Белегу на северные границы Дориата, но ушел на запад и, незамеченным покинув пределы Хранимого Королевства, оказался в лесах к югу от Тейглина. До Нирнаэт там жило немало людей в отдельно стоящих хуторах: по большей части принадлежали они к народу Халет, однако правителя над ними не было; жили они как охотой, так и земледелием, выпасали свиней, возделывали расчищенные участки, отгородив их от дикой чащи. Теперь почти все эти люди погибли либо бежали в Бретиль, и в краю том хозяйничали орки да разбойники. Ибо в те лихие времена бездомные, отчаявшиеся люди сбивались с пути: были среди них и те, кто уцелел в проигранных битвах и на разоренных землях; а иных изгнали в глушь за совершенные преступления. Они охотились, промышляли себе пищу, какую могли; многие занялись грабежом и не ведали жалости, когда подгонял их голод либо иная нужда. Зимой они становились особенно опасны — под стать волкам; те, кто еще защищал дома свои, так их и называли: гаурвайт, люди-волки. Человек шестьдесят сбился в отряд, скитаясь по лесам за пределами западных границ Дориата; и ненавидели их едва ли меньше орков, ибо были среди них изгои, ожесточенные сердцем и озлобленные против своих же соплеменников.

Самым жестоким среди них был некто именем Андрог: ему пришлось бежать из Дор-ломина из-за убийства женщины; из той же земли пришли и другие — старый Алгунд, самый старший в отряде, что спасся из битвы Нирнаэт, и Форвег, как сам он себя называл, светловолосый, с бегающими блестящими глазами, дюжий и храбрый; давно отрекся он от обычаев эдайн народа Хадора. Однако даже теперь являл он порою и мудрость, и великодушие; он возглавлял отряд. Ныне число их умалилось примерно до пяти десятков, ибо многие погибли в стычках или не выдержали лишений и тягот; и сделались изгои весьма опасливы и высылали вперед разведчиков или дозорных, будь то в пути или на привале. Так что, едва Турин забрел в их уголья, разбойники о том прознали, выследили его и взяли в кольцо — и, выйдя на прогалину у ручья, внезапно оказался он в кругу людей с натянутыми луками и обнаженными мечами.

Турин остановился, но страха не выказал.

— Кто вы такие? — спросил он. — Я думал, одни только орки устраивают засаду на людей; вижу, что ошибался.

— И, чего доброго, горько пожалеешь о своей ошибке, — промолвил Форвег. — Ибо это наши уголья, и мои люди не позволяют чужакам свободно здесь разгуливать. В уплату мы отбираем у них жизнь, разве что они в состоянии ее выкупить.

Турин мрачно рассмеялся:

— С меня, с отверженного изгоя, ты выкупа не возьмешь. Можешь обыскать мой труп, но дорогой ценой заплатишь ты за право проверить истинность моих слов. Многие из вас, верно, умрут раньше.

Однако ж казалось, что Турин и впрямь на волосок от гибели, ибо не одна стрела, вложенная в тетиву, дожидалась слова вожака, и хотя на Турине под серой туникой и плащом была эльфийская кольчуга, две-три нашли бы смертоносную цель. Враги стояли слишком далеко: мечом не достать, даже в прыжке. Но Турин вдруг нагнулся, углядев под ногами у кромки ручья камень-другой. В это самое мгновение какой-то разбойник, разозленный его гордыми словами, выстрелил, метя чужаку в лицо, но стрела пронеслась над его головой, Турин же резко распрямился, точно высвобожденная тетива, и швырнул камень в лучника, и так силен и точен был бросок, что тот рухнул наземь с проломленной головой.

— Живым я бы пригодился вам больше, вместо этого злополучного бедолаги, — промолвил Турин и, обернувшись к Форвегу, молвил: — Коли ты тут предводитель, так не след тебе позволять своим людям стрелять без приказа.

— Я и не позволяю, — отозвался Форвег, — но этот поплатился достаточно быстро. Я возьму тебя вместо него, коли станешь ты лучше прислушиваться к моим словам.

— Стану, — промолвил Турин, — покуда ты — предводитель, и во всем, что предводителю пристало. Однако принять ли нового человека в содружество, решает не он один, сдается мне. Должно выслушать всех и каждого. Есть тут такие, кому я не мил?

Двое разбойников воспротивились; один из них приходился другом убитому. Звался он Улрад.

— Станный способ вступить в отряд — убить одного из лучших наших людей! — промолвил он.

— Он первым бросил мне вызов, — отозвался Турин. — Ну так что ж! Я готов биться с вами обоими,

с оружием или голыми руками. Тогда вы сами убедитесь, достоин ли я заменить одного из лучших ваших людей. Но ежели для испытания потребуются луки, тогда лук нужен и мне. — И он шагнул к изгоям, но Улрад попятился назад и сражаться не захотел. Второй же бросил лук наземь и пошел навстречу Турину. То был Андрог из Дор-ломина. Он встал перед Туринем и смерил его взглядом.

— Нет, — наконец промолвил он, качая головой. — Всяк знает, я — не трус малодушный, однако же тебе я не ровня. Как и никто из наших, сдастся мне. Коли ты к нам примкнешь, я против не буду. Но в глазах у тебя странный блеск; опасный ты человек. Как твое имя?

— Нейтаном, «безвинно обиженным», зову я себя, — промолвил Турин, и Нейтаном с тех пор именовали его изгой; и хотя говорил он, что пострадал от несправедливости (и слишком охотно верил любому, кто утверждал про себя то же самое), ничего более так и не открыл он ни о своей жизни, ни о том, откуда родом. Однако ж ясно было, что некогда занимал он положение весьма высокое и хотя ничего при нем нет, кроме оружия и кольчуги, сработаны они эльфийскими кузнецами. Очень скоро завоевал он одобрение сотоварищей, ибо был силен и отважен, и лесной наукой владел лучше них; соратники же доверяли ему, поскольку Турин не был жаден и о себе думал мало; но боялись его — из-за внезапных вспышек гнева, которых не понимали.

В Дориат Турин вернуться не мог, или гордость не позволяла; в Нарготронд после гибели Фелагунда не допускали никого. Отправиться к малому народу Халет в Бретиль он считал ниже себя, а в Дор-ломин идти не решался, ибо на подступах к нему кишмя кишели враги, и мнилось ему, что в ту пору одинокому путнику нечего и надеяться пройти через перевалы гор Тени. Потому Турин остался с изгоями — ведь в обществе себе подобных легче вынести нужду и лишения в глуши; и поскольку хотелось ему выжить, а постоянно вздорить с ними было невозможно, он почти не пытался положить конец их злодеяниям. Так вскорости свыкся он с убогой, а зачастую и жестокой жизнью, и однако ж порою пробуждались в нем жалость и отвращение, и тогда страшен он бывал в гневе. Так, среди злодейств и опасностей, дотянул Турин до конца года и выдержал зимние тяготы и голод, пока не настало пробуждение и не пришла ясная весна.

А в лесах Тейглина, как уже говорилось, еще держалось несколько хуторов: жили там люди закаленные и бдительные, хотя ныне осталось их немного. Хотя мало любви питали они к разбойникам и жалеть их особо не жалели, суровой зимой они выносили еды, сколько могли уделить, туда, где гаурвайт могли бы ее найти; так надеялись они избежать нападений изголодавшейся шайки. Но от разбойников благодарности приходилось ждать еще меньше, нежели от зверья и птиц, и спасались те люди лишь благодаря собакам да частоколам. Ибо возделанные поля при каждом хуторе обнесены были высокими живыми изгородями, а усадьбы окружены рвом и палисадом, а от двора к двору пролегали тропы, и в час нужды люди могли призвать помощь, затрубив в рог.

С наступлением весны гаурвайт не стоило задерживаться вблизи поселений: лесные люди, того и жди, собрались бы вместе и затравили их; и все гадал Турин, отчего Форвег не уведет отряд прочь. Ведь южнее, где люди уже не жили, дичи и прочей пищи было больше, и не так опасно. А в один прекрасный день Турин хватился Форвега, а также и друга его Андрога; и спросил он, где они, но сотоварищи лишь расхохотались.

— По своим делам ушли, надо думать, — ответствовал Улрад. — Вскорости небось вернутся, вот тогда мы и снимемся с места — и, чего доброго, весьма поспешно. Повезет нам, если не увяжется за ними весь пчелиный рой.

Ярко сияло солнце, зеленела молодая листва, и Турин, которому опротивел грязный разбойничий лагерь, отправился один далеко в лес. Против воли вспоминал он Сокрытое Королевство и словно наяву слышал названия дориатских цветов как эхо древнего, почти позабытого наречия. Но вдруг услышал он крики: из кустов лещины выбежала насмерть перепуганная девушка, одежды ее были изодраны шипами и колючками. Споткнувшись, она упала на землю, тяжело дыша. Турин же, выхватив меч, бросился к зарослям, зарубил человека, что выломился из орешника, преследуя беглянку, — и лишь тогда узнал в нем Форвега.

А пока стоял он, потрясенно глядя на обгавленную кровью траву, из кустов вышел Андрог и тоже остановился в изумлении.

— Недоброе ты содеял, Нейтан! — воскликнул он и выхватил меч. Но Турин уже поостыл — и спросил Андрога:

— Так где же орки? Ты обогнал их, чтобы помочь девушке?

— Орки? — отозвался Андрог. — Ну и дурень же ты! А еще разбойником называешься! Для изгоев закон один — их собственная надобность. Займись своими делами, Нейтан, и не мешайся в наши.

— Так я и поступлю, — заверил Турин. — Но сегодня наши тропы пересеклись. Оставь женщину мне, или отправишься вслед за Форвегом.

Андрог расхохотался.

— Ну, раз так, поступай как знаешь, — молвил он. — Один я с тобой не справлюсь; вот товарищам нашим это смертоубийство, пожалуй, по душе не придется.

Девушка поднялась на ноги и тронула Турина за плечо. Она поглядела на кровь, потом на Турина, и глаза ее ликующе вспыхнули.

— Убей его, господин! — воскликнула она. — Убей и его тоже! А потом ступай со мной. То-то доволен будет отец мой Ларнах, ежели ты принесешь их головы. За две «волчьи головы» он вознаграждает щедрой рукой.

Турин же спросил у Андроба:

— Далеко ли до ее дома?

— С милю или около того, — отвечал он. — Вон там она живет, на огороженном хуторе. Она вышла за частокол — побродить по лесу.

— Так ступай домой, не мешкая, — проговорил Турин, оборачиваясь к девушке. — И скажи отцу, чтобы лучше за тобой приглядывал. Но не стану я рубить головы своим сотоварищам, дабы купить его благоволение либо что другое.

И он вложил меч в ножны.

— Идем! — позвал он Андроба. — Мы возвращаемся в лагерь. Если хочешь предать земле тело своего жоака, придется тебе справляться самому. Да поторопись, а не то, чего доброго, тревогу поднимут. Оружие его заберешь с собой!

Девушка поспешила домой через лес и не раз оглянулась через плечо, пока не скрылась за деревьями. А Турин, не говоря более ни слова, ушел своим путем. Андрог проводил его взглядом и нахмурился, словно размышляя над неразрешимой загадкой.

Вернувшись в лагерь, Турин заметил, что разбойники изрядно встревожены и беспокойны: слишком долго прожили они на одном месте, вблизи от охраняемых хуторов, и роптали они на Форвега.

— Он рискует за наш счет, — роптали они, — за утехы его платить, чего доброго, придется другим.

— Так выберите себе нового жоака! — объявил Турин, выходя вперед. — Форвег не может больше возглавлять вас; он мертв.

— А тебе откуда знать? — спросил Улрад. — Ты, никак, искал меду в том же улье? Что, Форвега пчелы закусали?

— Нет, — отозвался Турин. — Одного жала оказалось достаточно. Я убил его. Но я пощадил Андроба; он скоро вернется. — И он рассказал, как все было, порицая тех, кто творит подобное; а пока говорил он, вернулся Андрог с оружием Форвега.

— А что, Нейтан! — крикнул он. — Тревогу-то не подняли! Девчонка небось не прочь еще раз с тобой повидаться.

— Довольно шуток, — промолвил Турин, — не то я пожалею, что не отдал ей твою голову. А теперь рассказывай свою повесть, да покороче.

И Андрог рассказал, как все вышло, не особо погрешив против истины.

— Никак в толк не возьму, что там понадобилось Нейтану, — проговорил он. — Но сдается, не то же, что нам. Когда подоспел я, Форвега он уже зарубил. Женщине это пришлось куда как по душе: она напрашивалась пойти с ним, а выкупом за невесту назначила наши головы. Только ему она не глянулась; он отослал ее прочь, а вот что он имел против жоака, понять не могу. Мою голову он оставил на плечах, за что я благодарен, хоть и дивлюсь тому.

— Тогда не верю я, что ты — из Дома Хадора, — отозвался Турин. — Скорее к роду Улдора Проклятого принадлежишь ты, на службу в Ангбанд пристало тебе наниматься. Но слушайте меня, вы все! — воскликнул он. — Вот какой выбор предоставляю я вам. Либо вы признаете меня предводителем вместо Форвега, либо дадите уйти. Отныне я стану заправлять в отряде — или брошу его. А ежели вы пожелаете убить меня — что ж, попробуйте! Я стану сражаться с вами всеми до тех пор, пока не погибну — или не погибнете вы.

Тогда многие схватились за оружие, но Андрог закричал:

— Нет! Голова, которую пощадил он, не вовсе пуста. Если затеем мы драку, так многие из нас погибнут попусту, прежде чем мы умертвим лучшего среди нас. — И он рассмеялся. — Так вышло, когда он примкнул к нам; вот и теперь история повторяется. Он убивает, дабы расчистить себе место. Если прежде обернулось оно к добру, то и теперь, верно, будет так же; возможно, с ним ожидает нас участь лучшая, нежели рыться в чужих отбросах.

И промолвил старый Алгунд:

— Лучший среди нас... В былые времена и мы поступили бы так же, кабы осмелились; но мы многое позабыли. Глядишь, он в конце концов и приведет нас домой.

При этих словах пришло Турину в голову, что с помощью этого маленького отряда он сумеет стать господином собственных владений. Но поглядел он на Алгунда с Андрогом и молвил:

— Домой, говорите вы? Высоки и холодны горы Тени, что преграждают нам путь. А за ними — народ Улдора, а повсюду вокруг — ангбандские полчища. Ежели опасности эти не пугают вас, семижды семеро мужей, то, может статься, я и поведу вас домой. Но далеко ли уйдем мы, прежде чем погибнем?

Все молчали. Турин же заговорил снова:

— Признаете ли вы меня предводителем? Если да, то я сперва уведу вас прочь, в глушь, подальше от людских поселений. Там либо посчастливится нам больше, либо нет; но по крайней мере меньше станут нас ненавидеть наши сородичи.

Тогда все, кто был там из народа Хадора, подошли к Турину и признали его предводителем; прочие же согласились с их выбором, пусть и без особой охоты. И нимало не мешкая, повел их Турин прочь из тамошних краев.

Немало гонцов разослал Тингол на поиски Турина в пределы Дориата и в приграничные земли; но в тот год, когда бежал он, искали его напрасно, ибо никто не ведал и не догадывался, что Турин примкнул к изгоям и недругам людей. Когда же настала зима, вестники возвратились к королю — все, кроме Белега; он же продолжал путь один.

Но в Димбаре и на северных границах Дориата приходилось туго. Дракониий Шлем не являлся более в битвах, недосчитались и Могучего Лука; и расхрабрились прислужники Моргота и все умножались в числе и преисполнялись все большей дерзости. Пришла зима, и минула, и с весной возобновился натиск; Димбар был захвачен, и уstraшили люди Бретиля, ибо зло осаждало ныне их границы повсюду, кроме как на юге.

С тех пор как Турин бежал из Дориата, прошел почти год, а Белег все искал его — и убывала его надежда. В своих скитаниях он углубился далеко на север и добрался до Переправы Тейглина, и там, услышав дурные вести о новом набеге орков с нагорья Таур-ну-Фуин, повернул вспять и вышел волею судьбы к хуторам лесных жителей вскорости после того, как Турин покинул эти края. Там услышал он странную повесть, что передавалась из уст в уста. Объявился в лесах некий человек, высокий и благородный, под стать знатному владыке, — а может, эльфийский воин, говорили иные, — и зарубил одного из гаурвайт, и спас дочь Ларнаха, за которой те гнались.

— Гордый он был, — рассказывала дочь Ларнаха Белегу, — глаза яркие; на меня почитай что и не взглянул. Однако ж называл он людей-волков своими сотоварищами — и не стал убивать второго, который стоял тут же и звал его по имени — Нейтаном.

— Разгадаешь ли эту загадку? — спросил Ларнах у эльфа.

— Увы, разгадаю, — отозвался Белег. — Человек, о котором говорите вы, — тот, кого я ищу.

Ничего более не рассказал Белег лесным жителям о Турине, но предостерег их, что на севере собираются вражьи рати.

— Очень скоро орки хлынут в эти земли и опустошат ее, у вас же неостанет сил противостоять этой мощи, — говорил он. — В нынешнем году придется вам наконец распрощаться со свободой либо с жизнью. Ступайте в Бретиля, пока не поздно!

И Белег поспешил своим путем, на поиски логова разбойников и примет, по которым сумел бы определить, куда ушли они. Приметы он вскорости обнаружил, но Турин ныне опережал его на несколько дней и передвигался быстро, опасаясь преследования лесных жителей, и пускал в ход все искусство, каким владел, чтобы сбить с толку погоню или направить ее по ложному следу. Он вел своих людей на запад, подальше от лесных жителей и от границ Дориата, пока не пришли они к северной оконечности высокого нагорья, что поднималось между долинами Сириона и Нарога. Там

земля была суше, а лес резко обрывался у края хребта. Внизу просматривался древний Южный тракт, что круто поднимался вверх от Переправы Тейглина и вдоль западного подножия вересковых пустошей уводил в Нарготронд. Там до поры и обретались изгои, ни на миг не теряя бдительности, редко задерживаясь на две ночи в одном и том же лагере и почти не оставляя следов своего пребывания ни в пути, ни на привале. Так что даже Белег и тот тщетно старался их настичь. Путь Белег отыскивал с помощью одному ему понятных знаков либо слухов о том, что мимо прошли люди, — слух распространялся среди зверья и птиц, с которыми он умел разговаривать, — и нередко подбирался совсем близко, но всякий раз обнаруживал, что прибежище изгоев опустело, ибо они выставляли часовых и днем, и ночью, и едва заслышав о приближении чужака, быстро снимались с места и уходили.

— Увы! — восклицал Белег. — Слишком хорошо обучил я дитя человеческое лесной и полевой науке! Иной подумал бы, что это — эльфийский отряд.

Однако ж и разбойники уже поняли, что гонится за ними некий неутомимый преследователь, обнаружить которого они никак не могут, но и оторваться от него не удастся; и забеспокоились они.

Вскорости после того, как и опасался Белег, орки перешли Бритиах; Хандир Бретильский, собрав все силы, что только смог, дал им отпор, и те прошли через Переправу Тейглина на юг, ища поживы. Многие лесные жители вняли совету Белега и загодя отослали женщин и детей просить убежища в Бретиле. И они, и их сопровождающие спаслись — миновали Переправу вовремя; однако вооруженные мужи, что шли следом, столкнулись с орками и потерпели поражение. Нескольким удалось прорубиться сквозь строй врагов и добраться до Бретиля; многих перебили либо захватили в плен; орки же добрались до хуторов, разграбили их и сожгли. А затем, не мешкая, повернули вспять, на запад, к Тракту, ибо не терпелось им вернуться на север с добычей и с пленниками.

Но дозорные изгоев вскорости о них прознали, и хотя до пленников разбойникам дела не было, при мысли о нагребленном добре одолела их жадность. Турин считал, что опасно обнаруживать себя перед орками, не узнав прежде, велика ли их численность; но изгои не желали к нему прислушаться, ибо в глуши лишены были самого необходимого, и некоторые уже жалели, что выбрали Турина вожаком. Потому, взяв с собою единственного спутника именем Орлег, Турин отправился проследить за орками; а командование отрядом поручил Андрогу и велел ему схорониться понадежнее и не покидать укрытия до его возвращения.

Орочье же воинство оказалось куда многочисленнее отряда изгоев, однако ныне орки оказались в землях, куда нечасто дерзали заглядывать; и знали они также, что за Трактом лежит Талат Дирнен, Хранимая равнина, на которой несут стражу дозорные и разведчики Нарготронда; и страшась опасности, не теряли они бдительности, и лазутчики их шныряли между деревьями по обе стороны от шагающего строем войска. Вот так Турина с Орлегом и обнаружили: трое дозорных натолкнулись на них, когда те скрывались в засаде, и хотя двоих они убили, третий сбежал, вопя: «Голуг! Голуг!» — так называли они нолдор. Сей же миг орки наводнили лес и принялись бесшумно его прочесывать, высматривая и вынюхивая тут и там. Турин же, понимая, что на спасение надежды нет, решил по крайней мере обмануть орков и увести их подальше от укрытия своих людей; и по крикам «Голуг!» догадавшись, что враги страшатся лазутчиков Нарготронда, он вместе с Орлегом поспешил на запад. Погоня устремила за ними, и, как бы они ни петляли и ни запутывали след, в конце концов выгнали их из-под прикрытия леса, и оказались они на виду, и попытались пересечь Тракт, и Орлег рухнул, пронзенный множеством стрел. Турина же спасла эльфийская кольчуга; один скрылся он в чаще по другую сторону от Тракта, и благодаря проворству и ловкости ускользнул от врагов, и далеко углубился в незнакомые ему пределы. А орки, опасаясь, что эльфы Нарготронда, чего доброго, поднимут тревогу, перебили пленников и поспешили прочь, на Север.

Когда же минуло три дня, а Турин с Орлегом все не возвращались, кое-кто из изгоев решил, что пора бы покинуть пещеру, где отряд прятался, однако Андрог с ними не соглашался. А пока спорили они, неожиданно-негаданно возникла перед ними одетая в серое фигура: наконец-то отыскал их Белег. Он шагнул вперед и показал им пустые ладони, давая понять, что безоружен, но изгои в страхе повскакивали с мест, и Андрог, зайдя сзади, набросил на него петлю и затянул ее, обездвижив ему руки.

— Если гостям вы не рады, так надо караулить зорче, — промолвил Белег. — Отчего встречаете вы меня так? Я пришел как друг и ищу друга. Нейтаном, как я слышал, вы его зовете.

— Его здесь нет, — отозвался Улрад. — Но откуда бы тебе знать это имя? — Разве что долго выслеживал ты нас.

— Долго, еще как долго, — подтвердил Андрог. — Вот — тень, что неотступно нас преследовала. Теперь мы, верно, узнаем доподлинно, что ему надо. — И приказал он привязать Белега к дереву

рядом с пещерой, и, туго стянув ему руки и ноги, изгой принялись его допрашивать. На все их расспросы Белег отвечал одно и то же:

— Друг я вашему Нейтану с тех самых пор, как впервые повстречал его в лесах; он же в ту пору был малым ребенком. Ищу я его лишь из любви и несу ему добрые вести.

— Давайте убьем его и избавимся от соглядатая, — в сердцах объявил Андрог; и глянул он на могучий лук Белега и возжелал завладеть им, ибо был лучником. Но те, что не вовсе ожесточились сердцем, возразили, и сказал ему Алгунд:

— Глядишь, вожак еще возвратится — то-то пожалеешь ты, коли узнает он, что разом лишили его и друга, и добрых вестей.

— Не верю я басням этого эльфа, — возразил Андрог. — Он — лазутчик дориатского короля. А ежели и впрямь пришел он с вестями, пусть перескажет их нам; а мы уж сами решим, стоит ли оставлять вестника в живых.

— Я дождусь вашего вожака, — промолвил Белег.

— Значит, стоять тебе здесь до тех пор, пока не заговоришь, — объявил Андрог.

И подстрекаемые Андрогом, изгой оставили Белега привязанным к дереву без воды и пищи, а сами сидели рядом, и ели и пили; но он не сказал им более ни слова. Когда минули так два дня и две ночи, разбойники преисполнились ярости и страха, и не терпелось им уйти; теперь большинство готово было убить эльфа. С наступлением ночи все они столпились вокруг пленника, и Улрад принес головню из костерка, разведенного у входа в пещеру. В этот самый миг возвратился Турин. Неслышно приблизившись по обыкновению своему, он остановился в тени позади круга людей и в свете головни разглядел изможденное лицо Белега.

Словно стрела ударила ему в грудь и, как если бы в разгар зимы неожиданно-негаданно наступила оттепель, за много лет невыплаканные слезы выступили на глазах его. И метнулся он вперед, и подбежал к дереву.

— Белег! Белег! — закричал он. — Как оказался ты здесь? И почему стоишь так?

Сей же миг перерезал он путы, и Белег рухнул ему на руки.

Когда же Турин выслушал все, что сочли нужным рассказать ему его люди, вознегодовал он и опечалился; но поначалу занимался он только Белегом. А выхаживая друга, сколько хватало умения, задумался Турин о своей лесной жизни, и обратил свой гнев на себя самого. Ибо изгой нередко убивали чужаков, ежели заставляли их поблизости от своего логова либо устраивали на людей засады, и Турин тому не препятствовал, и зачастую сам дурно отзывался о короле Тинголе и о Серых эльфах, так что и его вина была в том, что видели в них врагов.

— Жестоки вы были, — горько сказал он своим людям, — и жестоки без нужды. Никогда доселе не мучили мы пленников; но к этой орочьей забаве привела нас сама наша жизнь. Беззаконны и бесплодны были все деяния наши, служили мы лишь самим себе, да растравляли ненависть в сердцах наших.

Молвил Андрог:

— А кому же и служить нам, как не самим себе? Кого любить нам, ежели все нас ненавидят?

— Я, во всяком случае, не подниму больше руки на эльфов и людей, — промолвил Турин. — Довольно у Ангбанда слуг. Ежели прочие не дадут клятвы заодно со мной, я стану жить один.

Тут Белег открыл глаза и приподнял голову.

— Не один! — возразил он. — Теперь наконец могу я сообщить свои вести. Не изгой ты, и не подобает тебе имя Нейтан. Если и был ты в чем виноват, то прощена вина. Вот уж год как ищут тебя, дабы с честью призвать тебя обратно, на службу к королю. Слишком давно недостает Драконьего Шлема.

Но при этом известии Турин радости не выказал и долго сидел в молчании; ибо при словах Белега вновь пала на него тень.

— Пусть минет эта ночь, — проговорил он наконец. — Тогда и решу. Как бы то ни было, завтра должно нам покинуть это логово; ибо не все, кто нас разыскивает, желают нам добра.

— Добра нам никто не желает, — отозвался Андрог, злобно покосившись на Белега.

Поутру Белег, быстро исцелившись от боли, по обычаю эльфов древности, поговорил с Турином

наедине.

— Я-то ждал, что вести мои доставят тебе больше радости, — промолвил он. — Ты ведь, верно, возвратишься теперь в Дориат?

Как только мог, упрашивал его Белег вернуться; но чем больше уговаривал он, тем больше противился Турин. Однако ж подробно расспросил он Белега про королевский суд. Белег рассказал ему все, что знал, и наконец молвил Турин:

— Стало быть, Маблунг и впрямь выказал себя моим другом, каковым почитал я его некогда?

— Скорее, другом истины, — отозвался Белег, — что в итоге обернулось к лучшему; хотя приговор мог оказаться менее справедлив, кабы не свидетельство Неллас. Отчего, Турин, отчего не рассказал ты Маблунгу о нападении Саэроса? Все могло сложиться иначе. И, — добавил он, глядя на изгоев, растянувшихся у входа в пещеру, — ты, верно, по-прежнему гордо носил бы шлем и не пал бы так низко.

— Может, и так — ежели называть это падением, — промолвил Турин. — Может, и так. Но сложилось так, как сложилось; и слова застряли у меня в горле. В глазах его читался упрек — даже вопроса мне не задав, он уже осуждал меня за то, чего не совершал я. Мое сердце человеческое исполнено гордости, сказал эльфийский король. Таково оно и ныне, Белег Куталион. И до поры не позволит мне сердце вернуться в Менегрот, где посмотрят на меня со снисходительной жалостью, точно на непослушного мальчишку, что пообещал исправиться. Мне пристало даровать прощение, а не принимать его. И по меркам моего народа не мальчишка я уже, но муж; притом суровый — волею судьбы, мне доставшейся.

— Тогда что же намерен ты делать? — встревожился Белег.

— Пойду куда глаза глядят, — отозвался Турин. — Так пожелал мне Маблунг на прощание. Милость Тингола не распространится на сотоварищей моего падения, сдастся мне; я же не расстанусь с ними ныне, ежели сами они не пожелают расстаться со мной. Я люблю их по-своему, сколько-то — даже самых отпетых. Они — мои сородичи, и в каждом есть толика добра, что может и умножиться. Думается, они останутся мне верны.

— Ты смотришь иными глазами, нежели я, — промолвил Белег. — Ежели ты попытаешься отлучить их от зла, они тебя предадут. Я не доверяю им, одному — в особенности.

— Как может эльф судить людей? — спросил Турин.

— Да так же, как судит любые деяния, кем угодно совершенные, — отвечал Белег, но более не прибавил к этому ни слова и не поведал о злобности Андроба, из-за которой главным образом и подвергся дурному обращению; ибо, видя, в каком настроении Турин, опасался, что тот ему не поверит, и страшился повредить былой дружбе и подтолкнуть Турина обратно к дурной стезе.

— Пойдешь куда глаза глядят, Турин, друг мой, — промолвил он. — Что же это значит?

— Думаю возглавить своих людей и вести войну на свой лад, — отвечал Турин. — Но вот в чем по крайней мере изменился я в сердце своем: сожалею я о каждом ударе, кроме тех, что наносил Врагу людей и эльфов. И превыше всего хотел бы я видеть тебя рядом. Оставайся со мной!

— Ежели останусь я с тобой, так по велению любви, но не мудрости, — отозвался Белег. — Сердце подсказывает мне: должно нам вернуться в Дориат. Повсюду за его пределами пути наши уводят во тьму.

— Тем не менее не пойду я туда, — отрезал Турин.

— Увы! — вздохнул Белег. — Как любящий отец, что потакает желанию сына вопреки собственному благоразумию, уступаю я твоей воле. Я останусь, раз ты просишь.

— Вот это хорошо! — воскликнул Турин. И вдруг замолчал, словно и сам ощутил, как сгущается тьма, и теперь боролся с гордыней, что не позволяла ему повернуть вспять. Долго сидел он так, горько размышляя о минувших годах.

Внезапно стряхнув с себя задумчивость, он поглядел на Белега и молвил:

— Назвал ты эльфийскую деву — хотя имя я позабыл: в долгу я перед ней, кстати пришлось ее свидетельства; однако ж не припоминаю я ее. Зачем она за мной следила?

Белег поглядел на него как-то странно.

— И впрямь, зачем? — повторил он. — Турин, неужто всегда жил ты и сердцем, и отчасти — помыслами в дальней дали? Ребенком ты, случалось, бродил вместе с Неллас по лесам.

— Верно, давным-давно это было, — промолвил Турин. — Или так видится мне ныне детство: тонет оно в тумане, ясны лишь воспоминания об отчем доме в Дор-ломине. И зачем бы мне бродить по лесу с эльфийской девой?

— Может, чтобы выучиться тому, в чем она могла тебя наставить, — отозвался Белег, — пусть лишь несколькими эльфийским названиям лесных цветов и не более. Хотя бы этих имен ты не позабыл. Увы! Дитя людей, немало в Средиземье печалей и помимо твоих, и не только оружие наносит раны. Воистину начинаю я думать, что эльфам и людям лучше бы не встречаться и не иметь друг с другом дела.

Турин ничего на это не ответил, но долго вглядывался в лицо Белега, словно пытаясь разгадать загадку, заключенную в словах его. Но Неллас из Дориата более не случилось с ним увидаться, и тень Турина отступила от нее. А Белег с Турином обратились к иным делам и принялись обсуждать, где им обосноваться.

— Вернемся в Димбар, на северные границы, где некогда бродили вместе! — уговаривал Белег. — Мы нужны там. Ибо не так давно орки отыскивали путь вниз с нагорья Таур-ну-Фуин и проложили дорогу через перевал Анах.

— Не помню я такого места, — промолвил Турин.

— Не помнишь, ибо никогда не уходили мы так далеко от границ, — отозвался Белег. — Но ты не раз видел вдалеке пики Криссаэгрима, а к востоку от них — темную гряду Горгорот. Анах лежит между ними, выше горных ключей Миндеба. Опасен и труден тот путь, однако многие приходят им ныне, и к Димбару, где прежде царил мир, тянется Черная Длань, и встревожены люди Бретиля. В Димбар зову я тебя!

— Нет, не вернусь я к прежней жизни, — отозвался Турин. — Да и в Димбар мне ныне попасть не так просто. Дорогу преграждает Сирион, и нет там ни моста, ни брода ниже, нежели Бритиах далеко на севере; переправа через реку опасна. Кроме как в Дориате. Но в Дориат я не войду — не воспользуюсь я дозволением и прощением Тингола.

— Суровым зовешь ты себя, Турин. Воистину так оно и есть, если под словом этим подразумеваешь ты упрямство. Ныне мой черед. Уйду я, не мешкая, коли отпустишь, и распрощаюсь с тобою. Если ты и впрямь хочешь быть рядом с Могучим Луком, ищи меня в Димбаре. В ту пору Турин промолчал, ничего не сказав.

На следующий день Белег пустился в обратный путь, и Турин проводил его на расстояние полета стрелы от лагеря, но по дороге не проронил ни слова.

— Так, значит, распрощаемся мы здесь, сын Хурина? — молвил Белег.

— Ежели и впрямь хочешь ты сдержать слово и остаться со мной, — отвечал Турин, — тогда ищи меня на Амон Руд! — Так сказал он, будучи словно одержим и не ведая, что ждет его впереди. — Иначе прощаемся мы навсегда.

— Может, оно и к лучшему, — промолвил Белег и ушел своим путем.

Рассказывают, что Белег вернулся в Менегрот и предстал перед Тинголом и Мелиан, и поведал им обо всем случившемся, умолчав лишь о том, как жестоко обошлись с ним Туриновы сотоварищи. И вздохнул Тингол, и проговорил:

— Стал я приемным отцом сыну Хурина, и от отцовства того нельзя отречься ни из любви, ни из ненависти, разве что сам Хурин Доблестный возвратится сюда. Что еще должно мне сделать, чтобы смягчился Турин?

И молвила Мелиан:

— Теперь и от меня получишь ты дар, Куталион, в благодарность за твою помощь и благородство, ибо нет у меня подарка ценнее. — И вручила она Белегу *лембас* — дорожные хлебцы эльфов, завернутые в серебряные листья и перевитые нитями, нити же на узлах запечатаны были печатью королевы — облаткой белого воска в форме единственного цветка Тельперииона. По обычаю эльдалиэ одна только королева обладала правом распоряжаться этой снедью и оделять ею кого бы то ни было. — Этот дорожный хлеб, Белег, — промолвила она, — поможет тебе в глуши и зимой, поможет и тем, кого ты избереешь. Ныне доверяю я его тебе, дабы делился ты им по юле своей от моего имени. — Вовеки не выказывала Мелиан Турину большего благоволения, нежели теперь, посылая ему сей дар; ибо никогда прежде эльдар не позволяли людям вкушать дорожный хлеб, да и

впоследствии случалось такое нечасто.

И покинул Белег Менегрот, и возвратился к северным границам и к тамошним временным жилищам, где ждали его многие друзья; но когда настала зима и стихли бои, Белег вдруг исчез и более не видели его собратья по оружию.

Глава VII

О ГНОМЕ МИМЕ

Ныне пойдет речь в повести о Малом гноме именем Мим. Давно позабыты Малые гномы, ибо Мим был последним. И даже в Древние Дни знали о них немного. В старину эльфы Белерианда звали их nibin-ногрим, но жаловать не жаловали; а сами Малые гномы любили только себя. Если ненавидели они и боялись орков, то и эльдар ненавидели едва ли меньше, а Изгнанников — превыше прочих; нолдор, говорили они, украли земли их и дома. Именно Малые гномы первыми обнаружили Нарготронд и начали рыть пещеры — задолго до того, как из-за Моря явился Финрод Фелагунд.

Иные утверждали, что nibin-ногрим ведут происхождение от гномов, изгнанных из гномьих городов востока в Древние Дни. Задолго до возвращения Моргота забрели они далеко на запад. Не признавали они над собою правителя, и число их было невелико, потому руду добывали они с превеликим трудом, и приходило в упадок кузнечное мастерство их, истощались запасы оружия; и привыкли они таиться и прятаться, и умалились ростом и статью в сравнении с восточной родней — ходили сгорбившись, крадучись, быстрыми перебежками. Однако ж, как и все гномы, они были куда сильнее, нежели казалось на первый взгляд, и умели выжить в самых суровых и тяжелых условиях. Со временем, впрочем, они выродились и вымерли, и не осталось их ныне в Средиземье — кроме одного только Мима и его двух сыновей; а Мим был стар даже по меркам гномов, стар и позабыт всеми.

После ухода Белега (а произошло это на второе лето после бегства Турина из Дориата) худо пришлось изгоям. Шли проливные дожди, неурочные в это время года; орки в еще более великом множестве приходили с Севера, по старому Южному тракту переправлялись через Тейглин и кишмя кишели в лесах вдоль западных границ Дориата. О безопасности и об отдыхе оставалось только мечтать, и отряд чаще оказывался в роли дичи, нежели охотников.

Однажды ночью, когда затаились изгой в темноте, не зажигая огня, Турин задумался о своей жизни и пришел к мысли, что недурно было бы ее улучшить.

— Надо бы подыскать какое-нибудь надежное убежище, — размышлял он, — да запастись всем необходимым в преддверии зимних холодов и голода. — Но он знать не знал, куда податься.

На следующий день повел он своих людей на юг, дальше, нежели они когда-либо уходили от Тейглина и от границ Дориата; и спустя три дня пути они устроили привал на западной окраине лесов Долины Сириона. Здесь было суше, и деревья росли реже: местность постепенно повышалась, переходя в вересковые нагорья.

Вскорости, когда уже угасали серые сумерки дождливого дня, случилось так, что Турин и его люди укрылись в зарослях остролиста; а дальше начиналась безлесная пустошь, усеянная огромными валунами: одни стояли наклонно, другие громоздились беспорядочной грудой. Все было тихо; лишь дождь шелестел в листе.

Внезапно часовой подал сигнал, и, вскочив на ноги, изгой увидели, как между камней крадучись пробираются три фигуры в серых одеждах с капюшонами. Каждый тащил на себе громадный мешок, однако ж шли они быстро. Турин окликнул их, веля остановиться, а его люди бросились на чужаков как гончие; но те как ни в чем не бывало продолжили путь, и хотя Андрог выстрелил в них, двое исчезли в сумерках. Один отстал, будучи менее проворен или тяжелее нагружен; его схватили и повалили на землю; множество крепких рук держали его, не выпуская, хотя он вырывался и кусался как зверь. Подошел Турин и упрекнул своих соратников.

— Что у вас тут такое? — спросил он. — К чему такая жестокость? Это же сущий карлик, да и стар в придачу. Что в нем вреда?

— Оно кусается, — отозвался Андрог, баюкая кровоточащую руку. — Это орк или какой-нибудь орочий сородич. Убьем его!

— И так ему и надо, раз не оправдал наших надежд, — подхватил второй изгой, завладевший мешком. — Тут одни только корни да камешки!

— Нет, — возразил Турин, — у него борода. Да это всего лишь гном, сдастся мне. Дайте ему встать, пусть говорит.

Вот так в «Повесть о детях Хурина» вошел Мим. Он с трудом встал на колени у ног Турина и

взмолился о пощаде.

— Я стар и беден, — сетовал он. — И всего лишь гном, как ты говоришь, а вовсе не орк. Зовусь я Мим. Не дай им убить меня, господин, ни за что ни про что, как поступили бы орки.

И пожалел его Турин в сердце своем, но молвил:

— Бедняком ты кажешься, Мим, хотя странно мне это в гноме, мы же еще беднее, сдается мне — бесприютные, гонимые люди. Если бы сказал я, что из одной только жалости мы не щадим, ибо велика нужда наша, какой выкуп предложил бы ты нам?

— Я не знаю, чего ты желаешь, господин, — опасливо произнес Мим.

— Сейчас — немногого, — промолвил Турин, невесело оглядываясь по сторонам, в то время как дождь заливал ему глаза. — Надежного укрытия на ночь — и не в лесной сырости. Несомненно, у тебя самого такое есть.

— Есть, — отозвался Мим, — но в выкуп я его не отдам. Слишком стар я, чтобы жить под открытым небом.

— И вряд ли состаришься еще на день, — промолвил Андрог, подходя вплотную с ножом в здоровой руке. — От этой беды я тебя, так и быть, избавлю.

— Господин! — вскричал Мим в великом страхе, обнимая Туриновы колени. — Если я потеряю жизнь, вы потеряете прибежище, ибо без Мима вам его не сыскать. Отдать свое жилище я не могу, но часть его — уступлю. Там просторнее, нежели в былые времена: слишком многие ушли навеки, — и он разрыдался.

— Твоя жизнь в безопасности, Мим, — промолвил Турин.

— По крайней мере до тех пор, пока не доберемся мы до его логова, — добавил Андрог.

Но Турин обернулся к нему и молвил:

— Если Мим без обмана отведет нас к своему дому и дом окажется хорош, тогда жизнь его будет выкуплена, и никто из моих людей не поднимет на него руку. Даю в том клятву.

И Мим облобызал колени Турина и молвил:

— Мим будет тебе другом, господин. Поначалу думал он, что ты — эльф, судя по речам твоим и голосу. Но ежели ты человек, оно и к лучшему. Мим эльфов не жалует.

— Ну и где же твой хваленый дом? — не отступался Андрог. — Должен он быть и впрямь хорош, чтобы делить его с гномом. Ибо Андрог не жалует гномов. Мало доброго рассказывается о гномах в преданиях, что народ его принес с востока.

— О себе люди оставили память и похуже, — отозвался Мим. — Суди мой дом, когда его увидишь. Но в темноте вам до него не добраться, неуклюжие вы увальни. В свой срок я вернусь и провожу вас.

С этими словами гном поднялся на ноги и подобрал свой мешок.

— Нет-нет! — закричал Андрог. — Вожак, ты ведь этого не допустишь? Иначе только старого пройдоху и видели.

— И впрямь темнеет, — отозвался Турин. — Пусть оставит нам какой-нибудь залог. Отдашь нам на хранение свой мешок вместе с поклажей, Мим?

Гном в превеликом смятении вновь рухнул на колени.

— Кабы Мим не собирался возвращаться, так уж верно, и не вернулся бы ради старого мешка с корнями, — промолвил он. — Я приду. Пустите меня!

— Не пушу, — отозвался Турин. — Ежели не желаешь ты расставаться с мешком, значит, останешься с ним вместе. Проведешь ночь под пологом ветвей — так, может статься, и нам посочувствуешь в свой черед. — Но заметил он, равно и прочие, что Мим дорожит своей ношей куда больше, нежели можно было бы ожидать по виду мешка.

И повели изгой старого гнома в свой жалкий лагерь; по пути бормотал он что-то себе под нос на странном языке, хриплом от застарелой ненависти, но когда связали ему ноги, разом притих. Видели часовые: всю ночь просидел он молча и недвижно, как камень; лишь бессонный взгляд посверкивал во мраке, как озирався гном по сторонам.

Перед самым рассветом дождь перестал и в кронах зашелестел ветер. Утро выдалось ясным — вот уже много дней такого не видели; легкое дуновение с юга отворило небеса, светлые и ясные, навстречу встающему солнцу. А Мим все сидел, не двигаясь, точно мертвый; сейчас тяжелые веки его не размыкались, и в лучах зари отчетливо видно было, как сморщился он и усох от старости. Встал Турин и поглядел на него сверху вниз.

— Теперь света довольно, — промолвил он.

Мим открыл глаза и молча указал на свои пути, когда же развязали его, исступленно проговорил:

— Затвердите вот что, дурни! Не смейте связывать гнома! Гном этого не простит. Я не хочу умирать, но то, что вы сделали, распалило мне сердце. Я сожалею о своем обещании.

— А я — нет, — отозвался Турин. — Ты отведешь меня к своему дому. До тех пор о смерти разговора не будет. Такова моя воля. — И он твердо посмотрел на гнома, глаза в глаза, и Мим сдался; воистину мало кто мог выдержать взгляд Турина, непреклонный либо гневный. Очень скоро гном отворотился и встал.

— Ступай за мной, господин! — промолвил он.

— Хорошо! — кивнул Турин. — Теперь добавлю я к сказанному вот что: гордость твоя мне понятна. Может статься, ты и умрешь, но связывать тебя больше не станут.

— Не станут, — откликнулся Мим. — Но идем же!

И с этими словами он повел изгоев к тому месту, где его захватили в плен, и указал на запад. — Вон мой дом! — промолвил он. — Не раз и не два видели вы его, сдается мне, ибо высоко вознесся он. Шарбхунд называли его мы, пока эльфы не дали всему свои имена. — И увидели изгои, что указывает он на Амон Руд, Лысый холм: его безлесная вершина, словно часовой, несла стражу над обширными дикими пустошами.

— Видеть-то видели, но ближе не подходили, — заметил Андрог. — Ибо что за надежное прибежище можно там обрести, не говоря уж о воде или обо всем прочем, нам потребном? Вот так я и знал, что без плутовства не обойдется. Разве пристало людям прятаться на горных высотах?

— Хороший обзор надежнее потаенного укрытия, — возразил Турин. — Далеко видно с горы Амон Руд. Что ж, Мим, я пойду погляжу, чем ты можешь похвастаться. Долго ли нам, неуклюжим увальням, добираться туда?

— Весь день до сумерек, если пустимся в путь, не мешкая, — отвечал Мим.

Вскорости отряд выступил на запад; Турин шагал впереди бок о бок с Мимом. Выйдя из-под прикрытия леса, дальше двинулись они крадучись, но вокруг царило безмолвие — казалось, все вымерло в тех краях. Изгои миновали каменные завалы и стали карабкаться вверх, ибо холм Амон Руд стоял на восточной окраине высокого верескового нагорья, что поднималось между долин Сириона и Нарога, а над каменистой пустошью у основания нагорья гребень его вознесся на тысячу футов и выше. С восточной стороны неровная местность постепенно повышалась до скальных гряд, среди которых тут и там укрепились в камне купы берез и рябин, и векового боярышника. А дальше, на пустошах и по нижним склонам Амон Руд густо рос *аэглос*; но крутая серая вершина оставалась голой, лишь алый *серегон* плащом одевал камень.

День уже клонился к вечеру, когда изгои приблизились наконец к подножию горы. Подошли они с севера, как вывел их Мим, и луч заходящего солнца озарил гребень Амон Руд, а *серегон* был весь в цвету.

— Глядите! Кровью обагрена вершина, — воскликнул Андрог.

— Пока еще нет, — возразил Турин.

Солнце садилось; в лощинах угасал свет. Теперь гора нависала прямо над ними, и гадали изгои, зачем нужен проводник, если веку столь приметную и без того не пропустишь. Но Мим повел их дальше, и, взбираясь по последним крутым подъемам, заметили они, что гном следует еле заметной тропкой, отыскивая ее по тайным знакам либо в силу давней привычки. Теперь тропа петляла туда-сюда, и, озираясь по сторонам, видели путники, что справа и слева разверзаются темные ложбины и расщелины, либо склоны резко понижаются, переходя в загроможденные

каменными завалами пустоши, где среди зарослей ежевики и терновника таились обрывы и ямы. Без проводника изгои проблуждали бы тут не один день, карабкаясь по неприступным склонам в поисках дороги.

Наконец вышли они к подъему более крутому, зато ровному. Прошли они под сенью вековых рябин и углубились в галереи длинных стеблей *азглоса* — в полумрак, напоенный сладким благоуханием. И вдруг воздвиглась перед ними каменная стена, гладкая и отвесная, около сорока футов в высоту — хотя на глаз не определишь, ибо небо терялось в сумерках.

— Это и есть двери твоего дома? — спросил Турин. — Говорят, гномы любят камень. — И он шагнул ближе к Миму, опасаясь подвоха.

— Не двери дома, но ворота во внутренний двор, — возразил Мим.

И прошел он вдоль основания утеса направо, а через двадцать шагов внезапно остановился, и увидел Турин расщелину — непогода либо руки мастеров придали ей такую форму, что две каменные грани как бы перекрывали друг друга, а проем между ними уводил налево. Вход занавешивали длинные вьющиеся растения, пустившие корни в трещинах сверху, а внутри начиналась крутая каменистая тропа — и уводила она вверх, в темноту. Было там промозгло и сыро; вниз по тоннелю тонкой струйкой сочилась вода.

Один за другим изгои поднялись по тропе. Дойдя до верха, дорога свернула направо и снова на юг, и через заросли терновника вывела путников на зеленую поляну, пересекла ее и нырнула в тень. Так пришли они в жилище Мима, Бар-эн-Нибин-ноэг, память о котором сохранили разве что древние предания Дориата и Нарготронда, а увидеть его своими глазами не доводилось доселе никому из смертных. Уже сгущалась ночь, на востоке высыпали звезды, и разглядеть, как устроено это странное место, до поры не удавалось.

Гору Амон Руд венчал скальный гребень: каменная громада, похожая на заостренный колпак с голой, плоской верхушкой. На северной его стороне выдавался уступ, ровный, почти квадратный; разглядеть его снизу было невозможно: сзади его стеной прикрывал гребень, а на западе и востоке каменная площадка заканчивались отвесными обрывами. Только с севера, откуда и пришли изгои, можно было с легкостью подняться сюда — если знать дорогу. От «ворот» вела тропинка — очень скоро она ныряла в рощицу карликовых берез на берегу прозрачного озера в каменной чаше. Питал озеро ручей — пробившись из-под каменной стены, он струился по промытому желобку и белой нитью переливался через восточный край уступа. Под прикрытием деревьев, подле источника, промеж двух высоких каменных опор зиял вход в пещеру. Казалась, это — всего-то навсего неглубокий грот с низким полуразрушенным сводом, но дальше пещера углублялась и расширялась: далеко пролегли туннели, прорубленные в скале неспешными руками Малых гномов за долгие годы, что прожили они здесь — пока не докучали им Серые эльфы лесов.

В густеющих сумерках Мим провел своих спутников мимо озера, в котором уже отразились неяркие звезды среди теней березовых крон. У входа в пещеру он обернулся и поклонился Турину.

— Добро пожаловать, господин! — промолвил он. — Добро пожаловать в Бар-эн-Данвед, Дом-Выкуп. Ибо так отныне и зваться ему.

— Может статься, что и так, — отозвался Турин. — Но сперва погляжу я на него.

И Турин вошел внутрь вместе с Мимом, а остальные, видя, что вожак не побоялся переступить порога, поспешили следом: даже Андрог, который не доверял гному более прочих. Вскоре оказались они в непроглядной темноте, но Мим хлопнул в ладоши и из-за угла выплыл огонек — из коридора в глубине внешнего грота появился еще один гном с факелом в руках.

— Ха! Вот так я и думал, что промахнулся! — посетовал Андрог. Мим же быстро переговорил со вторым гномом на своем собственном резком и хриплом языке. Вести, похоже, немало его встревожили или рассердили: он опрометью кинулся в коридор и исчез. Теперь и Андрог всецело склонялся к тому, чтобы идти вперед.

— Нападем первыми! — воскликнул он. — Там их, чего доброго, целый улей; зато они ростом не вышли.

— Там их только трое, сдается мне, — отозвался Турин и пошел вперед; изгои пробирались следом — ощупью, водя руками по шероховатым стенам. Не раз и не два коридор резко сворачивал то туда, то сюда; наконец впереди забрезжил тусклый свет, и изгои вышли в небольшую, но величественную залу, слабо освещенную светильниками, на тонких цепочках подвешенными к потолку, что терялся во мраке. Мима там не было, однако слышался его голос; идя на звук, Турин приблизился к дверям во внутренние покои, что открывались в глубине чертога. Он заглянул внутрь: Мим стоял на коленях на полу. Рядом с ним безмолвно застыл гном с факелом, а на

каменном ложе у дальней стены лежал еще один гном.

— Кхим, Кхим, Кхим! — стenal старый гном и рвал на себе бороду.

— Не все твои стрелы пролетели мимо, — промолвил Турин Андрог. — Но может статься, злом обернется твой выстрел. Бездумно спускаешь ты тетиву; боюсь, и не успеешь ты набраться ума-разума, ибо не заживешься на этом свете.

Покинув остальных, Турин неслышно вошел в покой, приблизился к Миму и заговорил с ним:

— В чем беда, хозяин? — спросил он. — Я владею искусством целительства. Не могу ли я помочь тебе?

Мим обернулся; в глазах его пылал алый отсвет.

— Не можешь; разве что в твоей власти повернуть время вспять и поотрубить жестокие руки твоим людям, — отвечал он. — Это сын мой. В грудь ему попала стрела. Он никогда уже не заговорит. Он умер на закате. Вы же связали меня и не пустили к нему, и не смог я исцелить его.

Долго подавляемая жалость вновь захлестнула сердце Турина — словно родник забил из камня.

— Увы! — промолвил он. — Я бы отозвал эту стрелу, кабы мог. Теперь дому сему и впрямь зваться Домом Выкупа, Бар-эн-Данвед. Ибо поселимся мы здесь или нет, я почитаю себя твоим должником; и если когда-нибудь обрету богатство, заплачу я тебе *данвед* полновесным золотом за смерть сына, в знак моей скорби, пусть золото и не порадует более твоего сердца.

Тогда поднялся Мим и долго глядел на Турина.

— Я выслушал тебя, — сказал он. — Ты говоришь как гномий владыка древних времен: дивлюсь я тому. Теперь поостыло мое сердце, хотя и нет в нем радости. Свой собственный выкуп выплачу я: вы вольны жить здесь, коли хотите. Но вот что прибавлю я: тот, кто выпустил стрелу, пусть сломает лук свой и стрелы и положит обломки к ногам моего сына, и впредь да не возьмет он в руки стрелы и да не согнет лука. Если же нарушит он запрет, то от лука и стрелы и погибнет. Такое проклятие налагаю я на него.

Устрашился Андрог, услышав о проклятии, и сломал лук свой и стрелы, и сложил их к ногам убитого гнома, пусть и с превеликой неохотой. Но, выходя из покоя, злобно оглянулся он на Мима и пробормотал себе под нос:

— Говорят, проклятие гномов не теряет силы; ну так и проклятие человека порою сбывается. Да сдохнет он со стрелой в глотке!

Той ночью расположились они в зале и забылись беспокойным сном под причитания Мима и Ибуна, второго его сына. Никто не понял, когда именно стихли стоны; но когда пробудились наконец изгой, гномы куда-то исчезли и вход во внутренний покой был завален камнем. День опять выдался погожим; под лучами утреннего солнца изгой вымылся в озерце и сготовили скудный завтрак; а пока утоляли они голод, перед ними предстал Мим.

Гном поклонился Турину.

— Он ушел; все сделано как надо, — промолвил он. — Он лежит рядом со своими праотцами. Время вернуться к жизни, как бы ни был короток отпущенный нам срок. По сердцу ли вам дом Мима? Уплачен ли выкуп и принят ли?

— Уплачен и принят, — отвечал Турин.

— Тогда все здесь ваше, обустраивайтесь как хотите, с одной лишь оговоркой: покои, ныне закрытые, никому не должно открывать, кроме меня.

— Мы слышим тебя, — отозвался Турин. — Что до нашей жизни здесь; убежище кажется безопасным, однако ж нужна нам пища и многое иное. Как нам отсюда выйти; более того, как нам сюда вернуться?

К вящей тревоге разбойников, Мим расхохотался гортанным смехом.

— Уж не боитесь ли вы, что последовали за пауком в самое сердце его паутины? — спросил он. — Нет, Мим людей не ест. Да и не совладать пауку с тридцатью осами разом. Видите, вы во всеоружии, а я стою тут с пустыми руками. Нет, нам придется все делить поровну, вам и мне: кров, и снедь, и костер, а может, и иную какую добычу. Дом, сдастся мне, вы станете стеречь и держать в секрете ради своего собственного блага, даже когда узнаете входы и выходы. Со временем вы их

заучите. А до тех пор, ежели соберетесь выйти, так Мим либо Ибун, сын его, будет вам провожатым; кто-то из нас отправится с вами и с вами же и вернется — либо дождется вас в каком-либо хорошо знакомом вам месте, что сумеете вы отыскать без нашей помощи. С каждым разом все ближе и ближе к дому будет такое место, сдастся мне.

Согласился Турин с гномом и поблагодарил его; и порадовались изгой в большинстве своем, ибо в утреннем свете, в разгар лета, жилище это радовало глаз. Недоволен был один лишь Андрог.

— Чем скорее овладеем мы входами да выходами и станем сами себе хозяева, тем оно лучше, — проворчал он. — Не бывало того прежде, чтобы, отправляясь на вылазку, таскали мы за собою пленника, тем паче затаившего обиду.

Весь день изгой отдыхали, начищали оружие и чинили снаряжение; запаса снеди у них оставалось на день или два, а Мим принес им еще. Три вместительных котла для стряпни ссудил он гостям, снабдил их дровами; приволок и мешок.

— Мелочь, безделица, — хмыкнул он. — Не стоит и красть. Дикие корни, и только-то.

Будучи вымыты, корни оказались под кожицей белы и мясисты, а в сваренном виде весьма вкусны, вроде хлеба; порадовались им изгой, ибо хлеба давно не видали, вот разве что изредка удавалось ограбить какой-нибудь дом.

— Дикие эльфы таких не знают; Серые эльфы не нашли их, а гордецы из-за Моря слишком надменны, чтобы рыться в земле, — промолвил Мим.

— Как они называются? — спросил Турин. Мим глянул на него исподлобья.

— Нет у них названия, кроме как на языке гномов, а ему мы не учим, — промолвил он. — Не учим мы людей и отыскивать эти корни. Жадны люди и не бережливы, дай им волю, так все растения изведут под корень, ни одного не оставят; ныне же, блуждая в глуши, проходят они мимо. Более ничего вы от меня не узнаете; но оделю я вас в избытке, пока разговариваете вы учтиво, не подсматриваете за мною и не воруете. — И вновь рассмеялся гном гортанным смехом. — То великое сокровище! Дороже золота эти корни в голодную зиму, их можно запастись впрок, как белка — орехи; ибо они уже начали созревать, и мы ныне пополняем кладовые. Но глупцы вы, ежели полагаете, что не расстался бы я с невеликой ношей даже ради спасения жизни.

— Я слышу тебя, — проговорил Улрад, который заглянул в мешок, когда захватили Мима. — И все ж не пожелал ты с нею расстаться; тем больше дивлюсь я тому после твоих слов.

Мим обернулся и мрачно воззрился на него.

— Такого дурня, как ты, весной не оплачут, коли и не переживешь ты зимы, — промолвил он. — Я дал слово и непременно вернулся бы, добровольно либо против воли, с мешком или без, и пусть бесчестное ворье думает что хочет! Однако не по душе мне, когда злые люди отбирают у меня добро мое силой, будь то хоть ремешок от башмака. Думаешь, не помню я, что и твои руки в числе прочих связали и скрутили меня, так что не мог я уйти и перемолвиться словом с моим умирающим сыном? Когда стану оделять я вас земляным хлебом из своих запасов, тебя обойду я, а ежели и вкусишь ты его, так милостью своих сотоварищей, но не моей.

И ушел Мим; Улрад же, оробевший пред его гневом, бросил ему вслед:

— Красно говорит! Однако ж старый плут хранил в мешке и кое-что другое, сходного вида, да только потверже и потяжелее. В глуши, верно, и помимо земляного хлеба встречается такое, чего эльфы не нашли и о чем людям знать не положено!

— Может, и так, — отозвался Турин. — Однако ж в одном гном не солгал — назвав тебя дурнем. Так ли тебе надо вслух говорить все, что думаешь? Коли учтивые слова застревают у тебя в горле, так лучше молчи — всем нам оно пойдет на пользу.

День прошел мирно; никто из изгоев наружу не стремился. Турин расхаживал туда-сюда по полоске зеленого дерна, от одного края уступа до другого, глядя на восток, и на запад, и на север, и дивился тому, сколь далеко видно в прозрачном воздухе. На севере он различал зеленый лес Бретиль, поднимающийся вверх по склонам холма Амон Обель, — казалось, до леса того рукой подать. Тогда Турин поневоле устремлял взгляд снова и снова, сам не зная почему; ибо сердцем стремился он скорее на северо-запад: там, за бесчисленными лигами у самой кромки небес он словно бы различал Тенистые горы и границы родного края. Но вечером, когда закат окрасил небеса, взгляд Турина обратился к западу: багровое солнце склонялось к горизонту, погружаясь в туманную дымку,

нависшую над далеким побережьем, а между ним и морем тонула во мраке долина Нарога.

Так поселился Турин, сын Хурина, в чертогах Мима, в Доме-Выкупе, Бар-эн-Данвед.

Долгое время новая жизнь приходилась изгоям куда как по нраву. В пище они недостатка не испытывали; притом обрели и надежное убежище, в тепле и сухости, где места было достаточно и в избытке; в пещерах, как оказалось, при необходимости разместились бы сотня обитателей и даже более. В глубине обнаружился еще один зал, поменьше. С одной стороны там располагался очаг, а над ним в скале прорубили дымоход: его выходное отверстие искусно упрятали в трещине на склоне холма. Было там множество других комнат, доступ в которые открывался либо из залов, либо из коридора между ними; одни служили жилыми покоями, другие — мастерскими или кладовыми. Делать запасы впрок Мим умел — не чета изгоям; было у него немало сосудов и каменных и деревянных сундуков, по виду весьма древних. Но почти все покои стояли ныне пустыми; топоры и прочее снаряжение ржавели и пылились в оружейнях; полки и ниши были голы, и в кузницах не пылал огонь. Кроме одной, в комнатушке, примыкавшей к внутреннему чертогу; тамошний горн использовал ту же отдушину, что и очаг в общей зале. Там порою работал Мим, никого к себе при этом не подпуская; и ни слова не сказал он о потайной лестнице, что выводила из его дома на плоскую вершину Амон Руд. Лестницу эту случайно обнаружил Андрог: проголодавшись, искал он Мимовы кладовые и заблудился в пещерах; но никому о своей находке не поведал.

До конца года изгой не совершали более крупных вылазок, а если и выходили наружу — поохотиться либо пополнить запасы снеди — то по большей части маленькими отрядами. Нескоро научились они находить дорогу назад; помимо Турина, лишь шестеро и не более овладели этой премудростью. Однако ж, видя, что искусные следопыты способны добраться до убежища и без помощи Мима, изгой стали выставять стражу и днем, и ночью у расщелины в северной стене. С юга врагов они не ждали: с той стороны на гору Амон Руд никто бы в жизни не вскарабкался; однако в течение дня на гребне почти всегда дежурил часовой, озирая окрестности. Как ни крут был гребень, подняться на вершину труда не составляло: грубые ступени, вырубленные в камне к востоку от входа в пещеру, вели вверх по склону, где человек мог взобраться наверх без посторонней помощи.

Так тянулся год — не зная тревог и бед. Но вот дни сделались короче, потускнела стылая заводь, облетели березы и вновь зарядил проливной дождь, — теперь изгой поневоле больше времени проводили в убежище. Вскорости опостылела им темнота пещер и тусклый полусвет залов, и многие полагали, что жизнь стала бы отраднее, кабы не приходилось ютиться бок о бок с Мимом. Слишком часто появлялся гном нежданно-негаданно из какого-нибудь темного угла или дверного проема, когда все думали, что нет его поблизости; а при Миме беседа не клеилась. Ныне изгой говорили друг с другом не иначе как шепотом.

Однако ж — и весьма дивились тому изгой — с Туриним было иначе; он все ближе сходил к старым гномам и все более прислушивался к его советам. С приходом зимы Турин часы напролет беседовал с Мимом, внимая гномьим преданиям и рассказам о его жизни; и не одергивал гнома, ежели тот дурно отзывался об эльдар. Мим, по всему, был тем немало доволен и к Турину весьма благоволил; его одного порою допускал он в свою кузню и там толковали они промеж себя вполголоса.

И вот минула осень, и настала лютая зима, и пришлось изгоям несладко. Еще до Йоля с Севера налетела вьюга: таких метелей не знали доселе в речных долинах; в ту пору, по мере того, как росла власть Ангбанда, зимы в Белерианде делались все суровее. Гора Амон Руд потонула в снегу; теперь лишь самые стойкие осмеливались покидать пещеры. Многие занедужили; всех мучил голод.

Однажды в пасмурных сумерках в день середины зимы объявился внезапно промеж них некто — с виду человек могучего сложения и высокого роста, закутанный в белый плащ, с надвинутым на глаза капюшоном. Часовые его не заметили; и вот подошел он к костру, не говоря ни слова. Все в страхе повскакали с мест, а гость рассмеялся и откинул капюшон, и увидели изгой, что перед ними — Белег Могучий Лук. Под широким своим плащом принес он тяжелый тук, а в нем — немало всего в помощь людям.

Вот так возвратился Белег к Турину, уступив любви вопреки мудрости. Весьма возрадовался Турин, ибо часто сожалел о своем упрямстве, а теперь сбылось заветное желание его сердца без того, чтобы пришлось ему унижаться или смирять свою волю. Но Андрог, в отличие от Турина, не обрадовался ничуть, равно как и некоторые другие из числа разбойников. Думалось им, что вожак их втайне от отряда загодя сговорился с Белегом; ревниво глядел Андрог, как эти двое, устроившись поодаль, беседовали промеж себя.

Белег принес с собою Шлем Хадора, ибо надеялся, что при виде него Турин обратит свои помыслы к

целям более достойным, нежели прозябать в глуши главарем жалкого отряда.

— Возвращаю тебе добро твое, — сказал он Турину, доставая шлем. — На северных границах оставлен он был мне на хранение, однако хотелось бы верить, не позабыт.

— Почти позабыт, — посетовал Турин, — но вновь того не случится.

И замолчал он, устремившись мысленным взором в далекую даль, — как вдруг заметил, как в руках у Белега блеснуло еще что-то. То был дар Мелиан; в свете костра серебряные листья казались алыми. Турин разглядел печать — и глаза его потемнели.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Величайший из даров той, что любит тебя и поныне, — отвечал Белег. — То — *лембас-ин-элид*, дорожный хлеб эльдар, коего никто из людей доселе не пробовал.

— Шлем моих отцов принимаю я — и благодарю тебя за то, что сохранил мне его в целости, — промолвил Турин. — Но отвергаю я дары из Дориата.

— Тогда отошли назад меч свой и снаряжение, — промолвил Белег. — Верни и то, чему учили тебя в юности, и кров, и стол, и заботу, коей тебя окружали. И пусть твои люди, которые, по твоим же собственным словам, хранят тебе верность, умрут в глуши, в угоду твоей прихоти! Однако ж этот дорожный хлеб подарен не тебе, а мне, и я вправе распорядиться им так, как пожелаю. Не ешь его, если застревает он у тебя в горле; остальные, возможно, изголодались сильнее, и гордины в них меньше.

Вспыхнули глаза Турина, но поглядел он в лицо Белега, и погас в них огонь, и потускнели они, и произнес он еле слышно:

— Дивлюсь я, друг, что счел ты нужным возвращаться к такому невеже. От тебя приму я все, что угодно, даже укор. Отныне и впредь станешь ты меня наставлять во всем и всегда, вот только речи о возвращении в Дориат не заводи более.

Глава VIII

ЗЕМЛЯ ЛУКА И ШЛЕМА

В последующие дни Белег немало потрудился на благо отряду. Он лечил раненых и недужных — и те быстро исцелялись. Ибо в те дни Серые эльфы все еще оставались высоким народом и обладали великими могуществом, и мудры были во всем, что касается жизни и всего живого; и хотя уступали в мастерстве и мудрости Изгнанникам из Валинора, владели многими искусствами, людям недоступными. Более того, в народе Дориата мало кто мог сравниться с Белегом Лучником; силен и могуч был он, и прозорлив столь же, сколь зорок, а в час нужды являл великую воинскую доблесть, полагаясь не только на быстрые стрелы своего длинного лука, но и на могучий свой меч Англахель. И с каждым часом все росла злоба в сердце Мима, который, как говорилось выше, ненавидел всех эльфов и ревнивым оком глядел на дружбу Турина и Белега.

Когда же миновала зима и наступило пробуждение, и расцвела весна, настала изгода пора взяться за суровые ратные труды. Пришла в движение мощь Моргота; словно длинные пальцы шарящей во тьме руки, передовые отряды его армий нащупывали пути в Белерианд.

Кому ведомы ныне тайные помыслы Моргота? Кто сумеет постичь сокровенные думы того, кто некогда был Мелькором и обладал великим могуществом среди Айну́р Великой Песни, а теперь восседал темным властелином на темном троне Севера, взвешивая на весах злобы вести из внешнего мира, к нему приходящие через лазутчиков и предателей, прозревая мысленным взором и постигая куда глубже дела и намерения своих недругов, нежели опасались мудрейшие из них. Лишь королева Мелиан оставалась для него недосыгаема. К ней часто обращалась мысль его — но наталкивалась на непреодолимую преграду.

Посему в тот год злоба его обратилась к землям западнее Сириона, где еще оставались силы противостоять ему. Еще держался сокрытый Гондолин. Про Дориат Моргот знал, хотя войти в него пока не мог. Еще дальше находился Нарготронд, одно имя которого внушало страх; потаенная крепость народа Финродова, куда прислужники Моргота до поры не сыскали путей. А далеко с юга, из-за белых березовых лесов Нимбретилия, от побережья Арверниэна и устьев Сириона доходили слухи о Корабельных Гаванях. Туда Морготу не добраться было, пока не падут все прочие твердыни.

Ныне орки стекались с Севера все в большем числе. Через Аннах явились они и захватили Димбар, и заполонили все северные границы Дориата. Прошли они вниз по древней дороге, что пролежала через протяженную теснину Сириона, мимо острова, где высился некогда Минас Тирит Финрода, через земли между Малдуином и Сирионом, а затем и далее через окраины Бретилия к Переправе Тейглина. Оттуда встарь дорога уводила на Хранимую равнину, а дальше, вдоль подножия нагорий, над которыми нес стражу Амон Руд, сбегала в долину Нарога и выходила наконец к Нарготронду. Но до поры орки не осмеливались заходить так далеко по этой дороге; ибо теперь в глуши поселился потаенный ужас, и с красного холма следили за ними бдительные глаза, о коих не предостерегали захватчиков.

Той весной Турин вновь надел Шлем Хадора, и порадовался Белег. Поначалу в их отряде было менее пятидесяти человек, однако благодаря лесной науке Белега и доблести Турина враги полагали, что имеют дело с целой армией. Отряд охотился за орочьими разведчиками, отыскивал их стоянки, а если выступали орки в путь большими силами, в какой-нибудь узкой теснине из-за скал или из-под деревьев появлялись внезапно Драконий Шлем и его люди, статные и свирепые. Вскоро при одном только звуке Туринова рога в холмах содрогались от страха орочьи вожаки, и враги обращались в бегство еще до того, как просвистит стрела и блеснет меч.

Как уже говорилось, когда Мим уступил свое потаенное убежище на Амон Руд Турину с его отрядом, он потребовал: тот, кто выпустил стрелу, убившую его сына, должен сломать лук и стрелы и сложить их к ногам Кхима; а человеком тем был Андрог. С превеликой неохотой исполнил Андрог повеление Мима. В придачу Мим потребовал, чтобы Андрог никогда более не брался за лук и стрелы, и проклял его, говоря: ежели однажды послушается он, то сам погибнет от этого оружия.

Весной же того года Андрог презрел проклятие Мима и в очередной вылазке из Бар-эн-Данвед вновь взялся за лук; и в вылазке этой ранен был отравленной орочьей стрелой; и назад принесли его умирающим от боли. Но Белег исцелил его рану. Теперь еще сильнее возненавидел Мим Белега, ибо тем самым эльф снял проклятие; ну да «оно еще ужалит», посулил гном.

В том году по всему Белерианду, через леса и реки, и горные перевалы, разнеслись слухи о том, что Лук и Шлем, поверженные в Димбаре (как казалось) паче чаяния объявились вновь. Тогда многие, как эльфы, так и люди, утратившие своих вождей, обездоленные, но неустрашенные, — те, кто уцелел в битвах и при разгроме, и при разорении земель, вновь воспряли духом и отправились к

Двум Вождям, хотя где их крепость, до поры не знал никто. Турин охотно принимал всех вновь пришедших, однако по совету Белега не допускал новобранцев в убежище на Амон Руд (что ныне именовалось Эхад и Седрюн, «Стан Верных»); путь туда знали только воины Старого Отряда, прочим же вход был заказан! Но вокруг выросли новые укрепленные лагеря и форты: в лесах к востоку, и в нагорьях, и на южных заболоченных пустошах, от Метед-эн-глад (Лесного предела) к югу от Переправы Тейглина до Бар-эриб в нескольких лигах южнее горы Амон Руд в некогда плодородной земле между Нарогом и Заводьями Сириона. Из всех этих мест хорошо просматривалась вершина Амон Руд; и с помощью сигналов воинам сообщали новости и приказы.

Вот так еще до исхода лета число сподвижников Турина умножилось до великого воинства, и отброшена была мощь Ангбанда. Вести о том дошли даже до Нарготронда, и многие преисполнились нетерпения, говоря, что если какой-то изгой способен чинить Врагу такой урон, так что же под силу Владыке Нарога? Однако Ородрет, король Нарготронда, не желал ничего менять. Во всем следовал он примеру Тингола, с которым обменивался тайными посланцами; был он мудрым правителем — сообразно мудрости тех, кто в первую очередь помышляет о благе собственного своего народа и о том, как долго выстоит он против алчности Севера, сохранив и жизнь, и богатства. Посему никого из своих подданных не отпустил он к Турину и послал к нему гонцов сообщить: что бы ни делал он и ни задумывал в ходе этой войны, запрещается ему переступать границы Нарготронда и загонять туда орков. На иную помощь, кроме как вооруженными воинами, Двое Вождей могут рассчитывать, буде возникнет у них нужда (на это, по слухам, подвигли его Тингол и Мелиан).

До поры Моргот сдерживал свою руку; хотя то и дело предпринимал ложные атаки, дабы благодаря легким победам уверенность мятежников обернулась самонадеянностью. Так оно и вышло. Ибо теперь Турин дал название Дор-Куартол всем землям между Тейглином и западными пределами Дориата; и, объявив себя владыкой того края, взял себе новое имя — Гортол, Грозный Шлем, и вновь воспрял духом. Белегу же казалось ныне, что Шлем произвел в Турине иную перемену, нежели уповал он; и, заглядывая в будущее, встревожился эльф в сердце своем.

Однажды, на исходе лета, они с Туринот отдыхали в крепости Эхад после долгого сражения и перехода. И молвил Турин Белегу:

— Отчего печален ты и задумчив? Разве не все идет хорошо с тех пор, как ты ко мне вернулся? Или замысел мой не обернулся во благо?

— Все хорошо ныне, — отвечал Белег. — Враги наши напуганы, ибо их застали врасплох. И впереди у нас хорошие дни — до поры до времени.

— А что потом? — спросил Турин.

— Зима, — отозвался Белег. — А после — следующий год, для тех, кто доживет до него.

— А потом?

— Ярость Ангбанда. Мы обожгли кончики пальцев Черной Руки — не более того. Она не отдернется.

— Не к тому ли стремимся мы — привести Ангбанд в ярость? Разве не в радость это нам? — промолвил Турин. — Чего еще ты от меня хочешь?

— Ты отлично знаешь чего, — отозвался Белег. — Но о той дороге запретил ты мне поминать. Однако выслушай меня ныне. У короля или предводителя огромного воинства нужд немало. Ему необходимо надежное убежище, а также и богатство; а также и множество тех, кто живет трудами рук своих, а не войной. С численностью приходит нужда в пище: ее требуется куда больше, нежели способны промыслить в глуши охотники. А значит, приходится позабыть о скрытности. Амон Руд хорош для немногих — есть там и глаза, и уши. Однако гора стоит особняком, видно ее издалека, и окружить ее возможно с небольшими силами — разве что защищает вершину целая армия, гораздо более многочисленная, нежели наша — как она есть или какой со временем станет.

— Тем не менее хочу я возглавлять собственную армию, — молвил Турин, — а если паду я — значит, паду. Ныне стою я на пути у Моргота, и пока стою — южной дорогой он не воспользуется.

Вести о Драконьем Шлеме, что объявился в земле к западу от Сириона, быстро достигли слуха Моргота, и расхохотался он, ибо вновь выдал себя ему Турин, столь долго скрывавшийся среди теней и под завесой Мелиан. Однако ж устранился Моргот, как бы Турин не обрел такое могущество, что проклятие, на него наложенное, утратит силу и избежит он участи, ему назначенной, либо, чего доброго, отступит в Дориат и вновь станет недосыгаем для его взора. Посему теперь задумал Моргот захватить Турина и истерзать его мукой так же, как и отца, и подвергнуть его пытке, и поработить его.

Прав был Белег, когда говорил Турину, что они лишь опалили пальцы Черной Руки и что она не отдернется. Но Моргот скрывал свои замыслы и до поры довольствовался тем, что слал к горе

самых своих опытных разведчиков; и очень скоро Амон Руд окружили соглядатаи — затаились они незамеченными в глуши и ничего не предпринимали против отрядов, что входили и выходили из крепости.

Однако ж Мим знал о том, что земли вокруг Амон Руд наводнены орками; и ненависть, что питал он к Белегу, подтолкнула его в озлоблении сердца к недоброму умыслу. Однажды на исходе года гном сообщил людям в Бар-эн-Данвед, что вместе с сыном Ибуном уходит собирать корни для зимних запасов; на самом деле затеяли они отыскать прислужников Моргота и отвести их к убежищу Турина.

Тем не менее Мим попытался навязать оркам свои условия, а те лишь посмеялись над ним. И сказал Мим, что плохо они знают Малых гномов, ежели рассчитывают чего-либо добиться от него пытками. Тогда спросили орки, каковы его условия. И объявил Мим свои требования: пусть ему за каждого убитого и пленного заплатят железом по его весу, а за Турина и Белега — золотом; пусть дом Мима, будучи очищен от Туринова отряда, останется хозяину и самого его никто не тронет; пусть Белега связанным передадут Миму на расправу; Турина же отпустят восвояси.

На эти условия посланцы Моргота охотно согласились, отнюдь не собираясь выполнять ни первого, ни второго. Вожак орков подумал про себя, что судьбу Белега вполне можно препоручить Миму; что до Турина, приказ гласил: «доставить живым в Ангбанд». Соглашаясь на требования гнома, орки тем не менее взяли Ибуна в заложники; тут-то испугался Мим и попытался пойти на попятную либо сбежать. Однако сын его остался в плену у орков, так что Миму волей-неволей пришлось проводить орков к Бар-эн-Данвед. Так был предан Дом-Выкуп.

Выше говорилось, что Амон Руд шапкой венчала каменная громада с голой и плоской верхушкой, но как бы ни круты были склоны, на вершину не составляло труда подняться по ступеням, вырубленным в камне, что уводили вверх от уступа или террасы перед входом в дом Мима. На вершине несли стражу часовые: они-то и предупредили о приближении врага. Орки же, ведомые Мимом, вышли на ровный уступ у дверей и оттеснили Турина с Белегом ко входу в Бар-эн-Данвед. Несколько его людей попытались вскарабкаться по ступеням в скале, и были убиты орочьими стрелами.

Турин с Белегом отступили в пещеру и завалили проход тяжелым камнем. В этот бедственный час Андрог сообщил им о потайной лестнице, которая выводила к плоской вершине Амон Руд: тот случайно обнаружил ее, заплутав в пещерах, как говорилось выше. По этой лестнице Турин и Белег и еще многие поднялись на вершину, и напали врасплох на немногочисленных орков, что уже взобрались туда по внешним ступеням, и сбросили их в пропасть. Некоторое время смельчаки обороняли высоту, не давая врагам вскарабкаться наверх, но негде было укрыться на голой вершине, и многих застрелили снизу. Доблестнее прочих сражался Андрог, пока не пал, смертельно раненный стрелой, на верхней ступени наружной лестницы.

Тогда Турин и Белег, и еще десятеро уцелевших, отступили к середине вершины, где высился стоячий камень, и, встав вокруг него кольцом, защищались, пока не погибли все, кроме Белега и Турина; а на этих двоих орки набросили сети. Турина связали и уволокли прочь; связали и раненого Белега, и оставили его лежать на земле, прикрутив за запястья и лодыжки к железным кольям, вбитым в скалу.

И вот орки, отыскав то место, где начиналась потайная лестница, спустились с вершины в Бар-эн-Данвед, и осквернили его, и разграбили. Мима они не нашли: тот схоронился в пещерах; когда же ушли орки с горы Амон Руд, на вершину поднялся Мим и, приблизившись к недвижно распростершемуся на земле Белегу, злорадно воззрился на него и принялся точить нож.

Но Мим с Белегом были на каменистой вершине не одни. Андрог, невзирая на смертельную рану, прополз между трупами к ним и, схватив меч, ткнул им в гнома. Визжа от страха, Мим бросился к краю утеса и исчез; он сбежал вниз по крутой козьей тропе, известной только ему. Андрог же из последних сил перерезал путы на руках и ногах Белега и освободил его; и, умирая, молвил:

— Раны мои слишком глубоки, даже тебе не исцелить их.

СМЕРТЬ БЕЛЕГА

Белег искал Турина среди погибших, дабы предать прах земле, но так и не отыскал. Тогда понял он, что сын Хурина жив и уведен в Ангбанд. Поневоле оставался Белег в Бар-эн-Данвед, пока не исцелились его раны. А тогда отправился он в путь, почти не надеясь дознаться, куда ушли орки, и нашел их следы близ Переправы Тейглина. Там орки разделились: одни двинулись вдоль окраин Бретильского леса к броду Бритиах, а прочие свернули на запад; и ясно стало Белегу, что надо догонять тех, которые спешат напрямик в Ангбанд и направляются к перевалу Анах. Потому прошел он дальше через Димбар и поднялся к перевалу Анах в горах Ужаса, Эред Горгорот, и оттуда — к нагорьям Таур-ну-Фуин, Лесу под покровом Ночи, средоточию страха и темных чар, морока и отчаяния.

В этой недоброй земле Белега застала ночь, и случилось так, что увидел он слабый отблеск среди деревьев, и пойдя на свет, обнаружил эльфа, спавшего под раскидистым сухим деревом; в изголовье его стоял светильник, с которого соскользнул покров. Белег разбудил спящего и разделил с ним *лембас*, и спросил, что за судьба привела его в это гиблое место, и тот назвался Гвиндором, сыном Гуилина.

Скорбя, взирал на него Белег, ибо Гвиндор превратился ныне в согбенную, робкую тень своего бывшего обличья и былой удали — в Битве Бессчетных Слез этот знатный эльф из Нарготронда пробился к самым вратам Ангбанда и там был взят в плен. Захваченных нолдор Моргот редко предавал смерти — ибо нолдор искусны были в горном промысле: умели добывать руды и драгоценные камни. Потому не убили Гвиндора, но отправили в копи Севера. Эти нолдор владели множеством Феаноровых светильников: то были кристаллы, оплетенные сеткой из тонких цепочек, и сияли те кристаллы, не угасая, внутренним голубым светом, что чудесным образом помогал отыскивать дорогу в ночной темноте или в туннелях; тайна светильников эльфам была неведома. Так многие из эльфов-рудокопов спаслись из мрака рудников, сумев проложить путь наружу. Гвиндор же получил короткий меч от одного из тех эльфов, что работали в кузнях, и, будучи отправлен с другими в каменоломню, внезапно набросился на стражников. Ему удалось спастись, хотя вражеский клинок отсек ему кисть; и теперь лежал он, измученный, под высокими соснами Таур-ну-Фуин.

От Гвиндора Белег узнал, что небольшой отряд орков впереди них, от которого беглец прятался, не ведет с собою никаких пленников и движется быстро; то, верно, авангард спешил с сообщением в Ангбанд. При этом известии отчаялся Белег, ибо предположил, что след, свернувший на запад за Переправой Тейглина, оставило войско более многочисленное, которое, как водится у орков, задержалось разграбить окрестные земли, промышляя еду и добычу, а теперь, чего доброго, возвращается в Ангбанд через «Узкую землю» — протяженную теснину Сириона гораздо дальше к западу. Если так, то единственная его надежда состояла в том, чтобы вернуться к броду Бритиах, а оттуда идти на север к острову Тол Сирион. Но едва Белег принял решение, как послышался шум — это приближалась через лес с юга огромная армия. Схоронившись в ветвях дерева, эльфы смотрели, как проходят мимо прислужники Моргота в сопровождении волков, медленно и неспешно, тяжело нагруженные чужим добром и ведя за собою пленников. Был там и Турин: руки его сковывала цепь, и гнали его вперед плетью.

Тогда Белег открыл Гвиндору, что привело его в Таур-ну-Фуин; Гвиндор же попытался отговорить смельчака от его затей, уверяя, что и Белег попадет в руки врагов и разделит с Туриним боль и муки. Но тот отказался бросить друга на произвол судьбы и, отчаявшись сам, зажег надежду в сердце Гвиндора: вместе пустились они в путь по следам орков и вышли, наконец, из леса, оказавшись на высоких склонах, что спускались к бесплодным дюнам пустыни Анфауглит. Там, в виду горы Тангородрим, орки встали лагерем в безлесной ложине и расставили поверху волков-часовых. И предались они пьяному разгулу, и набили животы награбленной снедью; и, поиздевавшись над пленниками, большинство забылось пьяным сном. К тому времени день сменился ночью и сгустилась непроглядная тьма. С Запада надвигалась великая буря, вдали рокотал гром; и Белег с Гвиндором незамеченными прокрались к ложине.

Когда в лагере все уснули, Белег взял лук и под покровом тьмы бесшумно перестрелял четверых волков-часовых на южном склоне — одного за другим. Тогда, подвергая себя страшной опасности, эльфы пробрались в лагерь и отыскивали Турина: тот был скован по рукам и ногам и привязан к дереву. Повсюду вокруг него в стволе торчали ножи: мучители, развлекаясь, швырялись ими в пленника, однако тот нимало не пострадал: Турин словно впал в забытие во власти дурманного оцепенения либо забылся сном от безмерной усталости. Белег с Гвиндором перерезали путы, привязывающие его к дереву, и вынесли Турина из лагеря. Однако слишком тяжел он был, и с ношей своей добрались эльфы недалеко — только до зарослей терновника высоко по склону над лагерем. Там уложили они спасенного наземь; а гроза между тем вот-вот готова была разразиться, и вспышки молний озаряли Тангородрим. Белег извлек меч свой Англахель и рассек оковы Турина; но над днем тем тяготел рок, ибо клинок Эола Темного эльфа скользнул в сторону и уколол Турина в

ступню.

Сей же миг Турин разом очнулся от сна и преисполнился ярости и страха; и увидев, что склоняется над ним во мраке неясная фигура с обнаженным мечом в руке, вскочил он с громким криком, полагая, что это орки вернулись истязать его; и, схватившись с противником во мгле, отнял Англахель и зарубил Белега Куталиона, почитая его за врага.

Так стоял он, оказавшись вдруг на свободе и готовясь дорого продать свою жизнь в схватке с воображаемыми недругами, как вдруг в небесах ярко сверкнула молния, и в мгновенной вспышке Турин различил лицо Белега. И застыл он на месте, неподвижный и безмолвный, точно каменное изваяние, в ужасе глядя на убитого и осознавая, что содеял; столь жутким показался лик его в свете мерцающих вокруг молний, что Гвиндор в страхе припал к земле и не смел поднять глаз.

Тем временем в лагере внизу всполошились орки, потревоженные грозой и криком Турина, и обнаружили, что пленник исчез; но искать его не стали, ибо ужас внушал им гром, донесшийся с Запада, и полагали они, будто насылают на них грозу великие Недруги-из-за-Моря. Поднялся ветер, полил проливной ливень, с высот Таур-ну-Фуин хлынули водяные потоки; и хотя Гвиндор взывал к Турину, предостерегая его о неминуемой опасности, Турин не отвечал: не двигаясь, не рыдая, он сидел подле тела Белега Куталиона, что лежал в темном лесу, сраженный той самой рукою, с которой только что снял оковы рабства.

Настало утро, буря пронеслась над Лотланном на восток; взошло яркое и жаркое осеннее солнце; орки же ненавидели его почти столь же сильно, как гром. Полагая, что Турин уже далеко от этих мест и все следы его бегства смыло дождем, они в спешке покинули лагерь, торопясь вернуться в Ангбанд. Видел Гвиндор издали, как уходят орки на север по влажным курящимся пескам равнины Анфауглит. Вот так вышло, что возвратились орки к Морготу с пустыми руками, оставляя позади сына Хурина, а он так и не сдвинулся с места; обезумев от горя, не сознавая, где он и что с ним, сидел он на склоне Таур-ну-Фуин, и бремя его было тяжелее орочьих оков.

Тогда Гвиндор заставил Турина помочь ему похоронить Белега, и тот поднялся, двигаясь, словно во сне; вместе опустили они тело убитого в неглубокую могилу, а рядом положили Бельтрондинг, его могучий лук из черного тисового дерева. Но грозный меч Англахель Гвиндор забрал, говоря, что лучше пусть мстит клинок прислужникам Моргота, нежели без дела ржавеет в земле; забрал он и *лембас* Мелиан, дабы поддержать силы в глуши.

Так погиб Белег Могучий Лук, самый верный из друзей, искуснейший из следопытов, что находили приют в лесах Белерианда в Древние Дни — погиб от руки того, кого любил превыше прочих; и скорбь оставила неизгладимый отпечаток на лице Турина, и вовеки не утихло его горе.

А к эльфу из Нарготронда вернулись отвага и силы; и, покинув Таур-ну-Фуин, он повел Турина далеко прочь. Ни разу не заговорил Турин за все время долгого, нелегкого пути; отрешенно брел он вперед, словно во сне, не зная куда и не желая знать; а год между тем близился к концу и в северном краю настала зима. Но Гвиндор неизменно был рядом с Турином, оберегая и направляя его; так прошли они на запад через Сирион и добрались наконец до Прекрасной Заводи и Эйтель Иврин, родников под горами Тени, где брал начало Нарог. Там Гвиндор обратился к Турину, говоря:

— Очнись, Турин, сын Хурина! Над озером Иврина не умолкает смех. Неиссякаемые ключи питают кристальную заводь; Ульмо, Владыка Вод, создавший красоту озера в Древние Дни, хранит его от осквернения.

И Турин опустил на колени, и отпил озерной воды; и внезапно бросился он наземь, и слезы, наконец, хлынули из глаз его, и исцелился он от своего безумия.

Там сложил Турин песнь о Белеге, и назвал ее «Лаэр Ку Белег», «Песнь о Могучем Луке», и запел ее во весь голос, не задумываясь об опасности. Гвиндор же вложил ему в руки меч Англахель, и понял Турин, что меч тяжел и мощен, и заключена в нем великая сила; но потускнело черное лезвие, и края его затупились. И молвил Гвиндор:

— Станный это клинок; не похож ни на один из тех, что видел я в Средиземье. Он скорбит по Белегу, как и ты. Но утешься: я возвращаюсь в Нарготронд, где правит Дом Финарфина, где родился и жил я, до того, как постигла меня беда. Ты пойдешь со мной — там обрешь ты исцеление и возродишься к жизни.

— Кто ты? — спросил Турин.

— Эльф-скиталец, беглый раб, получивший от Белега помощь и утешение, — отвечал Гвиндор. — Однако некогда, до того, как отправился я на битву Нирнаэт Арноэдиад и стал рабом в Ангбанде,

называли меня Гвиндор сын Гуилина, и числился я среди нарготрондской знати.

— Тогда ты, верно, видел Хурина, сына Галдора, воина Дор-ломина? — молвил Турин.

— Видеть не видел, — отвечал Гвиндор. — Но слухами о нем полнится Ангбанд: говорят, будто до сих пор не покорился он Морготу, и Моргот наложил проклятие на него и на весь его род.

— В это мне легко верится, — произнес Турин.

И поднялись они, и, покинув Эйтель Иврин, направились на юг вдоль берегов Нарога; там захватили их эльфы-дозорные и привели как пленников в потаенную крепость.

Так Турин пришел в Нарготронд.

Глава X

ТУРИН В НАРГОТРОНДЕ

Поначалу Гвиндора не признал собственный народ его — уехал он молодым и исполненным сил, теперь же, вернувшись, мог сойти за смертного, изнемогшего под бременем лет: так изменили несчастного пытки и непосильный труд; к тому же стал он калекой. Однако Финдуилас, дочь короля Ородрета, узнала его и приветила, ибо любила его встарь, до Нирнаэт, — были они помолвлены; Гвиндор же, преклоняясь пред красотой Финдуилас, нарек ее Фаэливрин, что означает «солнечный отблеск на заводах Иврина».

Так Гвиндор вернулся домой; и ради него Турина впустили вместе с ним; ибо сказал Гвиндор: то — доблестный воин, близкий друг Белега Куталиона из Дориата. Когда же Гвиндор собирался уже назвать его имя, Турин знаком велел ему умолкнуть и ответил сам:

— Я — Агарваэн, сын Умарта (что значит Запятнанный кровью, сын Злосчастья), лесной охотник.

И хотя догадались эльфы, что принял гость эти имена затем, что убил друга, об иных причинах они не ведали и не расспрашивали его более.

Искусные кузнецы Нарготронда перековали для него заново меч Англахель, и черное лезвие клинка замерцало по краям бледным огнем. Турина же стали называть в Нарготронде Мормегилом, Черным Мечом, ибо разнеслась молва о деяниях, свершенных им с помощью этого клинка; а сам Турин дал мечу имя Гуртанг, Железо Смерти.

Благодаря своему воинскому искусству и доблести в сражениях с орками Турин обрел благоволение в глазах Ородрета и был допущен на совет. Не по душе пришелся Турину нарготрондский способ ведения войны: засады, и уловки, и стрела в спину; и призывал он отказаться от скрытности, и атаковать прислужников Врага большими силами, и открыто выйти на бой, и обратить их в бегство. Но Гвиндор неизменно возражал Турину на королевских советах, говоря, что побывал в Ангбанде и видел малую толику мощи Моргота, и отчасти представляет себе его замыслы.

— Мелкие победы в итоге окажутся никчемны, — убеждал он, — ибо так прознает Моргот, где укрылись храбрейшие враги его, и соберет достаточно сил, чтобы их уничтожить. Всей мощи эльфов и эдайн едва хватило, чтобы сдержать его и взять в осаду, дабы настал мир; да, надолго — но лишь до тех пор, пока Моргот, выждав своего часа, не прорвал кольца; и вновь не создать уже такого союза. Лишь затаившись, выживем мы. Пока не придут Валар.

— Валар! — воскликнул Турин. — Они бросили вас на произвол судьбы, а людей презирают. Что толку глядеть за бескрайнее Море на догорающий на Западе закат? Есть лишь один Вала, с которым приходится нам иметь дело, и Вала этот — Моргот; и ежели в конечном счете не сумеем мы одолеть его, то хотя бы причиним ему вред и помешаем его замыслам. Ибо победа есть победа, даже малая, и ценна победа не только последствиями. Равно как и не безвыгодна. Таись не таись, в конечном счете что в том проку? Лишь сила оружия — заслон от Моргота. Ежели не пытаться обуздать Врага, немного лет минет прежде, чем весь Белерианд подпадет под его тень, и тогда одного за другим выкурит он вас из подземных нор. И что тогда? Жалкая горстка уцелевших бежит на юго-запад и схоронится на побережье, словно в ловушке, между Морготом и Оссэ. Не лучше ли стяжать великую славу, пусть и ненадолго, — ибо конец один. Ты говоришь о необходимости затаиться — что в ней-де единственная надежда; но можешь ли ты заманить в засаду и подстеречь всех до единого соглядатаев и лазутчиков Моргота, чтобы никто не возвратился с вестями в Ангбанд? Однако ж так Моргот прознает, что вы живы, и догадается, где вас искать. И вот что еще я скажу: пусть краткая жизнь отмерена смертным в сравнении с эльфами, они охотнее расстанутся с ней в битве, нежели обратятся в бегство или покорятся. Стойкость Хурина Талиона — великий подвиг; и пусть Моргот убьет героя, но самого деяния ему не отменить. Деяние это почтят даже Владыки Запада, и разве не вписано оно в историю Арды, что не зачеркнуть ни Морготу, ни Манвэ?

— О высоком говоришь ты, — отвечал Гвиндор, — видно, что жил ты среди эльдар. Но тьма в душе твоей, если ставишь ты рядом Моргота и Манвэ и говоришь о Валар как о недругах эльфов и людей; ибо Валар никого не презирают, менее всего — Детей Илуватара. И неведомы тебе надежды эльдар. Живет среди нас пророчество, что однажды посланец из Средиземья пробьется сквозь сумрак и тени в Валинор, и выслушает его Манвэ, и смягчится Мандос. Не должно ли нам до тех времен попытаться сохранить род нолдор и эдайн? Кирдан живет ныне на юге, и строятся там корабли; но что тебе ведомо о кораблях или о Море? Думаешь ты лишь о себе и о собственной славе, и велишь всем нам поступать так же; однако следует нам помыслить и о других, помимо себя, ибо не всем дано сражаться и пасть в бою: их надлежит нам защитить от войны и гибели, пока мы в силах.

— Так отошлите их на корабли, пока есть время, — молвил Турин.

— Они не пожелают расстаться с нами, — отвечал Гвиндор, — даже если бы Кирдан и смог их приютить. Мы будем вместе до последнего, и не след нам добровольно искать смерти.

— На все это я ответил, — промолвил Турин. — Доблестная защита границ и могучие удары, пока враг не собрался с силой, — вот верная надежда на то, что долго пробудете вы вместе. И неужто тем, о ком говоришь ты, по сердцу малодушные трусы, что, схоронившись в лесах, охотятся на отбившуюся от стаи добычу, точно волки — по сердцу больше, нежели тот, кто надевает шлем и берет в руки щит с гербом, и разгоняет врагов, пусть они далеко превосходят числом все его воинство? Женщины эдайн, во всяком случае, не таковы. Они не удерживали своих мужей от Нирнаэт Арноэдиад.

— Но выстрадать им пришлось куда больше, чем если бы битвы этой никогда не было, — отозвался Гвиндор.

Однако Турин обрел немалое благоволение в глазах Ородрета и стал главным советником короля, и тот во всем доверял его суждению. В ту пору эльфы Нарготронда отказались от скрытности; откованы были огромные запасы оружия, и, по совету Турина, нолдор перекинули через Нарог надежный мост — от самых Врат Фелагунда, чтобы ускорить передвижение войск, ибо теперь война шла главным образом к востоку от Нарога на Хранимой равнине. Северной границей Нарготронда ныне стала «Спорная земля» у истоков Гинглита и Нарога и вдоль окраин лесов Нуат. Орки не смели забредать в междуречье Неннинга и Нарога, а к востоку от Нарога нарготрондские владения доходили до Тейглина и до края Болот нибин-ноэг.

Гвиндор впал в немилость, ибо утратил былую воинскую доблесть, и сила его иссякла, и боль в изувеченной левой руке то и дело давала о себе знать. Турин же был юн; лишь теперь вполне возмужал он; и с виду воистину походил на мать свою, Морвен Эледвен: высокий, темноволосый, светлокожий и сероглазый, красотой превосходил он всех смертных мужей Древних Дней. Держался и изъяснялся он так, как в обычае в древнем королевстве Дориат; даже среди эльфов при первой встрече его легко можно было принять за потомка одного из знатнейших нолдорских Домов. Столь отважен был Турин и столь искусно владел оружием, особенно мечом и щитом, что говорили эльфы, будто невозможно убить его — разве только по роковой случайности либо пущенной издалека стрелой. Потому Турину подарили надежную кольчугу гномьей работы; и, будучи в мрачном расположении духа, отыскал он в оружейных позолоченную гномью маску и надевал ее в битву, и враги бежали пред ним.

Теперь, когда добился Турин своего, и все шло удачно, и, занимаясь тем, что ему по сердцу, обретал он славу и почести — держался он со всеми учтиво и обходительно, и сделался менее мрачен, нежели прежде; так что едва ли не все сердца обратились к нему; и многие называли его Аданэдель, Эльф-человек. Но более прочих Финдуилас, дочь Ородрета, чувствовала сердечное волнение, ежели стоял он рядом или просто находился в том же зале. Была она золотоволосой, как весь дом Финарфина; и в радость было Турину любоваться ею и с нею беседовать, ибо напоминала она ему родню и женщин Дор-ломина в отчем его доме.

Поначалу виделся он с Финдуилас только при Гвиндоре; однако спустя какое-то время стала она сама искать его общества, так что порою встречались они и наедине, словно бы волею случая. Тогда Финдуилас принималась расспрашивать Турина про эдайн, видеть которых доселе доводилось ей нечасто, и о стране его, и о родичах.

Турин охотно рассказывал ей обо всем, пусть и не называя напрямую ни земли своей, ни кого-либо из близких, а однажды признался ей:

— Была у меня сестренка, Лалайт — так звал я ее; глядя на тебя, вспоминаю я о ней. Лалайт была дитя — золотистый цветок в зеленой весенней траве; если бы осталась она в живых, так сейчас, верно, поблекла бы от горя. Но в тебе прозреваю я величие королевы — ты схожа с золотым древом; хотелось бы мне иметь сестрицу столь прекрасную.

— В тебе же прозреваю я величие короля, — отозвалась она, — под стать знати народа Финголфина; хотелось бы мне иметь брата столь доблестного. И не думаю я, что Агарваэн — твое настоящее имя; не подходит оно тебе, Аданэдель. Я зову тебя Тхурин, то есть Сокрытый.

При этих словах Турин вздрогнул, но молвил так:

— Не таково мое имя, и я не король; наши короли — из рода эльдар, а я — нет.

И заметил Турин, что дружба Гвиндора к нему охладела; и дивился он также, что, если поначалу горе и ужас ангбандского плена от него отчасти отступили, теперь Гвиндора словно бы все больше одолевали тревога и скорбь. И подумал Турин: он, верно, горюет, что я противлюсь его советам и взял над ним верх; жаль мне, что так. Ибо Турин любил Гвиндора, провожатого своего и исцелителя, и сочувствовал ему всей душой. Но в те дни блеск красоты Финдуилас тоже померк, поступь ее сделалась медлительна, а лик омрачила печаль, она побледнела и исхудала, и Турин,

видя это, решил, что слова Гвиндора заронили в ее сердце страх перед будущим.

На самом же деле Финдуилас разрывалась душою надвое. Она чтит Гвиндора и сострадала ему, и не хотелось ей добавлять ни единой слезы к его горестям; однако вопреки воле день ото дня росла любовь ее к Турину, и задумывалась Финдуилас о Берене и Лутиэн. Но Турин не походил на Берена! Он не пренебрегал ею и радовался ее обществу; она же знала, что не любит ее Турин той любовью, что ей желанна. Мыслями и сердцем он был далеко, у рек давно минувших весен.

И вот Турин заговорил с Финдуилас и сказал так:

— Пусть не пугают тебя слова Гвиндора. Он немало выстрадал во мраке Ангбанда, и тяжка воину столь доблестному участь беспомощного калеки. Ему нужно утешение — и время на то, чтобы окончательно исцелиться.

— Знаю, — отвечала Финдуилас.

— И мы выиграем для него это время! — воскликнул Турин. — Нарготронд выстоит! Вовеки не выйдет более Трус Моргот из Ангбанда, и остается ему полагаться лишь на своих прислужников — так говорит Мелиан Дориатская. Прислужники эти — пальцы на его руках; и мы станем рубить и отсекал их, пока Моргот не втянет когти. Нарготронд выстоит!

— Может, и так, — отозвалась Финдуилас. — Выстоит, если ты в том преуспеешь. Но остерегись, Тхурин; тяжело у меня на сердце, когда уходишь ты в битву — страшусь я, что осиротеет Нарготронд.

После Турин отыскал Гвиндора и сказал ему:

— Гвиндор, милый друг, опять одолевает тебя печаль; гони же ее прочь! Ибо исцелишься ты под кровом родни своей и в ясном свете Финдуилас.

Гвиндор посмотрел на Турина долгим взором, но не сказал ни слова, и омрачилось его лицо.

— Что смотришь ты на меня так? — недоумевал Турин. — В последнее время часто ловлю я на себе странный взгляд твой. Чем огорчил я тебя? Я противостою твоим советам, однако должно мужу говорить начистоту то, что думает он, и не скрывать правды — ради кого бы то ни было. Хотелось бы мне, чтобы мыслили мы согласно, ибо я твой должник и не забуду того.

— Не забудешь? — откликнулся Гвиндор. — Однако ж деяния твои и советы до неузнаваемости изменили дом мой и родню мою. Тень твоя пала на них. С какой бы стати мне радоваться, — не я ли всего из-за тебя лишился?

Этих слов Турин не понял и предположил лишь, что Гвиндор завидует его месту в сердце короля и на королевских советах.

Но Гвиндора, когда Турин ушел, одолели в одиночестве мрачные мысли, и проклял он Моргота, что неумолимо преследует врагов своих, умножая их горести, куда бы те ни бежали.

— Теперь наконец и впрямь верю я ангбандским слухам, будто Моргот проклял Хурина и весь род его.

И пошел он к Финдуилас, и сказал ей так:

— Печаль и сомнения одолевают тебя; слишком редко ныне видимся мы, и начинаю я думать, что ты меня избегаешь. А поскольку ты не говоришь мне почему, придется мне самому догадаться. Дочь дома Финарфина, пусть не будет меж нами обиды, ибо, хотя Моргот разбил мою жизнь, по-прежнему люблю я тебя. Иди туда, куда влечет тебя любовь; ныне не гоюсь я тебе в мужья; и ни доблесть моя, ни совет не в чести более.

Финдуилас же расплакалась.

— Не плачь — пока нет к тому повода! — промолвил Гвиндор. — Но остерегись: как бы и впрямь не случилось причины для слез! Не должно тому быть, чтобы Старшие Дети Илуватара сочетались браком с Младшими, и неразумно это — ибо краткий отмерен им срок, очень скоро уходят они, нашему же вдовству длиться до тех пор, пока стоит мир. Да и судьба того не допустит: только однажды или дважды случается такое, по воле рока и во имя некоей высшей цели, постичь которую нам не дано.

Этот человек — не Берен, будь он даже столь же прекрасен и храбр. Воистину тяготеет над ним рок;

но — злой. Не подпади под его власть! Иначе любовь твоя навлечет на тебя горе и гибель. Выслушай меня! Воистину он — «агарваэн», сын «умарта», ибо настоящее его имя — Турин, сын Хурина — того самого, кого Моргот держит узником в Ангбанде и на чей род наложил проклятие. Не сомневайся в могуществе Моргота Бауглира! Разве я — не зримое тому подтверждение?

Тогда поднялась Финдуилас — воистину величественная, как королева.

— Затмился твой взор, Гвиндор, — промолвила она. — Не видишь ты либо не понимаешь, что между нами происходит. Должна ли я ныне подвергнуться двойному унижению, открыв тебе правду? Ибо я люблю тебя, Гвиндор, и стыдно мне, что не люблю я тебя сильнее, однако владеет мною любовь более великая, с которой не в силах я совладать. Не искала я этой любви — и долго старалась не замечать ее. Но если сострадаю я твоим горестям, пожалей и ты меня. Турин не любит меня и никогда не полюбит.

— Ты говоришь так, чтобы снять вину с того, кого любишь, — возразил Гвиндор. — Отчего же он ищет с тобою встреч, и подолгу сидит с тобою, и уходит, немало обрадованный?

— Потому что и он тоже нуждается в утешении, ибо разлучен с родней своей, — отвечала Финдуилас. — У вас у обоих свои нужды. Но как же Финдуилас? Мало того, что вынуждена я признаться в безответной любви; так ты теперь упрекаешь меня в том, что слова мои — ложь?

— Нет, женщина в таком деле редко обманывается, — отвечал Гвиндор. — И немногие станут отрицать, что любимы, будь это правдой.

— Если из нас троих кто и вероломен, то это я; да только не по своей воле. Но что же собственная твоя судьба, что слухи об Ангбанде? Что смерть и разрушения? В повести Мира Аданэделью отведено место не из последних; и однажды, в далеком будущем, он померяется силой с самим Морготом.

— Он исполнен гордыни, — промолвил Гвиндор.

— Но и милосердие ему не чуждо, — отозвалась Финдуилас. — Сердце его еще не пробудилось, однако неизменно открыто для жалости, и отвергать ее Турин вовеки не станет. Может статься, что жалость — единственный ключ к его сердцу. Меня же он не жалеет. Он благоговеет предо мною, словно я — мать ему и притом королева.

Возможно, Финдуилас и не ошибалась, провидя истину зорким взглядом эльдар. Турин же, не ведая, что произошло между Гвиндором и Финдуилас, был с нею все ласковее и мягче, по мере того, как становилась она все печальнее. Но однажды сказала ему Финдуилас:

— Тхурин Аданэдель, зачем скрыл ты от меня свое имя? Кабы знала я, кто ты, чтела бы я тебя не меньше, но лучше понимала бы твою горе.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Кто же я таков, по-твоему?

— Турин, сын Хурина Талиона, вождя людей Севера.

Когда же Турин узнал от Финдуилас о том, что произошло, он пришел в ярость и сказал Гвиндору так:

— Дорог ты мне, ибо спас мне жизнь и уберег от зла. Однако теперь худо поступил ты со мною, друг, выдав мое настоящее имя и призвав на меня судьбу мою, от которой тщусь я укрыться.

И ответил Гвиндор:

— Судьба заключена не в твоём имени, но в тебе самом.

Во время этой передышки, когда вновь возродилась надежда, и деяниями Мормегиля мощь Моргота обуздана была к западу от Сириона и в лесах воцарился мир, Морвен, наконец, бежала из Дор-ломина вместе с дочерью Низнор и отважилась на долгий путь к чертогам Тингола. Там ожидало ее новое горе, ибо не нашла она Турина: ничего не слышали о нем в Дориате с тех пор, как Драконий Шлем исчез из земель к западу от Сириона; но Морвен и Низнор зажили в Дориате гостями Тингола и Мелиан, в чести и холе.

Глава XI

ПАДЕНИЕ НАРГОТРОНДА

Пять лет спустя после прихода Турина в Нарготронд, по весне явились два эльфа и назвались Гельмиром и Арминасом из народа Финарфина; и сказали, что есть у них поручение к владыке Нарготронда. Ныне же Турин командовал всем нарготрондским воинством и единовластно распоряжался в делах войны; воистину сделался он горд и непреклонен, и стремился всем распоряжаться по желанию своему и так, как считал нужным. Потому гостей привели к Турину; но Гельмир молвил:

— С Ородретом, сыном Финарфина, станем говорить мы.

Когда же явился Ородрет, сказал ему Гельмир:

— Государь, мы — подданные Ангрода, и после Нирнаэт оказались далеко от родных мест; в последнее время жили мы среди народа Кирдана близ Устьев Сириона. И вот однажды призвал он нас и отослал нас к тебе; ибо сам Ульмо, Владыка Вод, явился ему и предупредил его о великой опасности, что уже нависла над Нарготрондом.

Но Ородрет заподозрил неладное и отвечал так:

— Отчего же тогда вы пришли сюда с севера? Или, может статься, были у вас и другие дела?

На это молвил Арминас:

— Да, государь. Со времен Нирнаэт неустанно ищу я потаенное королевство Тургона и до сих пор не сыскал; и боюсь я теперь, что за этими поисками слишком долго откладывал я наше поручение к тебе. Ибо Кирдан отослал нас на корабле вдоль побережья, радея о быстроте и скрытности; и высадили нас в Дренгисте. А среди морского народа были и те, кто за минувшие годы пришел на юг посланцами от Тургона, и заключил я из их намеков и недомолвок, что Тургон, возможно, и поныне живет на севере, а не на юге, как полагают многие. Но не нашли мы того, что искали — ни следов, ни слухов.

— Зачем разыскиваете вы Тургона? — спросил Ородрет.

— Затем, что говорится, будто королевство его долее прочих выстоит против Моргота, — отвечал Арминас.

Недобрым предзнаменованием прозвучали эти слова для Ородрета, и нахмурился он.

— Тогда ни к чему вам задерживаться в Нарготронде, — промолвил он, — здесь вы ничего о Тургоне не узнаете. Да и я не нуждаюсь в ничьих поучениях о том, что Нарготронд-де — в опасности.

— Не гневайся, владыка, ежели на расспросы твои отвечаем мы правду, — отозвался Гельмир. — И не напрасно отклонились мы от прямого пути сюда, ибо прошли мы там, куда не забираются самые дальние твои дозоры; мы пересекли Дор-ломин и все земли под сенью Эред Ветрин, и разведали мы Ущелье Сириона, доискиваясь, каковы замыслы Врага. Орки и злобные твари собираются в великом числе в тех краях, а близ Сауронова Острова сходится большое воинство.

— Я о том знаю, — молвил Турин. — Вести ваши устарели. Если в послании Кирдана и был толк, следовало доставить его раньше.

— Что ж, государь, выслушай послание хотя бы сейчас, — промолвил Гельмир Ородрету. — Внемли же словам Владыки Вод! Вот что рек он Кирдану: «Северное Зло осквернило истоки Сириона, и более не властен я над перстами текучих вод. Но худшее еще впереди. Вот что скажите правителю Нарготронда: пусть замкнет двери своей крепости и не покидает ее стен. Пусть обрушит камни гордины своей в бурлящую реку, дабы ползучее зло не отыскало врат».

Темны показались эти речи Ородрету, и он, как всегда, обратился к Турину за советом. Тот, не доверяя посланцам, презрительно отвечал:

— Что ведомо Кирдану о наших войнах? Мы-то живем под боком у Врага! Пусть мореход радеет о своих кораблях! Но ежели Владыка Вод в самом деле желает послать нам добрый совет, пусть изъясняется внятнее. А иначе закаленному воину в нашем случае покажется куда разумнее собрать силы и отважно выступить навстречу недругам, пока не подошли те слишком близко.

Тогда Гельмир поклонился Ородрету и молвил:

— Я говорил так, как было мне велено, владыка, — и повернулся уходить. Арминас же обратился к Турину:

— В самом ли деле ты — из Дома Хадора, как уверяют?

— Здесь зовусь я Агарваэн, Черный Меч Нарготронда, — отвечал Турин. — Ты, друг Арминас, похоже, изрядно поднатерел в намеках и недомолвках. Хорошо, что тайна Тургона от тебя сокрыта, а не то очень скоро прослышали бы о ней в Ангбанде. Имя человека принадлежит ему и никому другому, и коли узнает сын Хурина, что ты выдал его, в то время как желал он скрываться в неизвестности, тогда да заберет тебя Моргот, да выжжет тебе язык!

Оторопел Арминас перед лицом черной ярости Турина; Гельмир же молвил:

— Нами не будет он выдан, Агарваэн. Разве не держим мы совет за закрытыми дверями, где в речах можно быть и откровеннее? Арминас же, сдается мне, задал тебе вопрос потому, что всем, живущим у Моря, ведомо: великой любовью дарит Ульмо Дом Хадора, и говорят иные, будто Хурин вместе с братом своим Хуором побывали однажды в Сокрытых Владениях.

— Ежели и так, тогда никому не стал рассказывать он о том, ни великим, ни малым, и менее всего — малолетнему своему сыну, — отозвался Турин. — Потому не верю я, что Арминас задал мне вопрос, надеясь узнать что-либо о Тургоне. Не доверяю я таким посланцам, от которых добра не жди.

— Недоверие свое оставь при себе! — гневно отвечал Арминас. — Гельмир ошибся. Спросил я лишь потому, что усомнился, верна ли молва: ибо мало похож ты на родню Хадора, уж как бы тебя ни звали.

— И что же ты знаешь о родне Хадора? — спросил Турин.

— Хурина видел я, — отвечал Арминас, — видел и его праотцев. А среди пустошей Дор-ломина повстречал я Туора, сына Хуора, брата Хурина; и во всем подобен он праотцам своим — чего о тебе не скажешь.

— Может, и так, — отозвался Турин, — хотя о Туоре ничего я доселе не слышал. Но ежели волосы мои темны, а не сияют золотом, того нисколько не стыжусь я. Ибо я — не первый из сыновей, что пошел в мать; а через Морвен Эледвен происхожу я из Дома Беора и в родстве с Береном Камлостом.

— Не о различии между черным и золотым говорил я, — возразил Арминас. — Другие сыны Дома Хадора ведут себя иначе, и Туор — в их числе. Помнят они о вежестве, и прислушиваются к благому совету, и чтут Владык Запада. Но ты, похоже, советуешься разве что с собственной мудростью, а не то так только со своим мечом; надменны и заносчивы твои речи. Вот что скажу я тебе, Агарваэн Мормегиль: ежели станешь ты поступать так и дальше, иной будет твоя судьба, нежели пристало сыну Дома Хадора и Дома Беора.

— Моя судьба всегда была иной, — отвечал Турин. — И ежели назначено мне претерпеть ненависть Моргота по причине доблести отца моего, так неужто сносить мне еще и насмешки с недобрыми пророчествами от труса, бегущего сражений, пусть и бахвалится он родством с королями? Ступайте прочь, возвращайтесь себе на безопасное побережье Моря!

На том отбыли Гельмир с Арминасом и вернулись на юг; невзирая на Туриновы упреки, они охотно остались бы дожидаться битвы рядом со своими сородичами, и ушли лишь потому, что Кирдан по повелению Ульмо наказал им вернуться с известиями о Нарготронде и о том, как преуспели они со своим поручением. Весьма встревожили Ородрета речи посланцев; но тем сильнее распалялся Турин: наотрез отказывался он прислушаться к их советам, менее же всего соглашался обрушить огромный мост. Ибо хотя бы в этом речи Ульмо истолкованы были правильно.

Вскоре после ухода посланцев погиб Хандир, правитель Бретиля: орки вторглись в его земли, рассчитывая захватить Переправу Тейглина в преддверии дальнейшего наступления. Хандир дал им бой, но люди Бретиля потерпели поражение, и враги оттеснили их обратно в леса. Преследовать их орки не стали; ибо цели своей они до поры добились; и продолжали они собирать силы в Ущелье Сириона.

Осенью того же года, выждав своего часа, Моргот бросил на народ Нарога огромное, давно подготавливаемое им воинство; сам Глаурунг, Праотец Драконов, пересек Анфауглит и явился к северным долинам Сириона и учинил там великий разор. Под сенью Эред Ветрин, ведя за собою бесчисленную рать орков, осквернил он Эйтель Иврин, а оттуда вторгся в королевство Нарготронд, выжигая по пути Талат Дирнен, Хранимую равнину в междуречье Нарога и Тейглина.

Тогда выступило в поход воинство Нарготронда: Турин, видом высок и грозен, ехал в тот день по правую руку от Ородрета, и, глядя на него, воспряли эльфы духом. Однако армия Моргота оказалась куда более многочисленной, нежели сообщали доселе разведчики; и один только Турин,

защищенный гномьей маской, смог выстоять при приближении Глаурунга.

Эльфов оттеснили назад и разгромили на поле Тумхалад; там сгинули безвозвратно и гордость, и воинство Нарготронда. Сражаясь в первых рядах, пал король Ородрет, а Гвиндор, сын Гуилина, был смертельно ранен. Турин поспешил к нему на выручку, и все бежали с его пути; и вынес он Гвиндора из битвы, и, оказавшись под защитой леса, уложил его на траву.

И молвил Турину Гвиндор:

— Спасением платишь ты за спасение! На горе спас я тебя, а ты меня — напрасно, ибо нет исцеления моим увечьям и должно мне покинуть Средиземье. И хотя я люблю тебя, сын Хурина, сожалею я о том дне, когда вырвал тебя из орочьих лап. Если бы не твои доблесть и гордыня, не утратил бы я разом жизнь и любовь и до поры выстоял бы Нарготронд. Теперь же, если ты любишь меня — оставь меня! Поспеш в Нарготронд и спаси Финдуилас. Последние слова мои к тебе таковы: она одна стоит теперь между тобою и роком. Если помедлишь ты и предашь ее — не замедлит настичь тебя рок. Прощай!

И Турин бросился назад, в Нарготронд, по пути созывая к себе разбежавшихся воинов; а в воздухе кружились листья, подхваченные порывом ветра, там, где шли они, ибо близилась к концу осень и надвигалась стыллая зима. Но Глаурунг и его орочья рать оказались в городе раньше них, ибо задержался Турин, спасая Гвиндора: враги явились как из-под земли прежде, чем часовые узнали о том, что произошло на поле Тумхалад. В тот день мост, что по настоянию Турина возвели через Нарог, сослужил дурную службу: крепок он был и надежен, и невозможно оказалось разрушить его в одночасье. Враги без труда перебрались через глубокую реку; Глаурунг обрушился на Врата Фелагунда огненным смерчем, и сокрушил их, и вступил в город.

Когда же подоспел Турин, жуткое разграбление Нарготронда уже почти завершилось. Орки перебили или обратили в бегство всех, способных держать в руках оружие, и теперь обшаривали покои и обширные залы, растаскивая и уничтожая все, что встречалось им на пути; а тех жен и дев, что не погибли от меча и пламени, орки согнали на террасу перед входом в город, чтобы увести их в рабство в Ангбанд. Гибель и горе застал Турин; и никто не мог противостоять его натиску, да никто и не отважился; ибо он сметал с пути всех и вся; и прошел он через мост и прорубил себе дорогу к пленным.

Так Турин оказался в одиночестве: те немногие, что последовали за ним, в страхе бежали и попрятались. В этот самый миг из зияющих Врат Фелагунда выполз Глаурунг Жестокий и улегся позади, между Туринем и мостом. И вдруг заговорил он, ибо злобный дух заключен был в драконьем теле, и молвил так:

— Привет тебе, сын Хурина. Вот и повстречались мы!

Турин стремительно развернулся и шагнул к чудовищу: глаза воина горели огнем, а лезвие Гуртанга по краям словно бы вспыхнуло пламенем. Глаурунг же умерил палящее дыхание и широко раскрыл свои змеиные глаза, и вперил взор свой в Турина. Не дрогнув, Турин встретился с ним взглядом, поднимая меч; и в тот же миг сковали его страшные драконьи чары и он точно окаменел. Долго стояли они недвижно и безмолвно пред величественными Вратами Фелагунда. И вот Глаурунг заговорил вновь, насмехаясь над Туринем.

— Зло сеешь ты повсюду на пути своем, сын Хурина, — рек он. — Неблагодарный приемыш, разбойник с большой дороги, убийца друга, разлучник любящих сердец, узурпатор Нарготронда, безрассудный войсководитель, предатель родни своей. Мать и сестра твоя прозябают в рабстве в Дор-ломине, лишения и нищета — их удел. Ты разряжен, как принц, они же ходят в лохмотьях; по тебе тоскуют они, но тебе до них нет дела. То-то отрадно будет отцу твоему узнать, каков его сын; а узнает он о том всенепременно.

И Турин, будучи во власти чар Глаурунга, поверил драконьим речам, и увидел себя со стороны точно отраженным в кривом зеркале злобы — и преисполнился отвращения.

А пока стоял Турин, прикованный к месту взглядом Глаурунга, не в силах пошевелиться, изнемогая от душевных мук, по знаку Дракона орки погнали прочь захваченных невольниц: и прошли они совсем рядом с Туринем, и пересекли мост. Была среди них и Финдуилас, и простирала она руки к Турину, и выкрикала его имя. Но не раньше, чем крики девушки и стелания пленниц стихли в отдалении на северной дороге, Глаурунг освободил Турина; и с тех пор голос тот неумолчно звучал в его ушах.

И вот, наконец, Глаурунг резко отвел взгляд и выждал; и Турин медленно пошевелился, точно пробуждаясь от страшного сна. Придя же в себя, он ринулся на дракона с громким криком. Но рассмеялся Глаурунг, говоря:

— Если ты ищешь смерти, охотно убью я тебя. Да только едва ли поможет это Морвен и Ниэнор. Ты не внял плачу эльфийской девы. Так и от уз крови готов ты отречься?

Турин же, размахнувшись, ударил мечом, метя дракону по глазам; но Глаурунг, стремительно прыгнув назад, навис над ним и молвил:

— Нет! По крайней мере отваги тебе не занимать. Не встречал я доселе таких храбрецов. Лгут те, кто утверждает, будто не чтим мы доблесть недругов. Что ж, предлагаю тебе свободу. Возвращайся к родне своей, если сможешь. Ступай же! А если уцелеет какой человек или эльф, чтобы было кому сложить сказание об этих днях, уж верно, презрением заклеят тебя, если отвергнешь ты мой дар.

И Турин, все еще одурманенный драконьим взглядом, поверил словам Глаурунга, как если бы имел дело с врагом, которому ведома жалость, — и, развернувшись, бросился бегом через мост. А вслед ему звучал холодный голос:

— Поторопись же в Дор-ломин, сын Хурина! А не то, чего доброго, опять опередят тебя орки. Если замешкаешься ты ради Финдуилас, не видать тебе более ни Морвен, ни Ниэнор; и станут они проклинать тебя.

И ушел Турин прочь по северной дороге, и снова рассмеялся Глаурунг, ибо исполнил он поручение своего Повелителя. Теперь дракон задумал поразвлечься сам, и изрыгнул огонь, и спалил все вокруг. Орков-мародеров он разогнал и выдворил из крепости, отняв у них все награбленное добро вплоть до последней безделицы. Затем разрушил он мост и сбросил обломки в пенный Нарог, и, почитая себя в полной безопасности, сгреб в одну кучу все сокровища и богатства Фелагунда в самом глубинном чертоге и улегся сверху, вознамерившись немного отдохнуть.

А Турин спешил на север; он пересек разоренные ныне земли в междуречье Нарога и Тейглина, и Лютая Зима застала его в дороге; ибо в тот год снег выпал уже осенью, а весна запоздала и не принесла с собою тепла. Турин шел вперед и вперед, и все казалось ему, будто слышит он голос Финдуилас, будто выкликает она его имя через леса и холмы; и велика была его скорбь. Но бередили ему сердце лживые речи Глаурунга, и неизменно видел он мысленным взором, как орки жгут дом Хурина либо влекут на муки Морвен и Ниэнор, и Турин так и не свернул с пути.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРИНА В ДОР-ЛОМИН

Наконец измученный спешкой и долгой дорогой (сорок лиг и более прошел он, не отдыхая), с первым льдом Турин добрался до заводей Иврина, где некогда обрел исцеление. Но теперь на их месте было только замерзшее болото, и не мог он более испытать там Воды.

Оттуда добрался он до перевалов, ведущих к Дор-ломину, и налетела с Севера студеная метель, и ударил мороз, и опасны сделались тропы. И хотя с тех пор, как проходил здесь Турин, минуло двадцать лет и еще три, путь этот намертво запечатлелся в его сердце, такой болью отзывался в нем каждый шаг после расставания с Морвен. Так наконец вернулся он в край своего детства. Опустошенной и унылой предстала та земля его взору; люди встречались нечасто, да и те держались неприветливо и говорили на грубом и резком языке восточан, а древнее наречие стало языком рабов либо недругов. Потому Турин шагал с оглядкой, надвинув на лоб капюшон и ни с кем не заговаривая; и пришел наконец к отчому дому. Дом стоял пуст и темен, а вокруг не было ни души; ибо Морвен исчезла, а Бродда-Пришлец (тот, что силой взял в жены Аэрин, родственницу Хурина) разграбил ее жилище и забрал все, что еще оставалось там из добра, равно как и слуг. Усадьба же Бродды стояла ближе всех прочих к бывшему дому Хурина: туда-то и пришел Турин, обессиленный долгими скитаниями и горем, и попросил приюта; и пустили его, ибо Аэрин до сих пор поддерживала, как могла, добрые обычаи старины. Слуги отвели ему место у очага, рядом с несколькими бродягами вида столь же угрюмого и изнуренного, как и он сам; и спросил он, что нового в тамошних краях.

При этих словах все разговоры разом смолкли, а кое-кто отодвинулся подальше, косо поглядывая на чужака. Но один горемычный старик с клюкой молвил:

— Ежели так уж надо тебе изъясняться на древнем наречии, господин, говори тише, а о вестях не допытывайся. Или хочешь ты, чтобы тебя избили как мошенника или вздернули как лазутчика? Видом ты смахиваешь и на того, и на этого. Иначе сказать, — докончил он, подходя ближе и склоняясь к самому уху Турина, — на одного из тех благородных людей древности, что в золотые дни пришли вместе с Хадором — еще до того, как головы украсились волчьим мехом. Есть тут и еще такие же, хотя ныне стали они нищими да рабами, и кабы не госпожа Аэрин, не видать бы им ни места у огня, ни этой похлебки. Откуда ты и чего хочешь узнать?

— Была здесь одна госпожа именем Морвен, — отвечал Турин, — давным-давно жил я в ее доме. Туда после долгих странствий пришел я в надежде на добрую встречу, но не горит там ныне огонь у очага и нет ни души.

— Нет и не было вот уж с долгий год, а не то так и больше, — отвечал старик. — Со времен погубительной войны и в дровах, и в людях терпели в том доме нужду, ибо госпожа Морвен была из древнего народа, — как тебе, без сомнения, ведомо, — вдова владыки нашего, Хурина, сына Галдора. Однако ж тронуть ее не смели, ибо боялись; горда и прекрасна, как королева, была она, пока не поблекла от горя. Ведьмой называли ее и обходили стороной. Ведьмой, вот оно как; на новом языке это значит всего лишь «друг эльфов». Однако ж обобрали ее до нитки. Пришлось бы им с дочерью поголодать, кабы не госпожа Аэрин. Говорят, тайно помогала она им, за что этот мужлан Бродда, ее муж по принуждению, частенько ее поколачивал.

— Вот уж с долгий год, а не то так и больше? — переспросил Турин. — Так они мертвы или их забрали в рабство? Или, может, орки напали на госпожу Морвен?

— Никто не знает доподлинно, — отозвался старик. — Она исчезла вместе с дочерью; а Бродда разграбил усадьбу и забрал все подчистую. Ни собаки не оставил; а немногих ее домочадцев сделал своими рабами, кроме разве тех, что пошли по миру, вот как я. Много лет прослужил я госпоже, а до нее — благородному владыке; Садор Одноногий зовусь я — кабы не соскользнул проклятый топор в лесу много лет назад, лежать бы мне ныне в Великом Кургане. Хорошо помню я тот день, когда отослали прочь Хуринова мальчугана, и как плакал он; и она тоже — когда ушел он. Поговаривают, отправили его в Сокрытое Королевство.

Тут старик прикусил язык и с сомнением покосился на Турина.

— Я стар, господин, вот и несу всякий вздор, — промолвил он. — Ты меня не слушай! Хотя отраднотолковать на древнем языке с собеседником, что изъясняется на нем точно в былые дни, времена нынче недобрые и об осторожности забывать не след. Не все, кто говорит красиво да чисто, столь же чисты душою.

— Истинно так, — отвечал Турин. — Душа моя мрачна. Но ежели опасаясь ты, что я — лазутчик с Севера либо с Востока, так мало набрался ты мудрости за столько лет, Садор Лабадал.

Старик потрясение воззрился на него, открыв рот, и, наконец, дрожа, проговорил:

— Выйдем за двери! Там холодней, зато безопаснее. Для чертога восточанина ты говоришь слишком громко, а я — слишком много.

Едва вышли они во двор, он вцепился в плащ Турина.

— Говоришь, давным-давно жил ты в том доме. Господин мой Турин, зачем возвратился ты? Наконец-то открылись глаза мои, и уши — тоже: голос у тебя отцовский. Лабадалом звал меня один только юный Турин. Не со зла, нет; в ту пору были мы добрыми друзьями. Что ищет он здесь ныне? Мало нас осталось; стары мы и безоружны. Те, что лежат в Великом Кургане, стократ счастливее.

— Не о битве помышляя, пришел я сюда, — молвил Турин, — хотя слова твои и пробудили во мне такую мысль, Лабадал. Но с этим придется повременить. Пришел я за госпожой Морвен и Ниэнор. Что можешь ты рассказать мне о них, да побыстрее?

— Немногое, господин, — отозвался Садор. — Они ушли тайно; наши перешептывались, что призвал их к себе владыка Турин; ибо мы нимало не сомневались, что обрел он с годами немалую власть и стал в какой-нибудь южной стране королем или могущественным властителем. Но, похоже, не случилось того.

— Не случилось, — подтвердил Турин. — Числился я среди знати в одной южной стране, ныне же я бродяга бездомный. Однако не призывал я их.

— Тогда не знаю, что и сказать тебе, — отозвался Садор. — Вот госпожа Аэрин наверняка знает. Она была посвящена во все замыслы твоей матери.

— Как мне поговорить с ней?

— Этого я не ведаю. Несладко придется ей, коли заметят, как перешептывается она у дверей с оборванным проходимцем из покоренного народа, даже если бы и удалось ее вызвать. А нищему вроде тебя не пройти через зал к возвышению: такой и двух шагов не сделает, как схватят его восточане и изобьют, а то и хуже.

И воскликнул Турин в гневе:

— Мне, значит, не дозволено пройти через зал Бродды — не то изобьют? Пойдем, посмотришь!

С этими словами вошел он в зал, и откинул назад капюшон и, расталкивая всех на своем пути, зашагал к возвышению, на котором восседали хозяин дома с женой и другие знатные восточане. Иные вскочили с мест, дабы задержать его, но Турин расшвырял их и вскричал:

— Или нет в этом доме правителя, или, может, здесь орочье логово? Где хозяин?

И поднялся с места разъяренный Бродда.

— В этом доме правлю я, — объявил он. Но не успел продолжить, как перебил его Турин:

— Выходит, не научился ты доселе вежеству, что в ходу было в этой земле до тебя. Или ныне у людей в обычае позволять челяди грубо обращаться с родичами жены своей? В родстве я с госпожой Аэрин и есть у меня к ней дело. Войду ли я беспрепятственно — или войду самовольно?

— Входи, — буркнул Бродда, нахмурившись, но Аэрин побледнела как полотно.

И Турин прошествовал через весь зал к возвышению и, подойдя вплотную, поклонился.

— Прошу меня простить, госпожа Аэрин, что врываюсь к вам незванным, — промолвил он, — но дело мое отлагательств не терпит и привело меня издалека. Ищу я Морвен, Владычицу Дор-ломина, и Ниэнор, дочь ее. Однако дом ее пуст и разграблен. Что можешь ты поведать мне?

— Ничего, — промолвила Аэрин в великом страхе, ибо Бродда не сводил с нее пристального взгляда.

— Не верю, — отозвался Турин.

Тут Бродда вскочил с места, побагровев от пьяной ярости.

— Довольно! — завопил он. — Или жену мою станет упрекать во лжи здесь, передо мною, нищий, что бормочет на невольничьем языке? Нет в Дор-ломине никакой Владычицы. Что до Морвен, она была из народа рабов и сбежала, как это за рабами водится. И ты беги отсюда, да поживее, а не то прикажу вздернуть тебя на дереве!

Турин же прыгнул к нему, и извлек из ножен черный меч, и, ухватив Бродду за волосы, оттянул ему голову назад.

— Не двигайтесь, — предостерег он, — или голова эта упадет с плеч! Госпожа Аэрин, я бы вновь попросил у тебя прощения, кабы думал, что от мужлана этого видела ты хоть что-либо доброе. Говори же и не отпирайся! Или я — не Турин, Владыка Дор-ломина? Или должен я тебе приказывать?

— Приказывай, — промолвила она.

— Кто разграбил дом Морвен?

— Бродда, — отвечала она.

— Когда бежала она и куда?

— С тех пор минул год и три месяца, — отвечала Аэрин. — Хозяин Бродда и другие здешние пришлецы с Востока жестоко ее притесняли. Давным-давно приглашали ее в Сокрытое Королевство; и наконец пустилась она в путь. Ибо, по слухам, доблестью Черного Меча из южных краев окрестные земли до поры очистились от зла; однако ж ныне все переменялось. Она-то надеялась застать там сына. Но если это ты, тогда, боюсь, обманулась она в своих ожиданиях.

Горько рассмеялся Турин.

— Обманулась? — воскликнул он. — Да, обманчивы наши ожидания, неизменно обманчивы: лживы, как Моргот!

И внезапно охватила его черная ярость, ибо открылись глаза его, и пали последние путы Глаурунгов чар, и понял он, что одурачен был лживыми измышлениями.

— Так, значит, обморочили меня, чтобы пришел я сюда и принял позорную смерть — в то время как мог я хотя бы погибнуть с честью пред Вратами Нарготронда? — И почудилось Турину, что из ночной тьмы, объявшей усадьбу, доносятся крики Финдуилас.

— Но не первым умру я здесь! — воскликнул он. И схватил он Бродду, и поднял его к потолку и встряхнул его, как пса, — ибо непереносимое горе и ярость придали Турину сил. — Морвен из народа рабов, говоришь ты? Ты, подлое отродье, вор и раб рабов! — С этими словами он швырнул Бродду головой вперед через его же собственный стол, прямо в лицо восточанину, что кинулся было на Турина. При падении Бродда сломал себе шею; Турин же, прыгнув следом, зарубил еще троих, что съежились в страхе, ибо были безоружны. В зале поднялась суматоха. Собравшиеся там восточане уже готовы были наброситься на Турина, однако нашлось там немало людей из древнего народа Дор-ломина: долго смирялись они с участью слуг, но теперь с мятежными криками восстали на своих обидчиков. Очень скоро в чертоге закипела битва, и хотя рабы вооружены были лишь кухонными ножами и всем, что подвернулось под руку, против мечей и кинжалов, в первые же минуты многие погибли с обеих сторон, прежде чем Турин ринулся в самую гущу боя и прикончил последних восточан, еще остававшихся в зале.

Только тогда отдышался он, прислонившись к колонне, и пламя ярости его обратилось в золу и пепел. Но подполз к нему старик Садор и обнял его колени: был он смертельно ранен.

— Трижды семь лет и еще сверх того: долго ждал я этого часа, — проговорил он. — А теперь уходи, господин, уходи! Уходи и не возвращайся, разве что придешь ты с большими силами. Весь здешний край поднимут против тебя. Многим удалось бежать из чертога. Уходи — или здесь и погибнешь. Прощай! — И он рухнул на пол и умер.

— Истину говорит он в предсмертный миг, — промолвила Аэрин. — Ты узнал, что хотел. Теперь уходи быстрее! Но сперва отправляйся к Морвен и утешь ее, иначе трудно мне будет простить учиненный тобою разор. Хотя тяжка была моя жизнь, ты своим буйством навлек на меня гибель. Пришлецы отомстят за эту ночь всем, кто здесь был. Безрассудны твои деяния, сын Хурина, словно ты и по сей день остался ребенком, коего я знала.

— А ты слаба духом, Аэрин, дочь Индора, как и в те времена, когда я звал тебя тетей, а ты брехливой собаки и то пугалась, — отозвался Турин. — Ты была создана для мира не столь жестокого. Идем же со мною! Я отведу тебя к Морвен.

— Снега застлали землю густым покровом, но еще гуще припорошили мне волосы, — отвечала она. — С тобою в глуши я погибну — так же верно, как от руки извергов-восточан. Содеянного уже не исправить. Так ступай! Задержавшись, ты лишь ухудшишь дело и оставишь Морвен ни с чем. Ступай, заклинаю тебя!

Турин низко поклонился ей и повернулся уходить, и покинул усадьбу Бродды; и все бунтари, у кого достало сил, последовали за ним. Бежали они к горам, ибо были среди них такие, кто хорошо знал тамошние тропы; и благословляли они снег, заметавший за ними следы. Вот так, хотя вскорости в погоню за ними устремилось множество людей с собаками, и слышалось лошадиное ржание,

беглецы благополучно скрылись в южных холмах. И тогда, оглянувшись назад, далеко, в покинутой ими земле заметили они алый отсвет.

— Они подожгли усадьбу, — промолвил Турин. — Но для чего?

— Они? Нет, господин; сдается мне, не они, а она, — промолвил человек именем Асгон. — Воины зачастую неверно судят терпение и кротость. Немало добра видели мы от нее — и дорого ей это стоило. Нет, не слаба духом была она, а всякому терпению положен предел.

Самые стойкие из мужей, способные выдержать зимнюю стужу, остались с Туриним и провели его неведомыми тропами к убежищу в горах — к пещере, известной лишь изгоям да беглецам, где припрятан был запас снеди. Там дождались они, чтобы метель утихла, и снабдили Турина припасами, и направили его к малохоженому перевалу, уводящему на юг, в Долину Сириона, где снега не выпало. В самом начале спуска они расстались.

— Прощай, Владыка Дор-ломина, — промолвил Асгон. — Не забывай нас. Отныне станут за нами охотиться; а после прихода твоего Волчий народ делается еще безжалостнее. Потому ступай же и не возвращайся, разве что приведешь ты войско, достаточное, чтобы вызволить нас. Прощай!

Глава XIII

ПРИХОД ТУРИНА В БРЕТИЛЬ

И вот Турин спускался к Сириону, душою пребывая в великом смятении. Ибо казалось ему, что прежде двойной горький выбор стоял перед ним, а теперь — тройной, и взывал к нему угнетенный его народ, на который навлек он лишь новые горести. Одно только утешение оставалось ему: Морвен и Ниэнор, несомненно, давным-давно добрались до Дориата, и лишь благодаря доблести Черного меча Нарготронда дорога для них сделалась безопасна.

И сказал себе Турин: «Где смог бы я отыскать приют надежнее для родни моей, даже если бы пришел раньше? Ведь если падет Пояс Мелиан, тогда всему конец. Нет, пусть лучше все остается так, как сложилось: ибо через безрассудные деяния мои и ярость тьму несу я с собой, где бы ни поселился. Пусть приглядит за ними Мелиан! Я же не стану до поры омрачать жизнь тех, что дороги мне».

Но слишком поздно отправился ныне Турин на поиски Финдуилас: обшаривал он леса под сенью Эред Ветрин, чутко прислушиваясь к малейшему звуку, словно дикий зверь, и устраивал засады на дорогах, ведущих на север к Ущелью Сириона. Слишком поздно! Все следы смыл дождь или замели снега. И случилось так, что однажды, идя вниз по течению Тейглина, Турин набрел на горстку людей Халет из Бретильского леса. Ныне из-за войны народ тот умалился числом и жил по большей части в потаенном убежище — под защитой частокола на холме Амон Обель в глубине леса. Называлось то место Эффель Брандир, потому что правил там ныне Брандир, сын Хандира — с тех самых пор, как погиб его отец. Брандир же в войны не годился, ибо в детстве по несчастливой случайности сломал ногу и с тех пор хромал; нравом он отличался мягким, дерево любил больше, нежели холодный металл, и знание обо всем, что растет на земле, ценил выше любой другой премудрости.

Однако ж среди лесных жителей были и такие, что по-прежнему охотились на орков вдоль границ; вот так вышло, что, добравшись туда, слышал Турин шум битвы. Он поспешил на звук и, осторожно пробравшись между стволов, увидел небольшой отряд людей, окруженный орками. Люди отчаянно оборонялись, спиной к купе деревьев, что росла на прогалине особняком, и, если не подоспеет помощь, были все равно что обречены — орки далеко превосходили их числом. Потому, спрятавшись в подлеске, Турин поднял великий гвалт и гам: послышался топот, и треск, а затем и зычный его голос, как если бы вел он за собою немало соратников:

— Ага! Вот они! Все за мной! Вперед — бей их!

Орки принялись испуганно озираясь, и тут из кустов выскочил Турин, размахивая руками и словно бы призывая отставших, а Гуртанг в его руке полыхал по краям пламенем. Слишком хорошо знаком был оркам этот клинок; не успел еще Турин добежать до врагов, как многие орки бросились врассыпную и пустились наутек. Тогда лесные жители кинулись к нему на помощь, и вместе загнали они врагов в реку; немногим удалось переправиться на другую сторону. Наконец остановились люди на берегу, и Дорлас, предводитель лесных жителей, проговорил:

— Быстр ты на ногу, господин; а вот люди твои отчего-то не торопятся догонять тебя.

— Отнюдь, — отозвался Турин, — все мы бегаем вместе как один и разлучаться не разлучаемся.

Расхохотались люди Бретиля и молвили:

— Что ж, один такой и впрямь стоит многих. Мы у тебя в долгу — и велика наша признательность. Но кто ты и что здесь делаешь?

— Я лишь занимаюсь своим ремеслом — истребляю орков, — отозвался Турин. — А живу я там, где есть для меня работа. Я — Лесной Дикарь.

— Так живи у нас, — сказали люди. — Мы обитаем в лесах и в таких мастерах у нас великая нужда. Добрый прием тебя ждет!

Странно поглядел на них Турин и молвил:

— Неужто остались еще на свете такие, кто пустит меня на порог? Но, друзья, есть у меня еще одно печальное дело: найти Финдуилас, дочь Ородрета Нарготрондского, или хотя бы узнать о судьбе ее. Увы! Много недель прошло с тех пор, как увели ее из Нарготронда, однако должно мне искать ее, пока не найду.

С состраданием взглянули на него люди, а Дорлас сказал:

— Не ищи более. Ибо орочье воинство выступило из Нарготронда к Переправе Тейглина, нас же

предупредили о том заранее; шли орки неспешно, ибо вели с собою множество невольников. И задумали мы нанести удар в этой войне по мере наших невеликих сил, и подстерегли мы орков в засаде со всеми нашими лучниками в надежде отбить хотя бы часть пленников. Увы! Как только напали мы, гнусные орки сей же миг перебили женщин из числа захваченных эльфов; а дочь Ородрета пригвоздили к дереву копьём.

Пощатнулся Турин, словно получил смертельную рану.

— Откуда вам это ведомо? — спросил он.

— Она говорила со мной перед смертью, — отвечал Дорлас. — Поглядела она на нас, словно высматривая кого-то, кого ожидала увидеть, и молвила: «Мормегиль. Скажите Мормегилью, что Финдуилас здесь». Более ничего она не сказала. Из-за предсмертных слов мы похоронили ее там, где умерла она. Покойтесь она в кургане близ Тейглина. Да, месяц назад случилось это.

— Проводите меня туда, — велел Турин; и отвели его к холму у Переправы Тейглина. Там лег он наземь, и тьма сомкнулась над ним, так что все посчитали его мертвым. Дорлас поглядел на лежащего, а затем оборотился к своим людям и сказал так:

— Слишком поздно! Что за прискорбная превратность судьбы. Взгляните: здесь лежит сам Мормегиль, великий военачальник Нарготронда. Должно нам было признать его по мечу, раз уж орки, и те догадались.

Ибо слава Черного Меча Юга разнеслась из края в край и дошла даже до лесных чащоб.

Так что подняли его лесные жители и с почетом отнесли к селению Эффель Брандир; и вышел им навстречу Брандир и подивился при виде носилок. Затем, отдернув покрывало, взглянул он в лицо Турина, сына Хурина; и темная тень омрачила его сердце.

— О жестокие люди Халет! — воскликнул он. — Зачем не дали вы умереть этому человеку? С превеликим трудом принесли вы сюда гибель народа нашего.

Отвечали лесные жители:

— Нет, то Мормегиль Нарготрондский, могучий убийца орков, и добрым помощником станет он нам, если выживет. А коли и нет, или следовало нам бросить человека, сокрушенного горем, как падаль у обочины?

— Воистину не следовало, — отозвался Брандир. — Судьба распорядилась иначе.

И он принял Турина в свой дом и принялся заботливо его выхаживать.

Когда же наконец Турин сбросил с себя оковы тьмы, уже наступала весна; и очнулся он, и увидел блики солнца на зеленых почках. Тогда пробудилась в нем отвага Дома Хадора, и воспрял он, и сказал в сердце своем: «Все деяния мои и прошедшие дни были темны и исполнены зла. Но вот настал новый день. Здесь заживу в мире и откажусь от имени и родни; так избавлюсь я от преследующей меня тени или хотя бы не стану омрачать ею тех, кого люблю».

Посему взял он себе новое имя и нарекся Турамбаром, что на Высоком эльфийском наречии означает «Победитель Судьбы»; и поселился он среди лесных жителей, и завоевал их любовь; и повелел он им позабыть его прежнее имя и считать его уроженцем Бретиля. Однако ж вместе со сменой имени не смог он вовсе изменить нрав свой, равно как и вычеркнуть из памяти былые обиды на прислужников Моргота; и часто отправлялся он на охоту за орками с несколькими единомышленниками, к вящему недовольству Брандира, который надеялся уберечь свой народ скорее благодаря осторожности и скрытности.

— Мормегилья нет более, — говорил он, — однако ж остерегись, как бы доблесть Турамбара не навлекла на Бретиль сходную кару.

Потому Турамбар отложил до поры черный свой меч: ныне ходил он в бой, вооруженный копьём и луком. Не желал он терпеть, чтобы орки пользовались Переправой Тейглина или приближались к могиле Финдуилас. Курганом эльфийской девы, Хауд-эн-Эллет назвали его; и орки скоро научились страшиться этого места и теперь обходили его далеко стороной. И сказал Дорлас Турамбару:

— Ты отрекся от имени, но Черным Мечом ты остался и по сей день; правду ли говорит молва, будто он был не кем иным, как сыном Хурина Дор-ломинского, владыки Дома Хадора?

И отвечал Турамбар:

— Я слышал, что так. И все же прошу тебя, если ты друг мне — не разглашай того.

Глава XIV

ВЫЕЗД МОРВЕН И НИЭНОР В НАРГОТРОНД

Когда же отступила Лютая Зима, в Дориат пришли новые известия о Нарготронде. Ибо те, кому удалось спастись при разграблении города и пережить в глуши зиму, явились наконец просить прибежища к Тинголу, и приграничная стража привела их к королю. И одни уверяли, будто все враги возвратились на север, а другие — будто Глаурунг и поныне обитает в чертогах Фелагунда; одни говорили, что Мормегиль убит, а другие — что Дракон заколдовал его, и пребывает Мормегиль в Нарготронде и по сей день, словно обращенный в камень. Но все твердили в один голос, будто незадолго до гибели города в Нарготронде стало известно, что Мормегиль — не кто иной, как Турин, сын Хурина Дор-ломинского.

Великий страх и неизбывная скорбь охватили Морвен и Ниэнор при этой вести; и молвила Морвен:

— Сомнения эти — не иначе как козни Моргота! Или не можем мы выяснить истину и узнать достоверно худшее?

Тингол же и сам весьма желал узнать больше о судьбе Нарготронда и уже намеревался выслать нескольких своих воинов, чтобы те незамеченными пробрались туда, но полагал он, что Турин и впрямь мертв либо спасти его невозможно; и с ужасом предчувствовал тот час, когда Морвен убедится в этом доподлинно. Потому сказал он ей так:

— Дело это опасное, Владычица Дор-ломина, и должно обдумать его со всех сторон. Возможно, сомнения эти и впрямь насланы Морготом, дабы подтолкнуть нас к какому-нибудь безрассудству.

Но Морвен в смятении воскликнула:

— К безрассудству, владыка? Ежели сын мой умирает в лесах от голода, ежели страждет он в оковах, ежели мертвое тело его лежит непогребенным, так я буду безрассудна! Ни часа лишнего не мешкая, отправляюсь я искать его.

— О Владычица Дор-ломина, — молвил Тингол, — такого сын Хурина, конечно, не пожелал бы. Он, верно, думает, что здесь, под приглядом Мелиан, обрели вы приют куда более надежный, нежели в любой другой доселе уцелевшей земле. Ради Хурина и ради Турина не хотелось бы мне, чтобы выходила ты за пределы королевства навстречу черным напастям нынешних времен.

— Турина ты от напасти не убереж, а меня к нему не пускаешь! — воскликнула Морвен. — Под приглядом Мелиан, вот как! Да — в плену Пояса! Долго не решалась я вступить в его пределы, и ныне горько жалею о сделанном.

— Нет; раз уж заговорила ты так, Владычица Дор-ломина, знай же: для тебя Пояс — не преграда, — молвил Тингол. — Свободно и по доброй воле пришла ты сюда; свободна ты и остаться — либо уйти.

Мелиан же, что до сих пор хранила молчание, промолвила:

— Не уходи отсюда, Морвен. Истинно сказала ты: сомнения эти — от Моргота. Если уйдешь ты, то уйдешь по его воле.

— Страх пред Морготом не удержит меня от зова родной крови, — отвечала Морвен. — А ежели ты страшишься за меня, владыка, так пошли со мной своих воинов.

— Тебе я приказывать не волен, — отозвался Тингол. — Но над своими подданными я властен. И пошлю я их лишь тогда, когда сочту нужным.

Более ничего в ту пору не сказала Морвен, только разрыдалась и ушла. Тяжело было на сердце у Тингола: прозревал он в Морвен одержимость обреченного; и спросил он Мелиан, не сумеет ли она смирить гостью при помощи своей магии.

— Многое могу я сделать, дабы воспрепятствовать приходу зла, — отвечала та. — Но помешать уходу тех, кто желает уйти, не в моей власти. Это — твое право. Если должно удержать ее здесь, придется тебе удерживать ее силой. Однако ж тогда, верно, помутится в ней разум.

Морвен же отправилась к Ниэнор и сказала:

— Прощай, дочь Хурина. Я уйду искать сына — либо достоверных известий о нем, ибо никто здесь и пальцем не пошевелит до тех пор, пока не будет слишком поздно. Жди меня: может статься, и возвращусь я.

Ниэнор в страхе и горе принялась ее отговаривать, но Морвен ничего не ответила и ушла к себе в покои, а с рассветом взяла коня и ускакала прочь.

Тингол же повелел, чтобы никто ей не препятствовал и остановить ее не пытался. Едва же уехала она, он собрал отряд самых доблестных и закаленных воинов из числа приграничной стражи и поставил Маблунга во главе их.

— Поспешите следом, не мешкая, — наказал Тингол, — однако пусть она о вашем присутствии не догадывается. А когда окажется она в глуши, ежели будет ей угрожать опасность, тогда явите себя; и ежели откажется она вернуться, тогда оберегайте ее в меру сил своих. И еще хотелось бы мне, чтобы несколько разведчиков пробрались так далеко, как смогут, и разузнали все, что сумеют.

Вот так случилось, что Тингол выслал куда более многочисленный отряд, нежели собирался поначалу, и было среди них десять всадников с запасными лошадьми в поводу. Последовали они за Морвен: она же отправилась на юг через Регион и так пришла к берегам Сириона выше Сумеречных озер и там остановилась, ибо река Сирион была широка и быстра, а дороги Морвен не знала. Потому эльфам пришлось волей-неволей себя обнаружить, и молвила Морвен:

— Намерен ли Тингол задержать меня? Или с запозданием посылает мне помощь, в которой отказывал прежде?

— И то, и другое, — отвечал Маблунг. — Не возвратишься ли ты?

— Нет, — отрезала она.

— Тогда должно мне помочь тебе, — отозвался Маблунг, — пусть и вопреки собственной воле. В этом месте Сирион и широк, и глубок: непросто переплыть его человеку и зверю.

— Тогда переправьте меня так, как в обычае у эльфов, — промолвила Морвен, — а не то я отправлюсь вплавь.

Засим Маблунг отвел ее к Сумеречным озерам. Там, среди заливов и тростников, на восточном берегу спрятаны были лодки, которые бдительно охранялись: ибо этим путем гонцы путешествовали туда-сюда от Тингола к родне его в Нарготронде. Выждали эльфы, и на исходе звездной ночи переправились под покровом белых предрассветных туманов на другую сторону. Когда же засияло алое солнце над Синими горами, и подул сильный утренний ветер, и разогнал туманы, воины поднялись на западный берег и оставили позади Пояс Мелиан. То были высокие и статные эльфы Дориата, облаченные в серое и в плащах поверх брони. Морвен же наблюдала за ними с лодки, пока неслышно проходили они мимо — и вдруг вскрикнула и указала на последнего из отряда.

— Этот откуда взялся? — спросила она. — Трижды вдесятером явились вы ко мне. Трижды десятеро и еще один сошли на берег!

Тогда обернулись все и увидели, как вспыхнуло под солнцем золото волос; ибо то была Ниэнор, и ветер сорвал с ее головы капюшон. Так открылось, что она последовала за отрядом и присоединилась к нему в темноте, перед тем как переправляться через реку. Несказанно встревожились все, а Морвен — более прочих.

— Уходи! Уходи прочь! Я тебе приказываю! — вскричала она.

— Если жена Хурина может отправиться в путь по зову крови, вопреки всем советам, — промолвила Ниэнор, — так, значит, может и дочь Хурина. «Скорбью» назвала ты меня, но не стану я скорбеть в одиночестве об отце, и брате, и матери. Из них же всех лишь тебя я знаю и люблю превыше прочих. И того, чего не страшишься ты, не страшусь и я.

Воистину не читалось страха ни в лице ее, ни во всем ее облике. Высокой и сильной казалась она, ибо люди дома Хадора были могучи и рослы; облаченная в эльфийские одежды, ничем не выделялась она среди стражей, а ростом уступала разве что самым статным из воинов.

— Что задумала ты? — спросила Морвен.

— Идти туда же, куда и ты, — отозвалась Ниэнор. — И вот какой выбор предлагаю я тебе. Либо отведешь ты меня назад в целостности и сохранности под пригляд Мелиан, ибо неразумно это — отвергать ее советы. Либо будешь знать, что я отправилась навстречу опасности — с тобою вместе.

По правде говоря, пустилась Ниэнор в путь, уповая главным образом на то, что из страха за нее и из любви к ней мать повернет вспять; и воистину Морвен разрывалась надвое.

— Одно дело — отвергать советы, — промолвила она. — Другое дело — послушаться повеления матери. Ступай назад!

— Нет, — отвечала Ниэнор. — Я давно уже не дитя малое. Я тоже наделена собственной волею и разумом, хотя доселе не противостояли они твоим. Я иду с тобой. Охотнее отправилась бы я в Дориат, из уважения к его правителям; но ежели нет, то — на запад. Воистину, если кому из нас и продолжать путь, так скорее мне — в расцвете молодой силы.

И прочла Морвен в серых глазах Ниэнор стойкость Хурина, и дрогнула, но не смогла превозмочь гордыню, и не желала, если уж начистоту, чтобы дочь отвела ее назад, словно выжившую из ума старуху.

— Я поеду дальше, как и задумывала, — отвечала она. — Ступай и ты, но против моей воли.

— Да будет так, — промолвила Ниэнор. И сказал Маблунг своему отряду:

— Воистину, через недостаток здравомыслия, а не отваги родня Хурина навлекает несчастья на других! Вот и Турин таков же; но не таковы были праотцы его. Однако ж ныне все они словно одержимы, и не по душе мне это. Больше страшит меня нынешнее поручение короля, нежели охота на Волка. Что же делать?

Морвен, которая уже сошла на берег и приблизилась к Маблунгу, расслышала его последние слова.

— Делай так, как повелел тебе король, — отозвалась она. — Отправляйся разузнать то, что можно, о Нарготронде и о Турине. Ибо для того и выехали мы все вместе.

— Однако ж дорога нам еще предстоит долгая и опасная, — отвечал Маблунг. — Если хотите вы продолжать путь, то обе поедете верхом в числе всадников — и ни на шаг не отбивайтесь от отряда.

Вот так случилось, что с приходом дня двинулись они вперед и медленно, ни на миг не теряя бдительности, выехали из земли тростников и низкорослых ив и добрались до сумрачных лесов, занимающих большую часть южной равнины перед Нарготрондом. Весь день скакали они прямо на запад и не видели вокруг ничего, кроме запустения, и не слышали ни звука; ибо безмолвие царило в тех краях, и померещилось Маблунгу, что ныне подпала эта земля под власть страха. Тем же самым путем много лет назад прошел Берен: тогда из лесу следили за ним бесчисленные глаза незримых охотников; ныне же сгинул народ Нарога, а орки, по-видимому, так далеко на юг еще не добрались. В ту ночь отряд встал лагерем в сумрачном лесу, не разводя костра и огня не зажигая.

На протяжении еще двух дней скакали они вперед, а к вечеру третьего дня с тех пор, как позади остался Сирион, пересекли они равнину и уже приближались к восточным берегам Нарога. И столь великое беспокойство овладело вдруг Маблунгом, что принялся он умолять Морвен дальше не ехать. Но рассмеялась она и ответствовала:

— Вскорости, верно, избавишься ты от нас — к вящей своей радости. А пока придется тебе потерпеть нас еще немного. Слишком близко мы, чтобы теперь испугаться и повернуть вспять.

И воскликнул Маблунг:

— Одержимы вы обе и безрассудны. Не помогаете вы, но мешаете разузнать что-либо новое. Выслушайте же меня! Велено мне не задерживать вас силою; однако ж велено и оберегать вас как смогу. В нынешнем положении возможно только одно. И я намерен уберечь вас. Завтра я отведу вас на Амон Этир, Дозорный холм, что высится здесь неподалеку; и там останетесь вы под охраной и далее шагу не ступите, пока приказываю здесь я.

Курган же под названием Амон Этир — вышиной с холм — давным-давно воздвигли с превеликим трудом по повелению Фелагунда на равнине перед Вратами, в одной лиге к востоку от Нарога. На склонах его густо росли деревья, а вершина оставалась голой: оттуда хорошо просматривались все дороги и тропы, что вели к великому нарготрондскому мосту, и все окрестные земли. К этому холму и приехал отряд, когда утро было на исходе, и поднялся по восточному склону. Поглядев туда, где воздвигся Высокий Фарот — бурая, безлесная громада за рекой, — зорким эльфийским взглядом различил Маблунг на крутом западном берегу террасы Нарготронда и крохотную черную точку в стене холмов — разверстые Врата Фелагунда. Ни звука не слышал он и не видел ни следа врага: ничто не выдавало присутствия Дракона, кроме как выжженное пятно вокруг Врат — там, где Глаурунг дохнул пламенем в день разорения города. Все было тихо под тусклым солнцем.

Засим Маблунг, верный своему слову, повелел десяти всадникам охранять Морвен и Ниэнор на вершине холма и не трогаться с места до его возвращения, разве что возникнет серьезная опасность; а в таком случае конникам следовало поместить Морвен и Ниэнор в середину отряда и скакать как можно быстрее на восток, в сторону Дориата, выслав вперед гонца с известиями и с просьбой о помощи.

И забрал Маблунг с собою оставшихся двадцать воинов: осторожно спустились они вниз по холму; а

затем, оказавшись в полях на западе, где деревьев росло немного, рассыпались по равнине, и каждый крадучись двинулся своим путем, отважно бросая вызов опасности, к берегам Нарога. Сам же Маблунг прошел посередине прямиком к мосту и, приблизившись, обнаружил, что мост обрушен, и река разбушевалась в глубоком каменном русле после пролившихся далеко на севере дождей, и ревет, и вскипает пеной среди низвергнутых камней.

Там-то и затаился Глаурунг, в тени обширной галереи, уводящей вглубь от разрушенных Врат: давным-давно прознал он про лазутчиков Тингола, хотя мало чьи глаза в Средиземье приметили бы их. Однако ж его смертоносный взгляд был острее орлиного, и далеко уступала ему даже эльфийская зоркость; воистину, знал Дракон и об оставшихся на голой вершине кургана Амон Этир.

И вот, пока Маблунг осторожно пробирался между валунами, высматривая, не удастся ли переправиться через бурную реку по обрушенным камням моста, Глаурунг внезапно явился наружу в жарком всполохе огня и сполз в воду. Сей же миг с громким шипением за клубились громадные облака зловонных испарений, и Маблунга и его соратников, укрывшихся неподалеку, захлестнули слепящее марево и гнусный смрад; и большинство их бежало наугад в направлении Дозорного холма. Но пока Глаурунг переползал через Нарог, Маблунг отошел чуть дальше и залег за камнем, и там и остался; ибо казалось ему, что не выполнил он еще поручения. Теперь он и в самом деле узнал доподлинно, что Глаурунг поселился в Нарготронде; однако велено ему было выяснить правду об участии сына Хурина, ежели удастся; и, будучи отважен сердцем, задумал он перебраться через реку, как только скроется Глаурунг, и обыскать чертоги Фелагунда. Полагал он, что для безопасности Морвен и Ниэнор сделано все, что только можно: появление Глаурунга не останется незамеченным, и уже сейчас всадники, конечно же, во весь опор мчатся к Дориату.

Между тем Глаурунг смутной громадой в тумане прополз мимо Маблунга: двигался он быстро, ибо могуч был Змей, и при том проворен и гибок. А Маблунг с превеликой опасностью для жизни переправился вброд через Нарог; часовые же на вершине холма Амон Этир заметили приближение Дракона и преисполнились страха. Сей же миг повелели они Морвен и Ниэнор, не споря, садиться на коней, и приготовились уже бежать на восток, как было им приказано. Но пока спускались они с холма на равнину, недобрый ветер принес к ним клубы испарений и вонь, для лошадей нестерпимую. И вот, ослепшие в тумане и обезумевшие от ужаса среди драконьего смрада, кони понесли: мчались они стремглав, врассыпную, не разбирая дороги; стражи наталкивались на деревья и расшибались едва ли не до смерти, либо тщетно искали друг друга. Ржание коней и крики седоков достигли слуха Глаурунга — и остался он весьма доволен.

Один из эльфийских всадников, пытаясь справиться с конем в густом тумане, заметил вдруг, как мимо пронеслась Владычица Морвен — серым призраком на обезумевшем скакуне; но она исчезла в мареве, взывая: «Ниэнор!», и более ее не видели.

Когда слепой ужас овладел всадниками, конь Ниэнор, что мчался не разбирая дороги, споткнулся — и сбросил всадницу. Рухнула она на мягкую траву и ничуть не пострадала, а, поднявшись на ноги, обнаружила, что затеряна в тумане одна-одинешенька — ни коня, ни спутника. Но сердце ее не дрогнуло, и задумалась она, и решила, что нет смысла идти на крики, ибо голоса звучали со всех сторон, однако все слабее и слабее. Разумнее показалось ей пробираться к холму: туда всенепременно вернется Маблунг, прежде чем отправляться в обратный путь — хотя бы для того только, чтобы удостовериться: никого из отряда на вершине не осталось.

Так, идя наугад, отыскала она Амон Этир по тому, как повышалась земля под ее ногами: а холм и впрямь находился неподалеку. Медленно поднялась она по тропе с восточной стороны. Пока взбиралась она все выше, туман постепенно редел, и вот, наконец, добралась она до вершины — и вышла в солнечный свет. И шагнула она вперед и поглядела на запад. А там, прямо перед ней, нависла громадная голова Глаурунга, что заполз на холм с другой стороны; и нежданно-негаданно встретила девушка взглядом с глазами Дракона, исполненными смертоносной злобы: ужасен был взор этих глаз, вобравших в себя пагубный дух Моргота, повелителя Дракона.

Ниэнор наделена была сильною волей и стойким сердцем и некоторое время противостояла Глаурунгу, но он призвал на помощь свою магическую силу.

— Что ищешь ты здесь? — спросил он.

И, принужденная ответить, молвила девушка:

— Ищу я лишь некоего Турина, что жил здесь какое-то время. Хотя, может статься, он мертв.

— Мне о том неведомо, — отозвался Глаурунг. — Его оставили здесь защищать женщин и тех, кто слаб; когда пришел я, он бросил их и спасся бегством. Хвастун и трус, вот каковым он мнится мне. На что тебе такой сдался?

— Ты лжешь, — молвила Ниэнор. — Дети Хурина — кто угодно, но не трусы. Мы тебя не страшимся.

И рассмеялся Глаурунг, ведь так дочь Хурина выдала себя его злобе.

— Тогда глупцы вы оба, и ты, и твой брат, — промолвил он. — И похвальба твоя тщетна. Ибо я — Глаурунг.

И вынудил ее Дракон смотреть на него глаза в глаза, не отрываясь, и воля ее словно оцепенела. И померещилось ей, будто солнце потускнело и все кругом померкло; медленно сомкнулась над ней великая тьма — и заключала та тьма в себе пустоту; отныне Ниэнор ничего не знала, ничего не слышала и ничего не помнила.

Долго Маблунг разведывал чертоги Нарготронда, насколько позволяли темнота и смрад, и ни единой живой души там не нашел: ничего не зашевелилось среди костей и никто не ответил на его крики. Наконец, измучившись душой в этом жутком месте и страшась возвращения Глаурунга, он вернулся к Вратам. Солнце клонилось к западу, и Фарот за его спиною ронял темные тени на террасы и на бурную реку внизу; но вдалеке под курганом Амон Этир Маблунг словно бы различил зловещие очертания Дракона. Еще труднее и опаснее, чем прежде, оказалась переправа через Нарог — ибо спешил Маблунг, подгоняемый страхом; и едва добрался он до восточного берега и укрылся под откосом чуть в стороне, как подоспел и Глаурунг. Однако ж теперь полз он медленно и осторожно, ибо пылавшее в нем пламя ныне чуть теплилось, иссякла великая его сила и хотелось ему отдохнуть и поспать в темноте. Извиваясь, преодолел он поток и скользнул к Вратам, подобно гигантской, мертвенно-бледной змее, и брюхо его сочилось слизью, оставляя на земле липкий след.

Перед тем же как скрыться внутри, обернулся он и поглядел назад, на восток; и донесся из его утробы смех Моргота, еле слышный, но жуткий, словно эхо злобы из черных бездн в дальней дали. А затем послышался голос, холодный и низкий:

— Вон ты где — схоронился под откосом словно мышь-полевка, о могучий Маблунг! Дурно исполняешь ты Тинголовы поручения. Поспешика к холму, да погляди, что случилось с твоей подопечной!

И Глаурунг уполз к себе в логово, а солнце между тем село и землю укрыли зябкие вечерние сумерки. Маблунг же поспешил назад к кургану Амон Этир, и пока поднимался он к вершине, на востоке зажглись звезды. На их фоне различил он темную и недвижную, точно каменное изваяние, фигуру. Так и стояла Ниэнор, и ничего не услышала она из того, что говорил ей Маблунг, и ни словом ему не ответила. Наконец он взял девушку за руку, и она встrepенулась, и позволила увести себя прочь; пока Маблунг держал ее руку в своей, она шла следом, а когда выпускал ее пальцы, останавливалась и застывала на месте.

Великое горе и замешательство охватили Маблунга, но не было у него иного выбора, кроме как вести Ниэнор вот так, за руку, далеким путем на восток — одному, без спутников, не надеясь на помощь. И побрели они, словно во сне, и спустились на равнину под покровом ночи. Когда же вновь рассвело, Ниэнор споткнулась, рухнула наземь, да так и осталась лежать неподвижно; а Маблунг в отчаянии уселся рядом.

— Не зря страшился я этого поручения, — сетовал он. — Ибо сдается мне, станет оно для меня последним. Погибнет в глуши это злосчастное дитя человеческое, а вместе с нею и я; имя же мое заклеят в Дориате презрением; если, конечно, об участии нашей прознают хоть что-нибудь. Все прочие, несомненно, убиты; пощадили лишь ее, да только не из сострадания.

Там нашли их трое воинов отряда, что бежали прочь от Нарога при появлении Глаурунга, и после долгих скитаний, когда развеялся туман, вернулись к холму; и, никого на вершине не обнаружив, принялись искать путь назад. Тогда в душе Маблунга воскресла надежда, и дальше двинулись они вместе, сворачивая то севернее, то восточнее, ибо на юге обратной дороги в Дориат не было, а с тех пор, как пал Нарготронд, стражам переправы запрещено было перевозить кого-либо через реку, кроме как со своей стороны.

Медленно продвигались путники — как если бы вели измученного ребенка. Но по мере того, как удалялись они от Нарготронда и приближались к Дориату, мало-помалу к Ниэнор возвращались силы и она послушно шла часами напролет, пока вели ее за руку. Однако ж расширенные глаза ее не видели ничего, и слух ее оставался замкнут, а уста не произносили ни слова.

Наконец со временем, спустя много дней, приблизились они к западной границе Дориата чуть южнее Тейглина, чтобы пройти ограждение малой земли Тингола за Сирионом и так добраться до охраняемого моста близ места впадения Эсгалдуина. Там до поры они остановились и уложили Ниэнор на травяное ложе, и смежила она веки, чего доселе не делала, и, по-видимому, уснула. Тогда прилегли отдохнуть и эльфы, и, будучи измучены усталостью, даже часовых не выставили. И напала на них, застав врасплох, банда орочьих охотников — много таких рыскало ныне в том краю, все ближе подбираясь к границам Дориата. В разгар сражения Ниэнор внезапно вскочила на ноги, точно разбуженная ночной тревогой, и с криком бросилась в лес. Тогда орки развернулись и

устремились в погоню, а эльфы — за ними. Но странная перемена произошла с Ниэнор: теперь она обогнала их всех — мчалась она как лань между деревьев, только волосы струились по ветру. Орков Маблунг и его спутники настигли очень скоро, перебили их всех до единого и поспешили дальше. Только к тому времени Ниэнор уже исчезла, точно призрак, и так и не удалось эльфам найти ни ее саму, ни следов ее, хотя проискали ее много дней и прошли далеко на север.

И вот, наконец, согбенный стыдом и горем Маблунг возвратился в Дориат.

— Выбери нового предводителя своим охотникам, государь, — сказал он королю. — Ибо я навеки обещен.

Отвечала Мелиан:

— Нет, Маблунг, отнюдь. Ты сделал все, что мог, и никто другой из числа королевских слуг не справился бы лучше. По несчастливой случайности столкнулся ты с силой, с которой не совладать тебе, да и никому из живущих ныне в Средиземье.

— Я послал тебя за известиями, и ты узнал все, что можно, — промолвил Тингол. — Не по твоей вине тем, кого известия эти касаются ближе прочих, уже не дано их услышать. Воистину горестный конец постиг ныне все семейство Хурина, но не на твоей совести эта беда.

Ибо ныне не одна только Ниэнор скиталась в глуши, утратив разум; сгинула и Морвен. Ни в ту пору, ни впоследствии не узнали доподлинно о ее судьбе ни в Дориате, ни в Дор-ломине. Однако ж Маблунг, не зная покоя, с небольшим отрядом отправился в чащу и три года странствовал в дальних краях, от гор Эред Ветрин до самых Устьев Сириона, ища пропавших — или хотя бы вестей о них.

НИЭНОР В БРЕТИЛЕ

Что до Ниэнор, спешила она сквозь лесную чащу, слыша сзади крики погони, и сорвала с себя одежды, одну за другой сбрасывая на бегу, пока не осталась нагой; весь день напролет бежала она, словно затравленный дикий зверь, что не смеет ни остановиться, ни перевести дух. Но к вечеру безумие разом ее оставило. Она постояла мгновение, словно бы недоумевая, а затем, от изнеможения лишившись чувств, рухнула как подкошенная в густые заросли папоротника. Там, среди прошлогодних листьев орляка и юных весенних побегов, улеглась она и уснула, ничего не замечая кругом.

Поутру пробудилась она и обрадовалась свету, словно впервые явившись в мир; и все, что открывалось ее взору, казалось девушке дивным и странным, ибо не умела она назвать то, что видела вокруг. Позади нее остались лишь пустота и тьма, сквозь которую не проступало никаких воспоминаний и не доносилось даже эха знакомого слова. Лишь тень страха помнила она и потому была настороже и то и дело пряталась: взбиралась на деревья либо хоронилась в подлеске, проворнее лисы или белки, вспугнутая звуком ли, тенью ли; и оттуда долго боязливо всматривалась сквозь листву, прежде чем двинуться дальше.

Так, пробираясь вперед тем же путем, каким бежала вначале, вышла она к реке Тейглин и утолила жажду; но никакой пищи не промыслила и не знала, как добыть ее; изголодалась она и продрогла. А поскольку деревья на другом берегу казались темнее и гуще (а так оно и было, потому что там начинался Бретильский лес), она наконец переправилась на другую сторону и вышла к зеленому кургану и там рухнула наземь; ибо совсем выбилась из сил, и померещилось ей, будто вновь настигает ее тьма, что осталась позади, и солнце темнеет и меркнет.

На самом деле то налетела с Юга черная гроза, неся с собою молнии и проливной ливень, и приникла к земле Ниэнор, сжавшись от страха перед громом, а темные струи дождя хлестали ее нагое тело, она же лишь глядела, не говоря ни слова, точно угодивший в ловушку дикий звереныш.

И случилось так, что в ту пору несколько лесных жителей Бретиля проходили мимо, возвращаясь после вылазки против орков, и поспешали через Переправу Тейглина, торопясь в укрытие неподалеку; и тут ярко полыхнула молния, так что Хауд-эн-Эллет озарился словно бы белым пламенем. И Турамбар, возглавлявший отряд, вдруг отшатнулся, и задрожал; ибо померещилось ему, будто видит он на могиле Финдуилас призрак убитой девы.

Но один из воинов подбежал к кургану и крикнул ему: — Сюда, господин! Лежит тут юная девушка, и жива она!

И подошел Турамбар, и поднял ее с земли — с мокрых ее волос капала вода, она же закрыла глаза и не дрожала более и не противилась. Подивившись, что лежала она на холме совсем нагая, Турин набросил на нее свой плащ и отнес ее в охотничий домик в лесу. Там развели огонь, и закутали ее в одеяла, она же открыла глаза и посмотрела на своих спасителей; когда же взгляд ее упал на Турамбара, лицо ее словно посветлело, и потянулась она к нему, ибо показалось Ниэнор, будто нашла она наконец то, что так долго искала во тьме, и успокоилась она. Турамбар же взял ее руку в свою и улыбнулся, и молвил:

— А теперь, госпожа, не скажешь ли нам, как зовут тебя, и кто твоя родня, и что за беда с тобой приключилась?

И покачала она головой, и не ответила ни словом, только залилась слезами; и более не докучали ей, пока не подкрепились гостя жадно той снедью, что нашла у лесных жителей. Когда же поела она, то вздохнула и вновь вложила свою руку в руку Турамбара, он же сказал:

— С нами ты в безопасности. Здесь можешь ты отдохнуть нынче ночью, а поутру отведем мы тебя в наше поселение, что стоит на холме в глубине леса. Вот только узнать бы нам твое имя и кто родня твоя: может статься, удастся нам отыскать твоих близких и сообщить им о тебе. Так не назовешься ли нам?

И вновь не ответила она и разрыдалась.

— Не тревожься, — промолвил Турамбар. — Верно, слишком горестен рассказ твой и до поры слова не идут с языка. Но я хочу дать тебе имя и назову тебя Ниниэль, Слезная Дева.

Услышав это имя, девушка подняла взгляд и покачала головой, но повторила: «Ниниэль». То было первое слово, что произнесла она, отрешившись от тьмы; и так именовали ее впредь среди лесных жителей.

Поутру ее повезли к Эффель Брандир; дорога там круто шла вверх, пока не доходила до переправы

через бурную реку Келеброс. Здесь построили некогда деревянный мост; под ним поток переливался через истертый каменный выступ и пенными каскадами низвергался в каменную чашу далеко внизу, а в воздухе словно дождь повисала водяная пыль. В верхней части водопада зеленела покрытая дерном поляна в окружении берез; но за мостом открывался широкий вид на ущелья Тейглина примерно в двух милях к западу. Там всегда веяло прохладой; летом путники останавливались на берегу отдохнуть и утолить жажду ледяной водой. Называли те водопады Димрост, Лестница Дождя, а после того дня — Нен Гирит, Вода Дрожи; ибо Турамбар и его люди устроили там привал, но едва Ниниэль оказалась в этом месте, как у нее начался озноб, и накатила дрожь, и не удавалось ни согреть ее, ни успокоить. Потому лесные жители поспешили дальше, однако не успели еще добраться до селения Эффель Брандир, как у Ниниэль сделался жар и она впала в забытие.

Долго пролежала она во власти недуга, Брандир же пустил в ход все свое искусство, дабы исцелить ее, а жены лесных жителей ухаживали за ней днем и ночью. Но лишь когда рядом с нею был Турамбар, успокаивалась она или засыпала без стонов. И вот еще что примечали все, кто ходил за ней: пока длился недуг, хотя зачастую беспокойно металась она на постели, ни единого слова не выговорила она на каком-либо из эльфийских либо людских языков. Когда же медленно возвратилось к ней здоровье, и очнулась она, и вновь стала есть, тогда женщинам Бретилия пришлось учить ее языку, словно ребенка — слово за словом. Однако училась она быстро и с превеликой радостью: словно находила вновь потерянные сокровища, великие и малые; а затвердив наконец довольно, чтобы разговаривать с друзьями, то и дело спрашивала:

— Как зовется эта вещь? Потеряла я нужное слово, блуждая во тьме.

Когда же встала Ниниэль наконец с постели, она то и дело навещала Брандира в его доме; ибо не терпелось ей узнать имена всего живого, он же в том был весьма сведущ; и часто гуляли они вместе по садам и полянам.

И полюбил ее Брандир; она же, окрепнув, частенько подавала ему руку, поддерживая хромого при ходьбе, и называла его братом. Но сердце ее было отдано Турамбару; лишь при его появлении улыбалась девушка, и лишь когда Турамбар заговаривал с нею весело, смеялась она.

Однажды золотой осенью ввечеру сидели они вместе, а заходящее солнце одело склон холма и Эффель Брандир с его жилищами алым заревом, и царила вокруг глубокая тишина. И молвила Ниниэль:

— Имена всего, что есть, разузнала я ныне, кроме разве твоего. Как же зовут тебя?

— Турамбар, — отвечал он.

Она помолчала, словно прислушиваясь, не уловит ли смутного эха, а затем спросила:

— А что оно значит — или это просто твое имя и ничего больше?

— Значит оно — Победитель Темной Тени, — отвечал Турамбар. — И я тоже, Ниниэль, пребывал во власти тьмы, в которой сгинуло многое мне дорогое; теперь же, сдается мне, я превозмог тьму.

— А ты тоже бежал от нее куда глаза глядят, пока не добрался до этих приветных лесов? — спросила она. — И когда же спасся ты от тьмы, Турамбар?

— Да, — отвечал он, — бежал я много лет. А спасся тогда же, когда и ты. Ибо пока не пришла ты, Ниниэль, царила тьма, но с тех самых пор — сияет свет. И кажется мне, будто обрел я наконец то, что искал так долго и тщетно.

И, возвращаясь к себе домой в сумерках, говорил он себе:

— Хауд-эн-Эллет! С зеленого кургана явилась она. Не знак ли это — и как мне истолковать его?

Между тем золотой тот год пошел на убыль и сменился мягкой зимой, а следом настал новый благодатный год. В Бретиле царил мир; лесные жители затаились в чаще и домов своих не покидали; и никаких вестей не приходило к ним из окрестных земель. Ибо орки, что в ту пору стекались на юг под темное владычество Глаурунга либо посланы были шпионить к границам Дориата, стороной обходили Переправу Тейглина и на запад пробирались далеко за рекой.

Ныне же Ниниэль совершенно исцелилась, похорошела и окрепла, и Турамбар, не сдерживая себя более, попросил ее руки. И возрадовалась Ниниэль; но когда прослышал о том Брандир, заныло у него сердце и молвил он ей:

— Не спеши так! И не сочти меня недобрым, ежели посоветую я тебе выждать.

— Ничего, кроме добра, от тебя вовеки не видели, — отозвалась она. — Но почему даешь ты мне такой совет, о мудрый братец?

— Мудрый братец? — повторил он. — Скорее, хромой брат, нелюбимый, неприглядный. А почему — я и сам не знаю. Однако ж на этом человеке лежит тень, и страшно мне.

— Тень и впрямь была, — отозвалась Ниниэль, — он сам мне рассказывал. Но он спасся из-под власти тени так же, как и я. И разве недостойн он любви? Хотя ныне довольствуется он мирной жизнью, разве некогда не был он величайшим из вождей, при одном лишь виде которого разбежались бы все враги наши?

— Кто поведал тебе о том? — спросил Брандир.

— Дорлас, — отвечала Ниниэль. — Разве сказал он неправду?

— Воистину правду, — подтвердил Брандир, однако ж остался весьма недоволен, ибо Дорлас заправлял среди тех, кто призывал к войне с орками. Но по-прежнему искал он доводов, чтобы удержать Ниниэль, и сказал он так:

— Правду, да не всю; был он полководцем Нарготронда, а до того пришел с Севера: и говорят, будто он — сын Хурина Дор-ломинского из воинственного Дома Хадора.

И видя, что при упоминании этого имени по лицу Ниниэли скользнула тень, неправильно истолковал этот знак и добавил:

— Воистину, Ниниэль, права ты будешь, полагая, что такой человек скорее всего очень скоро опять отправится на войну, и, может статься, далеко от здешних мест. А ежели так, долго ли сможешь ты выносить разлуку? Остерегись, ибо провижу я, что ежели Турамбар вновь пойдет в битву, тогда верх одержит не он, но Тень.

— Тяжко мне придется в разлуке, — согласилась она, — но безмужней ничуть не легче, нежели замужем. А жена, может статься, надежнее удержит его и оградит от тени.

Однако встревожили ее слова Брандира, и попросила она Турамбара повременить до поры. Весьма недоумевал он и удручался; узнав же от Ниниэли, что это Брандир посоветовал ей выждать, немало подсадовал.

Когда же вновь настала весна, сказал он Ниниэли: — Время идет. Мы выждали — и ждать долее я не стану. Поступай так, как велит тебе сердце, Ниниэль, возлюбленная моя, но знай: вот каков стоит предо мною выбор. Ныне вновь отправлюсь я сражаться в лесную глушь; либо возьму тебя в жены и на войну никогда не пойду более — разве для того только, чтобы защитить тебя, ежели какой-либо враг нападет на дома наши.

И возрадовалась она всей душою, и обручилась с ним; а в середине лета сыграли свадьбу, и лесной народ устроил пышный пир; и отвели новобрачным красивый дом, загодя отстроенный для них на холме Амон Обель. Там и зажили они счастливо; но снедала Брандира тревога, и все сгущалась тень в его душе.

Глава XVI

ПОЯВЛЕНИЕ ГЛАУРУНГА

А между тем мощь и злоба Глаурунга стремительно росли, и разжирел он и отъелся, и призвал к себе орков, и правил как король-дракон, и все владения бывшего Нарготронда перешли под его власть. И еще до конца того года — третьего по счету, что прожил Турамбар среди лесных жителей, — Глаурунг начал нападать на их земли, что до поры царил мир; воистину хорошо знал Глаурунг, равно как и его Повелитель, что в Бретиля живет еще горстка свободных людей, последние уцелевшие из Трех Домов, что не покорились власти Севера. И не желали они терпеть того; ибо Моргот задался целью подчинить себе весь Белерианд и обшарить все углы, чтобы не спрятался и не затаился нигде хоть кто-то живой, избежав рабьей участи. Так что догадывался ли Глаурунг, где прячется Турин, либо (как полагают иные) тот и в самом деле на время ускользнул от неотступного ока Зла — оно не особо и важно. Ибо в итоге советы Брандира ни к чему не привели, и в конце концов Турину ничего не оставалось, как выбрать одно из двух: либо пребывать в бездействии, пока не обнаружат его и не выкурят из норы, словно крысу; либо вскорости выступить на войну — и обнаружить себя врагу.

Когда в Эффель Брандир впервые пришли вести о появлении орков, Турин на битву не пошел, уступив мольбам Ниниэли.

— На наши дома пока что не напали — а не таково ли было твое слово? — говорила она. — По слухам, число орков невелико. И рассказывал мне Дорлас, что до твоего прихода такие набеги случались то и дело — и лесные жители давали врагу отпор.

Однако лесные жители потерпели поражение, ибо это орочье племя отличалось особой свирепостью, и жестокостью, и хитростью; правда и то, что явились орки с намерением захватить лес Бретиля, а вовсе не проходили через окраины леса по иным своим делам, как прежде, и не охотились небольшими отрядами. Потому Дорласа и его людей отбросили назад с большими потерями, а орки переправились через Тейглин и вторглись далеко в лес. Дорлас же пришел к Турамбару и показал свои раны, и молвил:

— Гляди, господин, вот, краток оказался обманчивый мир, и пробил ныне час нужды, как и предвидел я. Не ты ли просил, чтобы считали тебя одним из нас, а не пришлым чужаком? Разве не общая опасность грозит нам? Ибо домам нашим недолго оставаться сокрытыми, ежели орки продвинутся в наши земли еще дальше.

Потому воспрял Турамбар, и вновь взялся за меч свой Гуртанг, и отправился на битву; когда же узнали о том лесные жители, они разом воодушевились и стеклись к нему, пока не собралась под его началом многосотенная рать. И прочесали они лес, и перебили всех орков, туда прокравшихся, и развесили трупы на деревьях близ Переправы Тейглина. Когда же выступило против них новое войско, лесные жители заманили его в ловушку; орки же никак не ждали, что противник окажется столь многочисленным, а возвращение Черного Меча повергло их в великий ужас, так что орков разбили наголову и истребили во множестве. Тогда лесные жители сложили громадные костры и сожгли трупы Морготовых солдат, грудami навалив их в огонь, и дым местами черными клубами поднимался к небесам, а ветер гнал его на запад. Однако немногие уцелевшие орки вернулись в Нарготронд и поведали о том, что случилось.

Не на шутку разъярился Глаурунг, но до поры лежал он недвижно и обдумывал услышанное. Посему зима прошла мирно, и говорили люди:

— Воистину велик Черный Меч Бретиля, ибо все наши враги повержены.

И утешилась Ниниэль, и порадовалась славе Турамбара; он же пребывал в задумчивости и говорил в сердце своем: «Жребий брошен. Вот и испытание, в котором оправдается похвальба моя либо окажется пустыми словами. Не стану я убежать более. Воистину буду я Турамбаром и через собственную доблесть и волю превозмогу судьбу свою — или паду. Но — погибну я или выживу, по крайней мере сражу я Глаурунга».

Однако ж было ему беспокойно, и выслал он отважных дозорных разведать окрестности сколь можно дальше. Ибо воистину, хотя не говорилось о том вслух, ныне распоряжался он всем по своей воле, как если бы был владыкой Бретиля, и никто более не прислушивался к Брандиру.

Пришла весна, неся с собою надежду, и пели люди за работой. Той весной Ниниэль понесла и сделалась бледна и измучена; и померкло бывшее ее счастье. А меж тем пришли странные вести — рассказывали люди, побывавшие за Тейглином, что далеко в лесах на равнине, ближе к Нарготронду, полыхают великие пожарища; и гадал народ, что бы это значило.

Вскорости пришли новые известия: будто огонь неуклонно движется на север и будто сам Глаурунг зажег его, ибо покинул он Нарготронд и вновь зачем-то пустился в путь. И говорили те, что

поглупее, либо те, что склонны тешить себя надеждами:

— Армия его уничтожена, и теперь наконец поумнел он и возвращается туда, откуда пришел.

А другие добавляли:

— Давайте же уповать на то, что минует он нас стороной.

Турамбар же таких надежд не питал: знал он, что Глаурунг ищет его. Потому, хотя ради Нинизли скрывал Турамбар свою тревогу, днем и ночью размышлял он, что ему предпринять; а между тем весна была на исходе и близилось лето.

И настал день, когда двое лесных жителей вернулись в Эффель Брандир в великом ужасе, ибо своими глазами видели они Великого Змия.

— Воистину, господин, ныне приближается он к Тейглину и в сторону не сворачивает, — рассказывали они. — Лежал он посреди громадного пожарища, а вокруг дымились деревья. Исходит от чудища невыносимый смрад. На много лиг до самого Нарготронда протянулся его гнусный след, и, сдается, путь этот, не отклоняясь, ведет напрямик к нам. Что тут можно поделать?

— Мало что, — отозвался Турамбар, — но это малое я уже обдумал. Вести ваши меня скорее обнадеживают, нежели устрашают; если и впрямь ползет он, как вы говорите, прямо, никуда не сворачивая, то есть у меня совет для отважных сердец.

И подивились люди, ибо в ту пору он не сказал более ни слова, но приободрились при виде его стойкости.

Теперь же надобно описать течение реки Тейглин. Река сбегала вниз с Эред Ветрин, стремительная, как Нарог; в верховьях берега ее были невысоки, но за Переправой, вобрав в себя мощь других потоков, она проложила себе путь через подножие нагорья, на котором рос лес Бретиля. Далее тек Тейглин через глубокие теснины, крутые склоны которых были что каменные стены, и запертый на дне поток с силой и грохотом мчался вперед. И точно на пути Глаурунга разверзлось одно из таких ущелий, отнюдь не самое глубокое, зато самое узкое, чуть севернее впадения Келеброса. Потому Турамбар выслал трех отважных воинов следить с края обрыва за Драконом; сам же решил ехать к высокому водопаду Нен Гирит, куда при необходимости быстро доставят вести и откуда самому ему откроется широкий обзор.

Но для начала собрал он лесных жителей в пределах частокола Эффель Брандир и обратился к ним, говоря:

— Люди Бретиля, смертельная опасность грозит нам, и лишь доблесть и стойкость помогут отвести ее. В этом деле численное превосходство не поможет; надобно нам прибегнуть к хитрости и уповать на удачу. Ежели выступим мы против Дракона со всеми нашими силами, как против армии орков, все мы отправимся на верную гибель, а жены и родня наша лишатся защитников. Потому говорю я, что должно вам оставаться здесь и готовиться к бегству. Если явится Глаурунг, бросайте поселение и разбегайтесь в разные стороны; тогда, возможно, кто-то и спасется. Ибо воистину, уничтожит Дракон и деревню, и всех, кого найдет, если сможет; но после здесь не останется. В Нарготронде хранятся все его сокровища; там — обширные чертоги, где может он залечь в безопасности и жиреть день ото дня.

Устрашились люди и пали духом, ибо полагались они на Турамбара и уповали на речи более обнадеживающие. Но продолжил он:

— Нет же, это — исход наихудший. И не случится того, ежели замысел мой и удача себя оправдают. Ибо не верю я, что Дракон непобедим, хотя с годами и впрямь возрастают его сила и злоба. И вот что мне о нем ведомо. Могущество его заключено скорее в злом духе, что живет в нем, нежели в телесной крепости, каковая тоже велика. Узнайте же: вот какую повесть рассказывали мне люди, сражавшиеся в год Нирнаэт, когда я и большинство тех, кто внемлет мне теперь, были детьми. На том поле битвы гномы устояли пред ним, и Азагхал Белегостский ранил его столь глубоко, что Дракон бежал обратно в Ангбанд. А этот шип будет поострее и подлиннее Азагхалова кинжала.

И Турамбар выхватил из ножен Гуртанг, и потряс им над головою, и померещилось тем, кто видел это, будто от руки Турамбара на много футов в воздух взметнулось пламя. И поднялся над толпой великий крик:

— Черный Шип Бретиля!

— Да устрашится Дракон Черного Шипа Бретиля! — продолжал Турин. — Ибо знаете: так начертано на роду этому Дракону (да и всему их племени, если верить молве) — как бы ни крепка

была его роговая броня, что тверже железа, брюхо у него — змеиное. Потому, о люди Бретиля, отправляюсь я ныне в путь и любой ценой доберусь я до Глаурунгова брюха. Кто пойдет со мною? Нужны мне лишь несколько спутников, чьи руки крепки, но еще крепче — сердце.

И встал Дорлас, и молвил:

— Я пойду с тобой, господин; всегда предпочту я выступить навстречу врагу, нежели его дожидаться.

Но другие не торопились ответить на призыв, ибо овладел ими ужас перед Глаурунгом, а рассказ дозорных, что видели Дракона, передавался из уст в уста и обрастал новыми подробностями. И вскричал Дорлас:

— Слушайте, люди Бретиля, ныне убедились мы воочию, что в наши недобрые времена никчемны оказались советы Брандира. Хоронясь и прячась, не спасемся мы от врага. Неужто никто из вас не займет места сына Хандира, дабы не покрыл себя позором Дом Халет?

Так Брандир, который хотя и восседал на высоком месте главы собрания, однако не прислушивались к нему, унижен был прилюдно, и горько сделалось у него на сердце, ибо Турамбар не одернул Дорласа. Тут некто Хунтор, родич Брандира, поднялся и молвил:

— Дурно поступаешь ты, Дорлас, позоря такими речами владыку своего, чьи ноги по злой случайности не в силах исполнить веление сердца. Остерегись, как бы с тобой однажды не вышло наоборот! И как можно говорить, будто советы его оказались никчемны, ежели веками к ним не прислушивались? Ты, его подданный, ни во что не ставил его волю. Так скажу я тебе вот что: Глаурунг явился ныне к нам, как до того — в Нарготронд, ибо деяниями своими мы себя выдали, чего и страшился Брандир. Но раз уж пришла беда, с твоего дозволения, сын Хандира, пойду я — от имени Дома Халет.

И молвил Турамбар:

— Трех достаточно! Вас обоих возьму я с собою. Но, владыка, не пренебрегаю я тобою, отнюдь! Сам видишь: должно нам поспешить, так что пойдем мы быстро, и в походе нашем надобны крепкие, сильные воины. Думается мне, что твое место — с народом твоим. Ибо ты мудр, ты — целитель, а может статься, что очень скоро великая нужда возникнет и в мудрости, и в целении.

Однако эти учтивые слова лишь ожесточили Брандира еще больше, и сказал он Хунтору:

— Ступай же, но без моего дозволения. Ибо тень лежит на этом человеке, и не приведет она тебя к добру.

Турамбару же не терпелось пуститься в путь; но когда пришел он прощаться к Ниниэли, та прильнула к нему, горестно рыдая.

— Не уходи, Турамбар, молю тебя! — твердила она. — Не бросай вызова тени, от которой бежал ты! Нет, о нет, беги от нее снова, беги далеко прочь, и меня возьми с собою!

— Ниниэль, возлюбленная моя, — отвечал он, — не можем мы бежать дальше, ни ты, ни я. Мы заперты в этой земле. И даже если бы ушел я, бросив людей, что нас приютили и поддерживали, куда бы повел я тебя? — в неприютную глушь, где ждет верная смерть и тебя, и ребенка нашего. Сотня лиг отделяет нас от земель, коих не коснулась еще Тень. Но ободрись, Ниниэль. Ибо вот что скажу я тебе: ни ты, ни я не погибнем от сего Дракона — равно как и от любого другого недруга с Севера.

И Ниниэль уняла слезы и умолкла, но холоден был прощальный поцелуй ее.

И вот Турамбар с Дорласом и Хунтором поспешили к водопаду Нен Гирит; когда же добрались они до места, солнце уже садилось и удлинились тени; и поджидали их там последние двое дозорных.

— Вовремя пришел ты, господин, — сказали они. — Дракон здесь; когда уходили мы, он уже добрался до Тейглина и с обрыва озирает противоположный берег. Передвигается он ночью, так что стоит ждать удара на рассвете завтрашнего дня.

И окинул Турамбар взглядом водопады Келеброса, и увидел, что солнце клонится к закату, а вдоль реки черными спиралями к небу тянется дым.

— Нельзя терять ни минуты, — молвил он, — однако хорошие то вести. Опасался я, что Дракон станет рыскать по окрестностям; а ежели пополз бы он на север и добрался до Переправы, и до старого тракта в долине, тогда надежды бы не осталось. Ныне же ярость либо гордыня и злоба гонят его напрямик. — При этих словах задумался он и спросил сам себя: «А не может ли того быть, что существо столь пагубное и свирепое сторонится Переправы, так же, как и орки? Хауд-эн-Эллет? Неужто Финдуилас доселе пребывает между мною и моей судьбой?»

И обернулся Турамбар к своим спутникам, и молвил:

— Вот какая задача ныне предстоит нам. Подождем мы еще немного, ибо поспешить в таком деле не к добру — так же, как и опоздать. Когда сгустятся сумерки, должно нам как можно осторожнее прокрасться к Тейглину. Но остерегитесь! Ибо слух Глаурунга не менее остр, чем взор; взор же его смертоносен. Если мы доберемся до реки незамеченными, тогда придется нам спуститься на дно ущелья и переправиться через поток, и так оказаться на пути у Дракона — ведь этой самой дорогой двинется он, когда стронется с места.

— Как же он переберется на другую сторону? — удивился Дорлас. — При всей своей гибкости это — громадный Дракон; как же сползет он вниз по одному утесу и вверх по другому, ежели передней его части придется уже лезть вверх прежде, чем спустится задняя? А ежели он на такое и способен, что толку, если окажемся мы внизу, в бурном потоке?

— Может, и способен, — отвечал Турамбар, — а ежели так, то плохо нам придется. Впрочем, надеюсь я — судя по тому, что мы о нем знаем, и судя по месту, где ныне залег он, — что иное он замышляет. Дракон приполз к краю ущелья Кабед-эн-Арас, через которое, как вы рассказываете, перескочил олень, спасаясь от охотников Халет. Столь громаден сделался ныне Дракон, что, думается мне, попытается он рывком перебросить свою тушу на другой берег. Только на это и остается нам уповать; так доверимся же надежде.

При этих словах у Дорласа упало сердце; лучше любого другого знал он земли Бретиля, а ущелье Кабед-эн-Арас было воистину мрачным местом. На восточной стороне воздвигся отвесный утес футов сорока в высоту: сплошь голый камень, лишь на вершине зеленели деревья. На другой стороне крутой, хотя и не столь высокий берег зарос плакучими деревьями и кустарником; а меж них стремительно неся по камням бурный поток, и хотя человек отважный и ловкий мог переправиться здесь вброд при свете дня, бросать реке вызов ночью было куда как опасно. Но таков был замысел Турамбара, и кто бы сумел отговорить его?

В сумерках выступили они в путь, однако двинулись не прямоком к Дракону, а сперва прошли по тропе в сторону Переправы, а затем, не доходя до нее, свернули по узкой стежке к югу и вступили в сумрак лесов над Тейглином. А по мере того, как приближались они к ущелью Кабед-эн-Арас, шаг за шагом, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, донесся до них смрадный дым пожарища и тошнотворная вонь. Но вокруг царила гробовая тишина; ни дуновения ветерка не нарушало покоя. Впереди, на востоке, замерцали первые звезды; бледные струйки дыма тянулись вверх — прямо, никуда не отклоняясь, — на фоне догорающего отблеска на западе.

Когда же ушел Турамбар, Ниниэль застыла молча, как каменное изваяние; тут подошел к ней Брандир и молвил:

— Ниниэль, не страшись худшего, пока не настало оно. Но разве не советовал я тебе выждать?

— Советовал, — отозвалась она, — да только что пользы мне в том было бы теперь? Ибо любовь может ждать и страдать и вне брачных уз.

— Знаю, — откликнулся Брандир. — Однако ж брачные узы — не пустое слово.

— Непустое, — кивнула Ниниэль. — Уже два месяца ношу я под сердцем его дитя. Но не кажется мне, что оттого страх утраты гнетет тяжелее. Непонятны мне твои слова.

— Непонятны и мне, — отозвался он. — И все же мне страшно.

— Славный же из тебя утешитель! — воскликнула она. — Но Брандир, друг мой: замужняя ли, безмужняя, дева или мать, только не в силах я выносить этот ужас. Победитель Судьбы ушел сражаться с судьбою далеко отсюда, и как же мне оставаться здесь и ждать, покуда придут нескорые вести, добрые либо дурные? Может статься, уже нынче ночью он повстречается с Драконом — и как же мне пережить эти страшные часы, ежели не найду я себе места?

— Не знаю, — отвечал Брандир, — но так или иначе, а часы эти минуют и для тебя, и для жен тех двоих, что ушли вместе с Турамбаром.

— Пусть поступают они так, как велят им сердца! — воскликнула она. — Что до меня, я здесь не останусь. Многие милы да не отделяют меня от опасности, что грозит моему мужу. Я пойду навстречу вестям!

И потемнело в глазах у Брандира от ужаса при этих словах, и воскликнул он:

— Не сделаешь ты того, если достанет у меня сил удержать тебя. Ибо тем самым ставишь ты под угрозу весь замысел. Только благодаря этим многим милям можно успеть спастись, если случится

худшее.

— Если случится худшее, так спастись я не пожелаю, — молвила она. — Ныне же никчемна твоя мудрость и меня ты не удержишь.

И вышла она к людям, что еще не разбрелись с площади в поселении Эффель и закричала:

— Мужи Бретиля! Я здесь ждать не стану. Если господин мой погибнет, тогда все надежды обернутся ложью. Ваши земли и леса будут выжжены дотла, и все дома ваши обратятся в пепел; и никто, никто не спасется! Так для чего мешкать здесь? Ныне иду я навстречу вестям и тому, что уготовила судьба. Пусть же те, кто со мной согласен, следуют за мною!

Многие захотели сопровождать ее: жены Дорласа и Хунтора, поскольку любимые их ушли с Турамбаром; а другие — из сострадания к Ниниэли и желания поддержать ее; а многих иных поманил в путь сам слух о Драконе — в дерзости своей или безрассудстве (мало зная о зле) надеялись они полюбоваться на деяния славные и неслыханные. Ибо воистину привыкли они видеть в Черном Мече героя столь великого, что мало кому верилось, будто сам Глаурунг способен одержать над ним верх. Потому, не мешкая, выступили они в путь большим отрядом, навстречу опасности, которой не понимали; и почти не отдыхая по дороге, к ночи добрались наконец усталые путники к водопаду Нен Гирит вскорости после того, как ушел оттуда Турамбар. Однако ночь остужает головы; и теперь многие дивились собственной опрометчивости; когда же услышали они от разведчиков, оставшихся там, как близко подобрался Глаурунг и что за отчаянный план измыслил Турамбар, упали они духом и не осмелились идти дальше. Иные встревоженно поглядывали в сторону ущелья Кабед-эн-Арас, но ничего не видели и не слышали, кроме холодного голоса водопада. Ниниэль же устроилась поодаль; все тело ее сотрясала крупная дрожь.

Когда же ушли Ниниэль с отрядом, обратился Брандир к оставшимся:

— Се! Не считаются со мною вовсе и пренебрегают моими советами! Так изберите же себе иного вождя: здесь и сейчас отрекаюсь я от власти и от своего народа. Пусть Турамбар именуется владыкой вашим, раз уже присвоил он все права мои. И пусть никто более не приходит ко мне ни за советом, ни за исцелением!

И Брандир сломал свой жезл. А про себя подумал:

«Ныне ничего больше у меня не осталось, кроме лишь любви к Ниниэли; потому куда пойдет она, ведомая мудростью или безумием, должно идти и мне. В этот темный час ничего нельзя предугадать; но, может статься, даже я смогу оградить ее от какого-либо зла, ежели окажусь поблизости».

Засим Брандир перепоясался коротким мечом, что прежде случалось нечасто, и взял клюку, и поспешил так быстро, как только мог, за ворота, и покинул Эффель, и захромал вдогонку за остальными вниз по долгой дороге к западной границе Бретиля.

Глава XVII

СМЕРТЬ ГЛАУРУНГА

Наконец, когда землю укрыла ночная мгла, Турамбар и его спутники пришли к ущелью Кабед-эн-Арас, и порадовались они гулкому грохоту воды: хотя шум этот наводил на мысль об опасности, поджидающей внизу, зато в нем тонули все прочие звуки. Тогда Дорлас отвел их чуть южнее, и спустились они вниз по расщелине к подножию утеса, но здесь охватил Дорласа страх, ибо реку загромаждало немало каменных глыб и громадных валунов, и бушевал и ярился вокруг них поток, клыками перемалывая все на своем пути.

— Это — путь к верной смерти, — молвил Дорлас.

— Это — единственный путь, будь то к смерти либо к жизни, — возразил Турамбар. — От промедления переправа легче не станет. А потому — за мной!

И Турамбар пошел первым, и благодаря ловкости и доблести, а может быть, и волею судьбы, переправился благополучно и обернулся, и всмотрелся в непроглядную тьму, пытаясь разглядеть, кто идет следом. Рядом с ним обозначилась темная фигура.

— Дорлас? — спросил он.

— Нет, это я, — откликнулся Хунтор. — Дорлас, похоже, сплоховал на переправе. Ибо можно любить войну, и при этом страшиться многого другого. Он сидит и дрожит на берегу, сдастся мне, и да поразит его стыд за речи его к моему родичу.

Турамбар и Хунтор отдохнули немного, но вскорости ночной холод пробрал их до костей, ведь оба они насквозь вымокли, — и они двинулись вдоль реки на север, к лежбищу Глаурунга. Там ущелье сужалось, и вокруг становилось все темнее; пробираясь вперед на ощупь, они различали высоко над головой слабый отблеск, словно от тлеющей головни, и слышали, как взрывает Глаурунг, забывшийся чутким сном. Тут принялись они карабкаться к самому краю обрыва, ибо в этом заключалась вся их надежда — подобраться к врагу снизу, там, где не прикрывает его броня. Но столь нестерпим сделался ныне смрад, что головы у них закружились, и оскальзывались они то и дело, и цеплялись за древесные стволы, и боролись с приступами тошноты, в бедственном своем положении позабыв все свои страхи, кроме одного только: сорваться и рухнуть вниз, прямо на клыки Тейглина.

И молвил Турамбар Хунтору:

— Попусту растрачиваем мы убывающие силы. Пока не будем мы уверены, где именно проползет Дракон, бесполезно подниматься выше.

— Когда мы узнаем доподлинно, поздно будет искать дорогу наверх из ущелья, — отозвался Хунтор.

— Истинно говоришь ты, — молвил Турамбар. — Но там, где все зависит от случая, должно случая и довериться.

Потому остановились они и стали ждать, и видели они из темноты ущелья, как высоко в небе серебристая звезда медленно восходила по тусклой полосе неба; и тогда Турамбар постепенно погрузился в сон, и во сне всю свою волю вложил он в то, чтобы удержаться и не упасть, в то время как черный прилив тащил его вниз, захлестывая ноги.

Внезапно раздался оглушительный шум, стены ущелья дрогнули, из края в край прокатилось эхо. Турамбар разом стряхнул с себя дремоту и сказал Хунтору:

— Дракон пробудился. Час пробил. Рази глубже, ибо ныне двоим должно биться за троих!

И двинулся Глаурунг на Бретиль, и все случилось почти так, как и надеялся Турамбар. Ибо Дракон медленно и тяжело подполз к краю обрыва и не свернул в сторону, но изготовился перебросить через ущелье массивные передние лапы, а потом подтянуть туловище. Ужасом веяло от него; и перебираться он начал не прямо над тем местом, где затаились Турамбар с Хунтором, а чуть севернее, так что снизу видели они гигантскую тень драконьей головы на фоне звезд; и в разверстой пасти его трепетало семь огненных языков. И дохнул Дракон пламенем, так, что все ущелье озарилось алым светом; и черные тени заметались среди камней; деревья прямо перед ним почернели и задымились, и камни с грохотом покатались в реку. Рывком кинулся он вперед, ухватился могучими когтями за край утеса на противоположной стороне и с натугой начал перебираться через провал.

Вот теперь пробил час явить отвагу и проворство. Хотя Турамбар и Хунтор не пострадали от пламени, находясь чуть в стороне от пути Глаурунга, однако ж им еще предстояло подобраться к

Дракону вплотную прежде, чем он переползет через ущелье, или все надежды их пойдут прахом. Засим, презрев опасность, Турамбар вскарабкался вдоль утеса под самое брюхо чудовища, но от нестерпимого жара и смрада зашатался он и непременно сорвался бы, если бы Хунтор, что мужественно поднимался следом, не поддержал его руку.

— Храброе сердце! — промолвил Турамбар. — Удачен был выбор, пославший тебя мне в помощники!

Но не успел договорить он, как огромная глыба сорвалась с вышины и обрушилась Хунтору на голову, и рухнул тот в воду и так погиб — не последний из храбрецов Дома Халет. Тогда воскликнул Турамбар:

— Увы! Горе тому, кого коснется моя тень! Зачем искал я помощи? Ныне один ты, о Победитель Судьбы, что и должен был предвидеть заранее! Так победи в одиночку!

Тогда призвал он на помощь всю свою волю, и всю ненависть к Дракону и его Повелителю, и померещилось Туруину, будто внезапно обрел он новую, доселе неиспытанную силу — духовную и телесную; и вскарабкался он по скале, с камня на камень, от корневища к корневищу, пока не ухватился наконец за хрупкое деревце, что росло под самой кромкой обрыва, и хотя верхушку его испепелило пламя, корнями держалось оно по-прежнему крепко. И едва обрел Турин опору в развилке ветвей, прямо над его головою, едва ее не задевая, нависло драконье брюхо и заколыхалось под собственной тяжестью, прежде чем Глаурунг сумел приподняться. Бледное и морщинистое, сочилось оно серой слизью, на которую налип всякий сор; и разило от него смертью. Тогда Турамбар извлек из ножен Черный Меч Белега и нанес удар снизу вверх, вложив в него всю свою мощь и всю свою ненависть, и смертоносное лезвие, длинное и алчное, вошло в плоть по самую рукоять.

Почуял Глаурунг смертную боль и издал пронзительный визг, от коего содрогнулись все окрестные леса, а дозорных у водопада Нен Гирит объял страх. Пошатнулся Турамбар, словно от удара, и соскользнул вниз, и не удержал он в пальцах меча — клинок остался торчать в драконьем брюхе. Ибо в приступе нестерпимой муки выгнулся Дракон всем своим содрогающимся туловом и с усилием перебросился через ущелье, и там, на противоположной стороне, корчился он и ревел, бил хвостом и извивался в агонии, пока не учинил повсюду вокруг великого разрушения, и, наконец, вытянулся и застыл недвижно в дыму, посреди разоренной пустоши.

Турамбар же, оглушенный и обессиленный, ухватился за корни дерева. Но возобладал он над слабостью, и заставил себя продолжать спуск, и, где сползая вниз, а где соскальзывая, кое-как добрался до реки и вновь бросил вызов опасной переправе — на четвереньках, цепляясь за что придется, ничего не видя из-за водяных брызг, — пока не оказался наконец на другом берегу и не вскарабкался устало вверх по расселине, по которой спускался прежде вместе со спутниками. Так наконец добрался он до умирающего Дракона, и взглянул на поверженного врага без жалости, и возрадовался душой.

Глаурунг распростерся перед ним на земле с разверстой пастью, однако пламя его выгорело дотла и злобные глаза были закрыты. Вытянувшись во всю длину, лежал он на боку, и Гуртанг торчал из брюха. И воспрял Турамбар душой, и пожелал он вернуть свой меч, хотя Дракон еще дышал, — и если ценил он свой клинок прежде, то теперь стал Гуртанг в глазах владельца дороже всех сокровищ Нарготронда. Так сбылись слова, сказанные при отковке меча — никто не выживет, ни великий, ни малый, ежели вопьется в него это лезвие.

И вот, подойдя к недругу своему вплотную, Турин уперся ногою в брюхо чудовища и, ухватившись за рукоять Гуртанга, изо всех сил потянул меч на себя. И воскликнул он, в насмешку над речами Дракона в Нарготронде:

— Привет тебе, Змий Моргота! Вот и повстречались мы снова! Умри же, и да поглотит тебя тьма! Се — отомщен Турин, сын Хурина.

И выдернул он меч, и черная кровь струей хлынула из раны и окатила его руку, и обожгло ее ядом, и громко вскрикнул Турамбар от боли. Тогда зашевелился Глаурунг, и открыл жуткие глаза, и взглянул на Турамбара с такой злобой, что померещилось тому, будто в грудь ему ударила стрела; и столь велики были потрясение и боль в обожженной руке, что Турин лишился чувств и упал как подкошенный рядом с Драконом, накрыв меч своим телом.

Рев и визг Глаурунга донесли до людей, ожидавших близ Нен Гирит, и преисполнились они ужаса; когда же увидели издалека дозорные великие разрушения и пожарище там, где Дракон бился в предсмертных муках, подумали они, что чудовище затаптывает и уничтожает своих противников. Тогда воистину пожалели они, что между ними и Драконом — не так много миль, но побоялись уходить с возвышенности, памятуя о словах Турамбара: если Глаурунг одержит победу, то первым делом поползет к поселению Эффель Брандир. Потому в страхе ждали они, чтобы Дракон стронулся с места, и ни у кого не хватило храбрости спуститься к месту битвы и разведать, что происходит. Ниниэль же сидела недвижно, только дрожала всем телом, не в силах унять озноба; ибо

едва слышала она вопль Глаурунга, как сердце замерло у нее в груди и ощутила она, как тьма вновь смыкается вокруг нее.

Там нашел ее Брандир. Он наконец-то добрался до моста через Келеброс — нескоро, падая с ног от усталости; весь этот долгий путь — а до Брандирова дома было по меньшей мере лиг пять — проковылял он в одиночку, опираясь на клюку. Страх за Ниниэль гнал его вперед, а теперь узнал он, что худшие его опасения оправдались.

— Дракон переправился через реку, — рассказывали люди, — а Черный Меч наверняка погиб, равно как и его спутники.

Тогда подошел Брандир к Ниниэли, и понял ее горе, и преисполнился сочувствия, но подумал он все же: «Черный Меч мертв, а Ниниэль жива». И задрожал он, ибо внезапно словно бы холодом повеяло у вод Нен Гирит; и набросил он на Ниниэль свой плащ. Однако слова не шли у него с языка; молчала и она.

Время текло, и по-прежнему безмолвно стоял рядом с нею Брандир, вглядываясь в ночь и прислушиваясь; но ничего не видел он и не слышал ни звука, кроме шума водопада Нен Гирит; и подумал он: «Вот теперь Глаурунг наверняка уполз в Бретиль». Однако более не испытывал он жалости к своим соплеменникам — глупцам, что презрели его советы и насмеялись над ним. «Пусть отправляется Дракон на Амон Обель: тогда у нас будет время бежать и успею я увести Ниниэль прочь». А куда, он и сам толком не знал, ибо дальше Бретиля не бывал веки.

Наконец наклонился он и коснулся плеча Ниниэли, и молвил:

— Ниниэль, время летит! Пойдем же! Пора в путь. Если позволишь ты мне, я поведу тебя.

Молча поднялась она и взяла его за руку, и перешли они мост и спустились по тропе к Переправе Тейглина. Те же, что заметили, как скользят они сквозь темноту словно тени, не поняли, кто перед ними — да и не до того людям было. Недалеко ушли они через безмолвный лес, когда из-за холма Амон Обель встала луна и залила поляны бледным светом. Тогда остановилась Ниниэль и спросила у Брандира:

— Разве сюда лежит наш путь?

И отвечал он:

— Какой путь? Ибо не осталось для нас в Бретиле надежды. Нету нас иного пути, кроме как спастись от Глаурунга и бежать от него как можно дальше, пока есть еще время.

Поглядела на него Ниниэль удивленно и молвила:

— Разве не к нему предлагал ты отвести меня? Или хочешь ты меня обмануть? Черный Меч был моим возлюбленным и мужем. Искать его иду я — и только за этим. А ты ожидал иного? Теперь поступай как знаешь, а мне должно поспешить.

На мгновение Брандир потрясенно застыл на месте, она же кинулась прочь; а он закричал ей вслед, зывая:

— Подожди, Ниниэль! Не уходи одна! Ты сама не знаешь, что ждет тебя там. Я пойду с тобой!

Ниниэль словно не слышала; теперь спешила она вперед, как будто кровь в ее жилах, еще недавно холодная, пылала огнем; и хотя Брандир торопился за ней как мог, вскорости исчезла она из виду. Тогда проклял он судьбу свою и слабость; но вспять не повернул.

К тому времени серебристая луна поднялась высоко в небо: близилось полнолуние. И пока бежала Ниниэль вниз по склону к реке, казалось ей, будто вспоминает она эти места — и внушают они ей страх. Ибо вышла она к Переправе Тейглина, и здесь, перед нею, в лунном свете смутно белел курган Хауд-эн-Эллет, и лежала на нем наискось черная тень; и исходил от кургана леденящий ужас.

С криком отвернулась она и побежала на юг вдоль реки, сбросив на бегу плащ, — словно стряхивая с себя вязкую тьму; а под плащом была она вся в белом, и сияла в лунном луче, мелькая между дерев. Брандир заметил ее сверху, со склона холма, и повернул ей наперерез, надеясь перехватить ее, если удастся; посчастливилось ему отыскать ту крутую узкую стежку, которой воспользовался Турамбар, — и наконец он вновь почти догнал беглянку. Однако сколько ни звал он, Ниниэль не внимала, а может статься, и не слышала, и вскоре опять оставила его далеко позади; и так приблизились они к лесам близ ущелья Кабед-эн-Арас и к месту предсмертной агонии Глаурунга.

Луна плыла в южной части безоблачного неба, струя холодный, чистый свет. Приблизившись к краю разоренной Глаурунгом прогаины, Ниниэль увидела неподвижную тушу Дракона — брюхо

тускло серело в лунном свете; а рядом лежал человек. Позабыв про страх, бросилась она через дымящееся пожарище и подбежала к Турамбару. Он лежал на боку, накрыв меч своим телом; а лицо его в призрачном лунном свете казалось бледным как смерть. Рыдая, бросилась Ниниэль наземь рядом с ним и покрыла лицо его поцелуями; и показалось ей, он слабодышит, но сочла она это обманной надеждой, ибо был он недвижим и холоден, и не отвечал ей. Лаская его, заметила Ниниэль, что рука его почернела, словно обожженная, и омыла она его руку слезами и перевязала, оторвав лоскут от своего платья. Однако по-прежнему не пошевелился он при ее прикосновении, и поцеловала она его снова, и громко воскликнула:

— Турамбар, Турамбар, вернись! Услышь меня! Очнись! Ибо Ниниэль это. Дракон мертв, мертв, и здесь, с тобою, одна только я!

Турин же безмолвствовал. Голос Ниниэли услышал Брандир — к тому времени и он добрался до края пожарища; но едва шагнул он к Ниниэли, как вдруг замер и словно прирос к месту. Ибо при крике Ниниэли Глаурунг пошевелился в последний раз: дрожь пробежала по его телу, чуть приоткрыл он свои жуткие глаза, и в узких щелях блеснул лунный блик; и проговорил он, задыхаясь:

— Привет тебе, Низнор, дочь Хурина. Довелось нам перед смертью встретиться вновь. Обрадую тебя: ты нашла наконец своего брата. Узнай же ныне, каков он: ночной убийца, вероломный враг и бесчестный друг, проклятие родни своей, Турин, сын Хурина! Но худшее из его деяний ты, верно, уже ощущаешь в себе.

Ниниэль осталась сидеть, словно оглушенная, Глаурунг же издох, и со смертью Дракона пелена забвения, сотканная его злобой, пала с Ниниэли, и прояснились ее воспоминания, день за днем, не забыла она и того, что случилось с нею с тех пор, как рухнула она наземь на кургане Хауд-эн-Эллет. И содрогнулась она от ужаса и горя. Брандир же, что слышал все от слова и до слова, оперся о дерево, до глубины души потрясенный.

Внезапно Ниниэль вскочила на ноги: точно бледный призрак в лунном свете, стояла она там, глядя на лежащего Турина. И воскликнула она:

— Прощай, о дважды любимый! А Турин *Турамбар турун'амбартанен*: победитель судьбы, судьбой побежденный! Счастлив ты — ибо умер!

Вне себя от отчаяния и ужаса, кинулась она бежать от этого места, куда глаза глядят; Брандир же заковылял вслед за нею, крича:

— Подожди! Подожди! Ниниэль!

На миг лишь задержалась она, обернувшись и глядя на него расширенными глазами.

— Подождать? — отвечала она. — Подождать, говоришь? Неизменно таков был совет твой. Кабы я к нему прислушалась! Теперь слишком поздно. Нечего мне более ждать в Средиземье. — И вновь бросилась она бежать, не оглядываясь.

Вскорости оказалась она на краю ущелья Кабед-эн-Арас и встала там, глядя вниз, на грохочущий поток, и воскликнула:

— Река, река! Прими же ныне Ниниэль Низнор, дочь Хурина, прозванную Скорбью — Скорбнюю дочь Морвен! Прими меня и унеси меня к Морю!

С этими словами она кинулась вниз с обрыва: белый отблеск поглотила темная пропасть, и крик потонул в реве воды.

Река Тейглин по-прежнему текла себе вдаль, как ни в чем не бывало, но Кабед-эн-Арас не существовал более: Кабед Наэрамарт, Прыжок Злой Судьбы — вот как называли его впредь люди; ибо вовеки не перепрыгивал более через ту пропасть олень, и все живое чуждалось этого места; и никто из смертных не приближался к обрыву. Последним, кому довелось заглянуть вниз, в темную бездну, был Брандир, сын Хандира; и отвернулся он, охваченный страхом, ибо сердце у него сжалось, и хотя жизнь ныне сделалась ему ненавистна, не нашел он в себе сил встретить здесь желанную смерть. Тут мысли его обратились к Турину Турамбару, и воскликнул он:

— Чего во мне больше — ненависти или сострадания? Но ты мертв. Ничем я тебе не обязан, не ты ли забрал у меня все, чем владел я — или мечтал завладеть? Однако соплеменники мои перед тобою в долгу. И должно им узнать о том от меня.

И захромал он обратно к водопаду Нен Гирит, и, содрогнувшись, обошел место гибели Дракона стороной; и, вновь поднимаясь по крутой тропке, заметил он, как из-за деревьев выглянул человек — и при виде него отпрянул назад. Но узнал его Брандир в отблеске заходящей луны.

— Эй, Дорлас! — воскликнул он. — Что можешь порассказать ты? Как же удалось тебе уцелеть? И где мой родич?

— Не знаю, — угрюмо буркнул Дорлас.

— Странно это, — заметил Брандир.

— Ежели угодно тебе знать, так Черный Меч погнал нас в темноте вброд через стремительный Тейглин, — отвечал Дорлас. — Стоит ли удивляться, что не преуспел я? С секирой управляюсь я лучше, чем на ногах-то у меня не копыта!

— Значит, на Дракона они пошли без тебя? — продолжал расспрашивать Брандир. — Как же, если он переправился на другую сторону? По крайней мере ты, верно, держался поблизости и видел, как все было.

Дорлас ничего на это не ответил, лишь посмотрел на Брандира ненавидящим взглядом. И тут понял внезапно Брандир, что этот человек бросил своих спутников и, сгорая от стыда, спрятался в лесу.

— Позор тебе, Дорлас! — промолвил он. — Ты, и только ты, повинен во всех наших бедствиях: это ты подзадоривал Черного Меча, и приманил к нам Дракона, и выставил меня на посмешище, и увлек Хунтора на верную гибель, а теперь малодушно бежал и схоронился в лесу! — И не успел он договорить, как в голову ему пришла новая мысль, и воскликнул он в великом гневе: — Отчего же не вернулся ты к людям с вестями? Хотя бы этим искупил бы ты свою вину! Сообщи ты о случившемся, госпоже Ниниэли не пришлось бы отправляться на розыски самой. Тогда, верно, не повстречалась бы она с Драконом. И, может статься, не погибла бы. Дорлас, я ненавижу тебя!

— Оставь свою ненависть при себе! — бросил Дорлас. — Столь же никчемна она, как и все твои советы. Кабы не я, так пришли бы орки и подвесили бы тебя на дереве пугалом в твоём же саду — птиц отгонять. Сам ты — трус малодушный!

И с этими словами, пуще обычного разъярившись от пережитого унижения, замахнулся он на Брандира тяжелым кулаком, — и на том завершилась его жизнь прежде, чем в глазах угасло изумление, — ибо Брандир выхватил меч и зарубил его одним ударом. Мгновение постоял он на месте, дрожа крупной дрожью, — дурно ему стало при виде крови; и, швырнув наземь меч, развернулся он и побрел своим путем, тяжело опираясь на клюку.

Когда же добрался Брандир до водопада Нен Гирит, мертвенно-бледная луна уже села и понемногу светало: на востоке занималось утро. Люди, что еще ждали в страхе у моста, заметили его приближение — словно серая тень замаячила в предрассветных сумерках, — и удивленно его окликнули:

— Где ты был? Видел ли ты ее? Ибо госпожа Ниниэль покинула нас.

— Да, — подтвердил Брандир, — она нас покинула. Покинула, навсегда покинула, и не вернется вовеки! Я же пришел рассказать вам о случившемся. Внемлите же, о люди Бретилия, и скажите, слышал ли кто подобную повесть! Дракон мертв — и Турамбар остался лежать мертвым подле него. Добрые то вести: да, и то, и другое — вести воистину добрые.

При этих словах зашептались люди, дивясь его речам, и говорили иные, что он, верно, безумен; но воскликнул Брандир:

— Выслушайте меня до конца! Ниниэль тоже мертва, прекрасная Ниниэль, которую любили вы, а я так любил превыше всех прочих. Кинулась она вниз с обрыва в ущелье, что зовем мы Олений Прыжок, прямо в клыкастую пасть Тейглина. Шагнула она навстречу смерти, ненавидя свет дня. Ибо вот что узнала она, прежде чем бежала прочь: они с Турамбаром оба — дети Хурина, брат и сестра. Мормегилем прозвали его; Турамбаром нарек себя он сам, скрывая былое; но он — Турин, сын Хурина. Мы дали ей имя Ниниэль, не зная о ее прошлом; а была это Низнор, дочь Хурина. В Бретиль принесли они тень своей темной судьбы. Здесь-то и настиг их рок, и горя этого здешней земле не избыть вовеки. Не зовите ее более Бретилем, не зовите и землею халетрим; имя ей отныне *Сарх ниа Нин Хурин*, «Могила детей Хурина»!

Тогда, пусть и не понимая до поры, как могло случиться такое зло, зарыдали люди, а иные сказали так:

— В Тейглине обрела могилу любимая всеми Ниниэль, но подобает упокоиться в могиле и Турамбару, храбрейшему из мужей. Не след бросать тело избавителя нашего под открытым небом. Пойдемте же к нему.

Глава XVIII

СМЕРТЬ ТУРИНА

Едва бежала Ниниэль прочь, пошевелился Турин, и померещилось ему, словно из глубин тьмы слышит он ее далекий зов; а как только Глаурунг испустил дух, черное забытие оставило Турина — и вновь стал дышать он полной грудью, и вздохнул, и тотчас задремал от великой усталости. Но перед зарей резко похолодало, и повернулся он во сне, и рукоять Гуртанга впилась ему в бок, и спящий разом пробудился. Ночь была на исходе, в воздухе ощущалось дуновение утра. Турин вскочил на ноги, вспомнив о своей победе и об ожоге от яда на руке. И поднял он руку, и пригляделся, и весьма подивился. Ибо перевязана была рука лоскутом белой ткани, влажным насквозь, и боль поутихла; и сказал он себе: «Отчего же кто-то обо мне позаботился, однако ж бросил меня лежать здесь, на холоде, посреди пожарища, в облаке драконьего смрада? Что за странные дела творятся?»

И позвал он вслух, но не было ему ответа. Все вокруг, куда ни кинь взгляд, казалось черным и мрачным, и над землей нависал запах смерти. Нагнулся Турин и подобрал с земли меч; клинок был цел и ничуть не потускнело его лезвие.

— Пагубен яд Глаурунга, — промолвил Турин, — ты же, Гуртанг, сильнее меня. Любая кровь тебе мила. Победа — за тобой. Но полно! Должно мне идти искать помощи. Ибо устал я и измучен, и продрог до костей.

И повернулся он спиной к Глаурунгу, оставив мертвую тушу гнить; и направился прочь от того места. Каждый шаг давался ему труднее, нежели предыдущий, и подумал он: «У водопада Нен Гирит, может статься, дожидается меня кто-нибудь из дозорных. Однако ж хотелось бы мне поскорее оказаться дома, где исцелят меня нежные руки Ниниэли и благое искусство Брандира!»

И побрел он устало, опираясь на Гуртанг, сквозь серые рассветные сумерки, и добрался наконец до водопада Нен Гирит, и предстал перед людьми, когда те собрались уже на поиски его мертвого тела.

И отпрянули люди в страхе, решив, что видят неупокоенный призрак; и запричитали женщины, и закрыли лица руками. Но молвил Турин:

— Нет, не рыдайте, но радуйтесь! Взгляните же! Разве не жив я? И разве не сразил я Дракона, внушавшего вам такой страх?

Тогда накинулись соплеменники на Брандира и закричали:

— Глупец, будь ты неладен со своими лживыми рассказами — зачем болтал ты, будто лежит он мертвым? Разве не говорили мы, что ты безумен?

Брандир же, потрясенный до глубины души, в страхе глядел на Турина, не в силах вымолвить ни слова. И обратился к нему Турин:

— Значит, это ты побывал там и уврачевал мне руку? Благодарю тебя. Но убывает твое искусство, если не в силах ты отличить забытие от смерти. — И вновь обернулся он к людям: — Не смейте так говорить с ним, глупцы вы все до единого. Кто из вас сделал бы больше? У него хотя бы достало мужества дойти до места битвы, пока вы ждали здесь, стеная и плача!

А теперь, сын Хандира, многое хотелось бы мне узнать. Зачем ты здесь, а также и все эти люди, которых оставил я в селении Эффель? Ежели рискую я жизнью ради вас, так неужто не вправе я ждать от вас повиновения в мое отсутствие? И где Ниниэль? Не терпится мне увидеться с нею. Уповаю, что уж ее-то не увели вы сюда, но оставили там, где я наказал ей быть — в моем доме и под надежной защитой?

Когда же не ответил ему никто, воскликнул он:

— Ну же, говорите, где Ниниэль? Ее первой хотелось бы мне увидеть; ей первой перескажу я повесть о деяниях минувшей ночи.

Все отводили глаза, и молвил наконец Брандир:

— Ниниэли здесь нет.

— Это хорошо, — отозвался Турин. — Тогда вернусь я домой. Не найдется ли для меня лошади? А лучше бы носилок. После пережитого я с ног падаю.

— Нет, нет! — вымолвил Брандир с болью в сердце. — Опустел твой дом. Ниниэли там нет. Она мертва.

Тут одна из женщин — жена Дорласа, что Брандира не жаловала, — завопила пронзительно:

— Не слушай его, господин! Несчастный утратил разум. Явился он, крича, что ты мертв, и назвал это добрыми вестями. Но ты-то жив! Может статься, и рассказ его про Ниниэль далек от правды: что она-де погибла, и много чего похуже!

Турин шагнул к Брандиру:

— Значит, по-твоему, смерть моя — это хорошие вести? — воскликнул он. — Да, всегда ревновал ты ее ко мне, и я о том знал. Теперь говоришь ты, она мертва. И много чего похуже? Что за ложь измыслил ты во злобе своей, Колченогий? Или хочешь ты убить нас гнусными речами, раз иным оружием не владеешь?

Тогда гнев вытеснил из сердца Брандира жалость, и закричал он:

— Утратил разум? Нет, разум утратил ты, Черный Меч черной судьбы! Равно как и весь этот скудоумный народ. Я не лгу! Ниниэль мертва, мертва, мертва! Ищи ее в Тейглине!

Турин застыл на месте.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросил он. — И каким ухищрением добился ты того?

— Знаю, потому что видел, как она бросилась вниз с обрыва, — отвечал Брандир. — И добился того ты, а не я. От тебя бежала она, Турин, сын Хурина, и в Кабед-эн-Арас бросилась она, лишь бы не видеть тебя никогда. Ниниэль! Ниниэль! Нет, Ниэнор, дочь Хурина.

Тут схватил его Турин и с силой встряхнул за плечи; ибо в словах Брандира послышалась ему неумолимая поступь надвигающегося рока; однако во власти ужаса и ярости сердце его не желало принимать услышанного: так смертельно раненный зверь тщится причинить боль всем вокруг, перед тем как испустит дух.

— Верно, я — Турин, сын Хурина, — закричал он. — И догадался ты о том давным-давно. Но ничего неведомо тебе о сестре моей Ниэнор. Ничего, слышишь! Живет она в Сокрытом Королевстве, в мире и безопасности. Ложь эту измыслил твой подлый ум, дабы довести жену мою до помешательства, а теперь и меня. Ты, хромоногий злодей — или хочешь ты затравить нас до смерти? Но Брандир сбросил с плеча его руку.

— Не прикасайся ко мне! — рек он. — И полно тебе бесноваться. Та, кого звал ты женой, пришла к тебе и врачевала тебя, да только не ответил ты на ее зов. Зато отозвался другой: Дракон Глаурунг, который, как понимаю я, околдовал вас обоих на погибель. Так сказал он прежде, чем издох: «Ниэнор, дочь Хурина, вот брат твой: вероломный враг и бесчестный друг, проклятие родни своей, Турин, сын Хурина».

Внезапно расхохотался Брандир как одержимый.

— Говорят, в предсмертный час люди рекнут истину, — хрипло смеялся он. — Сдается, что и драконы тако же. Турин, сын Хурина, ты — проклятие родни своей и всех, кто приютит тебя!

Стиснул Турин рукоять Гуртанга, и глаза его вспыхнули беспощадным огнем.

— А что про тебя сказать, Колченогий? — медленно произнес он. — Кто за моей спиной тайно выдал ей мое настоящее имя? Кто привел ее к Дракону, так что оказалась она во власти его злобы? Кто стоял в стороне и пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее от гибели? Кто пришел сюда, дабы растрюбить об этом ужасе, нимало не мешкая? Кто теперь злорадствует, на меня глядя? Говоришь, люди перед смертью рекнут истину? Так реки, да побыстрее!

Брандир же, прочтя в лице Турина свой смертный приговор, не дрогнул и не стронулся с места, хотя не было при нем иного оружия, кроме клюки, и молвил он:

— Обо всем, что случилось, рассказ затянется надолго, а ты мне прискучил. Клевещешь ты на меня, сын Хурина. Напраслину ли возвел на тебя Глаурунг? Ежели убьешь ты меня, все убедятся, что Дракон не солгал. Однако ж не страшусь я смерти: ибо тогда отправлюсь я на поиски Ниниэли, которую любил я, и, может статься, и впрямь найду ее за Морем.

— На поиски Ниниэли! — воскликнул Турин. — Нет же, Глаурунга ты найдешь, а не Ниниэль; вместе с Глаурунгом станете вы измышлять новую ложь. Уснешь ты бок о бок со Змием, задушевым своим другом, и сгниете вы в одной и той же тьме!

И замахнулся он Гуртангом, и зарубил Брандира, и сразил его насмерть. И отворотились люди, не в силах смотреть на это злодеяние, когда же развернулся Турин и зашагал прочь от Нен Гирит, бежали от него в ужасе.

И бродил Турин как помешанный в лесной глуши, то проклиная Средиземье и жизнь человеческую, а то призывая Ниниэль. Когда же наконец оставило его безумие горя, присел он на землю и задумался о деяниях своих, и словно со стороны услышал свой голос: «Живет она в Сокрытом Королевстве, в мире и безопасности!». И порешил Турин, что теперь, пусть жизнь его загублена, должно ему отправиться туда; ибо лживые измышления Глаурунга неизменно сбивали его с пути. Потому поднялся он, и отправился к Переправе Тейглина, и, минуя Хауд-эн-Эллет, воскликнул:

— Горько поплатился я, о Финдуилас, за то, что прислушался к Дракону! Пошли мне ныне добрый совет!

И едва договорил Турин, как увидел: двенадцать хорошо вооруженных воинов перешли через Переправу. То были эльфы, и, едва они приблизились, Турин узнал одного из них — Маблунга, предводителя охотников Тингола. И окликнул его Маблунг приветственно:

— Турин! Наконец-то мы встретились! Я тебя разыскиваю — и рад видеть тебя живым и невредимым, пусть годы и явились для тебя тяжким испытанием.

— Тяжким! — воскликнул Турин. — О да, словно поступь Моргота. Но если ты и впрямь рад видеть меня в живых, так ты — последний из обитателей Средиземья, о ком можно сказать такое. И почему же ты радуешься?

— Потому, что среди нас уважают и чтят тебя, — отвечал Маблунг, — и хотя спасся ты от многих опасностей, в конце концов испугался я за тебя. Своими глазами видел я, как Глаурунг покинул свое убежище; и подумалось мне, что исполнил он свой гнусный замысел и теперь возвращается к Повелителю. Но Дракон свернул к Бретилию; и тогда же узнал я от скитальцев той земли, что вновь объявился там Черный Меч Нарготронда и орки бегут прочь от бретильских границ, словно сама смерть гонится за ними по пятам. Тогда накатило на меня недоброе предчувствие, и сказал я себе: «Увы! Глаурунг держит путь туда, куда не дерзнут пробраться орки, — а разыскивает он Турина». Засим поспешил я сюда сколь можно быстрее, дабы предупредить тебя и помочь тебе.

— Быстро, да не слишком, — отвечал Турин. — Глаурунг повержен.

Изумленно поглядели на него эльфы и воскликнули:

— Ты умертвил Великого Змия! Да славится твое имя вовеки среди эльфов и людей!

— Мне все равно, — отозвался Турин. — Сердце мое тоже мертво. Но раз явились вы из Дориата, поведайте мне о родне моей. Ибо сказали мне в Дор-ломине, будто мать моя и сестра бежали в Сокрытое Королевство.

Промолчали эльфы, но наконец заговорил Маблунг:

— Да, так все и было — за год до появления Дракона. Ныне уже нет их там, увы!

Замерло у Турина сердце, и слышал он поступь рока, преследующего его до последнего рубежа.

— Продолжай! — закричал он. — Да не мешкай!

— Отправились они в глушь искать тебя, — промолвил Маблунг. — Все отговаривали их; но когда стало известно, что Черный Меч — это ты, непременно желали они ехать в Нарготронд; и появился Глаурунг, и разогнал их охрану. С тех пор никто не видел Морвен; а Ниэнор, оказавшись во власти чар, лишилась дара речи и бежала на север в леса, словно дикая лань, и пропала.

Тут расхохотался Турин громким, резким смехом, к вящему изумлению эльфов.

— Не шутка ли это? — воскликнул он. — О, прекрасная Ниэнор! Выходит, убежала она из Дориата к Дракону, а от Дракона — ко мне. Вот ведь великая милость судьбы! Смуглой, как ягода, была она, темноволосая, миниатюрная и хрупкая, словно эльфийское дитя — как же ее не узнать!

— Ты заблуждаешься, — удивленно отозвался Маблунг. — Вовсе не такова была сестра твоя. Была она высокая, статная, синеглазая, а волосы — чистое золото; как две капли воды походила она на Хурина, отца своего, только в женском обличье. Ты, верно, ее не видел!

— Не видел, Маблунг, не видел, говоришь ты? — закричал Турин. — А почему нет? Ибо смотри: слеп я! Ты разве не знал? Слеп, слеп, с самого детства на ощупь пробираюсь я сквозь мгlistый туман Моргота! Посему оставь меня! Ступай, ступай прочь! Возвращайся в Дориат, да сгубит его зима! Да будет проклят Менегрот! Да будет проклято поручение твое! — воскликнул Турин. — Только этого лишь и доставало. Теперь наступает ночь!

И он бросился прочь быстрее ветра, эльфы же преисполнились изумления и страха. Но рек Маблунг:

— Случилось нечто странное и страшное — о чем нам неизвестно. Поспешим же за ним и поможем ему, ежели в наших это силах: ибо ныне владеет им одержимость обреченного.

Турин же далеко обогнал их, и прибежал к ущелью Кабед-эн-Арас, и застыл на месте; и слышал он рев реки, и увидел, что все деревья вокруг, далеко и близко, увяли и иссохли, и жухлые листья скорбно опадают с ветвей, словно в первые дни лета пришла зима.

— Кабед-эн-Арас, Кабед Наэрамарт! — воскликнул он. — Не оскверню я твоих вод, в коих омылась Ниниэль. Злом обернулись все мои деяния, а последнее — злом наихудшим.

Тут извлек он из ножен меч и молвил:

— Привет тебе, Гуртанг, железо смерти, один ты ныне остался со мною! Ни господина, ни верности не знаешь ты, повинуюсь лишь руке, в которую вложен. Ничьей кровью не побрезгуешь ты. Так примешь ли ты Турина Турамбара? Дашь ли мне быструю смерть?

И зазвенел в ответ холодный голос клинка:

— О да, охотно выпью я твою кровь, чтобы позабыть вкус крови хозяина моего Белега, и вкус крови Брандира, убитого безвинно. Я дам тебе быструю смерть.

Тогда Турин укрепил меч рукоятью в земле и бросился на острие Гуртанга, и черный клинок взял его жизнь.

Приблизился Маблунг и окинул взором отвратительную тушу мертвого Глаурунга, и лежащего рядом Турина; и опечалился, вспоминая Хурина — каким видел его в битве Нирнаэт Арноэдиад, — и думая о страшной судьбе его рода. А пока стояли там эльфы, пришли от водопада Нен Гирит люди поглядеть на Дракона; и, увидев, к какому концу пришла жизнь Турина Турамбара, зарыдали они; эльфы же, узнав наконец, чем подсказаны были слова Турина, к ним обращенные, преисполнились ужаса. И молвил с горечью Маблунг:

— И я оказался вовлечен в судьбу детей Хурина: словами убил я того, кто был мне дорог.

Когда же подняли тело Турина, увидели все, что меч его переломился надвое. Так сгнуло все, чем владел он.

И вот те, кто там был, принесли дров, и сложили их высокой грудой, и запалили громадный костер, и сожгли тушу Дракона, так что ничего от него не осталось, кроме черного пепла, и кости его рассыпались в прах, а на выжженной пустоши впредь так и не выросло ни травинки. Турина же погребли в высоком кургане, на том самом месте, где упал он; и обломки Гуртанга предали земле вместе с ним. Когда же все было сделано и менестрели людей и эльфов сложили скорбную песнь о доблести Турамбара и красоте Ниниэли, принесли огромный серый камень и установили его на вершине кургана, а на нем начертали эльфы Рунами Дориата:

А ниже приписали:

Но не там обрела она могилу; никто и никогда не узнал, куда унесли ее тело студеные воды Тейглина.

На сем завершается «Повесть о детях Хурина» самая долгая из песней Белерианда.

После гибели Турина и Низнор Моргот, во исполнение своего злобного замысла, освободил Хурина от оков. Скитаясь по свету, Хурин добрался до леса Бретиль и в вечерних сумерках поднялся от Переправы Тейглина к тому месту, где сожжен был Глаурунг, и к громадному камню, установленному на краю Кабед Наэрамарт. О том, что там случилось, повествуется ниже.

Хурин не взглянул на камень, ибо знал надпись наизусть; он уже заметил, что находится на скале не один. В тени камня на коленях застыла смутно различимая фигура. Казалось, то — какой-нибудь бездомный бродяга, согбенный годами и слишком измученный, чтобы заметить его появление; однако лохмотья его наводили на мысль о женском платье. Наконец, пока стоял там Хурин, не говоря ни слова, странница откинула истрепанный капюшон и медленно подняла голову, открыв лицо — изможденное, изголодавшееся, под стать загнанному волку. Седа была она, нос — заострился, зубы искрошились; тощей иссохшей рукой она теребила плащ на груди. Но вот глаза их встретились, и Хурин тотчас узнал ее: ибо хотя блуждающий взгляд женщины ныне был исполнен страха, в нем по-прежнему сиял отблеск света, выдержать который удавалось не всякому: этот

эльфийский свет некогда снискал ей, самой гордой из смертных дев древности, имя Эледвен.

— Эледвен! Эледвен! — воскликнул Хурин; и поднялась она с земли, и с трудом заковыляла к нему, и Хурин обнял ее и привлек к груди.

— Ты пришел наконец, — молвила она. — Слишком долго пришлось мне ждать.

— Путь мой лежал во мгле. Я пришел, когда смог, — отозвался Хурин.

— Поздно, — отвечала Морвен, — слишком поздно. Они сгинули.

— Знаю, — откликнулся он. — Но ты со мной.

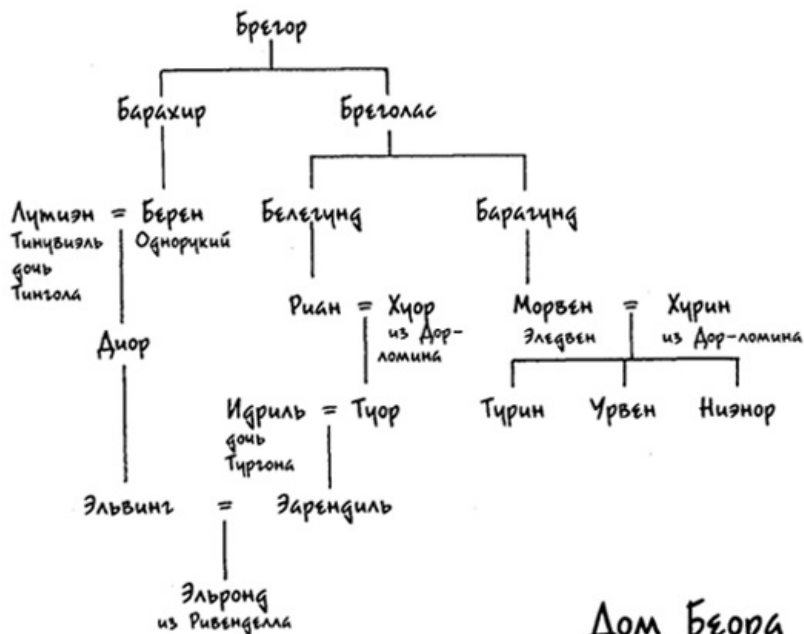
— Ненадолго, — отозвалась Морвен. — Силы мои на исходе. Я уйду вместе с солнцем. А они — сгинули! — Она судорожно вцепилась в плащ. — Времени мало. Если ты знаешь, расскажи мне! Как удалось ей отыскать его?

Не ответил Хурин, и сел он под камнем, держа Морвен в объятиях, и более не вымолвили они ни слова. Солнце закатилось, Морвен вздохнула, сжала руку мужа — и застыла недвижно, и понял Хурин: она мертва.

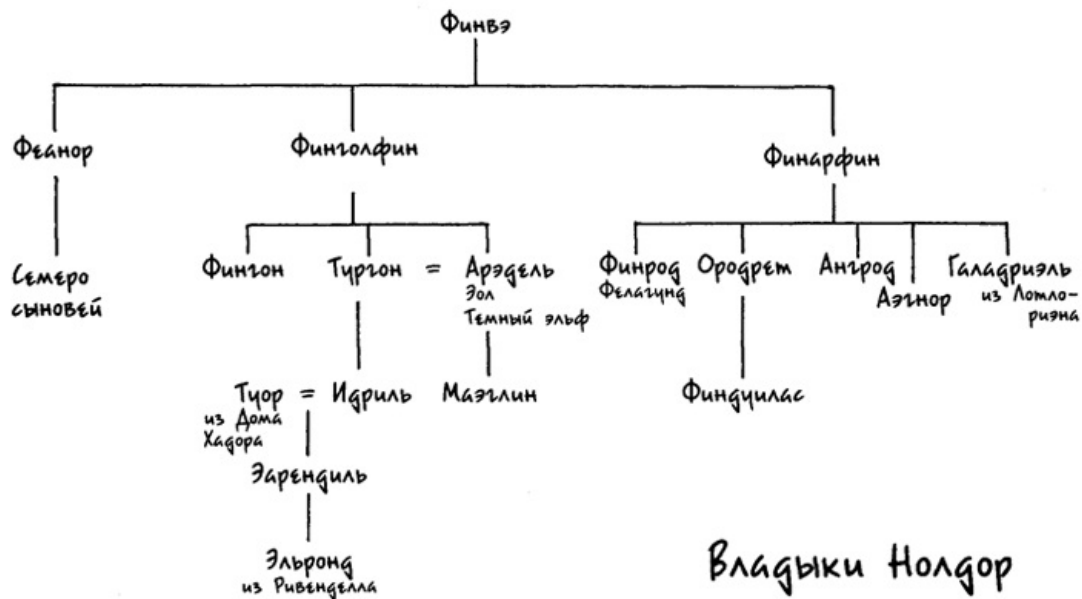
ГЕНЕАЛОГИИ

Дом Хадора и народ Халет

Дом Беора

ПРИЛОЖЕНИЯ

Эти самостоятельные, хотя и взаимосвязанные, предания с самого начала выделялись на фоне долгой многоплановой истории Валар, эльфов и людей в Валиноре и в Великих землях. «Утраченные сказания» остались незавершенными, и в последующие годы отец отошел от прозы и начал работу над длинной поэмой под названием «Турин, сын Хурина, и Дракон Глорунд» — впоследствии в отредактированной версии заглавие было изменено на «Дети Хурина». Это произошло в начале 1920-х годов: в то время отец преподавал в Лидском университете. В поэме он использовал древнеанглийскую аллитерационную строку (стих «Беовульфа» и прочих памятников англосаксонской поэзии), воспроизводя средствами современного английского языка жесткие схемы ударений и аллитераций, или «начальных рифм», соблюдаемые поэтами давних времен. Этим искусством отец овладел в совершенстве, причем в самых разных формах — от драматического диалога в «Возвращении Беорхтнота» до плача о павших в битве на Пеленнорских полях. Аллитерационная поэма «Дети Хурина» оказалась гораздо длиннее всех прочих его произведений, написанных тем же стихом, и насчитывала больше двух тысяч строк. Однако отец задумывал поэму с таким небывалым размахом, что даже в том виде, как есть, на момент, когда работа была прервана, повествование дошло только до нападения Дракона на Нарготронд. Учитывая, сколько еще материала «Утраченных сказаний» предстояло вместиť, при такой масштабности потребовалась бы не одна тысяча строк. Вторая версия, оборванная на более раннем эпизоде, почти вдвое длиннее соответствующего фрагмента первого варианта.

В той части легенды о детях Хурина, что пересказана в аллитерационной поэме, исходная история «Книги утраченных сказаний» была существенно расширена и обогатилась новыми подробностями. В частности, только теперь возникает огромный подземный город-крепость Нарготронд, а также и обширные земли, ему подвластные (один из ключевых элементов не только легенды о Турине и Низнор, но истории Древних Дней Средиземья в целом), вместе с описанием возделываемых нарготрондскими эльфами угодий. Такого рода упоминаний о «мирных занятиях» древнего мира в текстах содержится очень немного. Идя на юг вдоль реки Нарог, Турин и его спутник (в настоящей книге — Гвиндор) обнаруживают, что земли у входа в Нарготронд, по всей видимости, покинуты:

...Придя к владеньям, возделанным ревностно, Затоны в цвету и тучные выгоны Миновали, не видя
вовсе жителей, «И поле, и пашни, и пастбища Нарога, Изобильные земли средь буйства зелени
Меж утесом и потоком. Мотыги забытые В полях валялись; лестницы брошены Средь спутанной
поросли пышных садов. Деревья украдкой кронами буйными Качали, все примечая; чутко
вслушивались Высокие травы; солнце палило И лист, и луг; но хлад пробирал их...

Так двое путников приходят к вратам Нарготронда в ущелье Нарога:

Грозных кряжей крепкие плечи Нависли сверху над водами быстрыми; Укрыта под кронами,
терраса отвесная Простерлась просторно, истертая гладко «На лоне скалистых склонов
изваяна. Врата темные тусклой громадой Прорублены ровно; прочные балки, Столпы и своды, и
сваи — из камня.

Эльфы берут чужаков в плен, уводят внутрь — и ворота за ними закрываются:

Со скрипом и скрежетом на крепких петлях Врата тяжкие натужно стронулись, Точно гром
грянул — затворились с лязгом. В переходах нехоженных глухое эхо Отозвалось зловеще под сводом
незримым. Луч поблек. Повлекли их далее Коридорами долгими сквозь пределы тьмы; Направляли
воины их неверную поступь, Вот слабый блик пламенных факелов Блеснул пред ними; невнятный
гул «Голоса бесчисленные сонмов несметных» Вдали послышался. Взнеслись ввысь своды. За
поворотом резким разом предстал им Тайный чертог, застывший в безмолвии: Сотни сошлись здесь
в сумерках неохватных Под куполом каменным, канувшим в тень, Дожидаясь немо.

Однако в тексте «Детей Хурина», приведенном в данной книге (), нам сообщается лишь нижеследующее:

И поднялись они, и, покинув Эйтель Иврин, направились на юг вдоль берегов Нарога; там захватили их эльфы-дозорные и привели как пленников в потаенную крепость.

Так Турин пришел в Нарготронд.

Отчего же так вышло? Ниже я попытаюсь ответить на этот вопрос.

Все то, что написано о Турине аллитерационным стихом, практически наверняка создано в Лидсе; отец забросил работу над поэмой в конце 1924 года или в начале 1925-го, почему — неизвестно. На

что он затем переключился, загадки не представляет: летом 1925 года он взялся за новую поэму под названием «Лэ о Лейтиан», «Избавление от оков», для которой выбрал совершенно иной стихотворный размер: восьмисложные парнорифмованные двустушия. Таким образом, отец принялся за второе из преданий, которое много лет спустя, в 1951 году, охарактеризовал как полно разработанное, самодостаточное — и, однако ж, связанное «с историей в целом»: сюжетом для «Лэ о Лейтиан» послужила легенда о Берене и Лутиэн. Над второй длинной поэмой отец работал на протяжении шести лет и в свой черед забросил ее в сентябре 1931 года, написав более 4000 строк. Подобно своему предшественнику, аллитерационному «Лэ о детях Хурина», эта поэма знаменует собою существенный шаг вперед в эволюции легенды в сравнении с исходной историей Берена и Лутиэн в «Книге утраченных сказаний».

В ходе работы над «Лэ о Лейтиан» в 1926 году отец написал «Очерк мифологии», предназначенный для Р. У. Рейнолдса, своего бывшего учителя из бирмингемской школы короля Эдуарда, «как объяснение предыстории «аллитерационной версии» «Турина и Дракона»». Эта небольшая рукопись (около двадцати печатных страниц), по утверждению самого автора, задумывалась как краткий конспект; повествование ведется в настоящем времени, сжато и емко; и однако ж именно этот текст послужил отправной точкой для последующих вариантов «Сильмариллиона» (хотя самого названия еще не возникло). Но в то время как в «Очерке» изложена вся мифологическая концепция, сказанию о Турине со всей очевидностью отведено почетное место. Действительно, рукопись даже озаглавлена как «Очерк мифологии, имеющий непосредственное отношение к «Детям Хурина»», — что неудивительно, памятуя о том, чего ради текст написан.

В 1930 году создается произведение гораздо более пространное, «Квента Нолдоринва» (то есть «История нолдор»: ведь история эльфов-нолдор — центральная тема «Сильмариллиона»). «Квента» восходит непосредственно к «Очерку»; даже при том, что текст обогащается новыми подробностями и обретает законченность, отец тем не менее воспринимал «Квенту» как своего рода *резюме*, краткое изложение гораздо более обширных художественных замыслов — что в любом случае явствует из подзаголовка: «*краткая история* [нолдор], почерпнутая из «Книги утраченных сказаний»».

Не следует забывать, что на тот момент «Квента» отображала в себе (пусть отчасти и схематично) «вымышленный мир» моего отца в полном объеме. Не историю Первой Эпохи, как впоследствии; ведь ни о Второй Эпохе, ни о Третьей речь пока не шла; не было еще ни Нуменора, ни хоббитов, ни тем более Кольца. История завершалась Великой Битвой, в которой другие Боги (Валар) наконец-то побеждали Моргота: его «выбросили через Дверь Вневременной Ночи, за пределы Стен Мира, в Пустоту». В конце «Квенты» отец приписал: «На том *завершаются сказания* о предначальных днях северных земель западного мира».

Таким образом, может показаться странным, что «Квента» 1930 года является тем не менее единственным (после «Очерка») завершенным текстом «Сильмариллиона»; однако, как оно случалось нередко, на эволюции его произведения сказывалось давление извне. Позже, в 1930-х годах, за «Квентой» последовала новая версия — красиво переписанная и, наконец, озаглавленная как «Квента Сильмариллион, История Сильмарилли». Она была или должна была стать — куда длиннее предшествующей «Квента Нолдоринва», но по-прежнему воспринималась как по сути *конспект* мифов и легенд (которые сами по себе, будучи пересказаны полностью, оказываются совершенно иными по своей природе и масштабу). Концепция произведения вновь определена в заглавии: «Квента Сильмариллион... Эта *история в сжатом виде* почерпнута из многих древних преданий; ибо все, что в ней содержится, встарь, да и по сей день, эльдар Запада пересказывают куда подробнее в иных повестях и песнях».

Вполне вероятно, что отцовский замысел «Сильмариллиона» возник благодаря тому, что так называемая «Квента» — фаза работы в 1930-х годах началась со сжатого конспекта, составленного с определенной целью; затем, на протяжении последующих этапов, «Квента» увеличивалась в объеме и прорабатывалась в деталях, пока не утратила конспективности, но тем не менее сохранила от исходной формы характерную «единообразность» стиля. В ином месте я писал, что «сжатость и конспективность «Сильмариллиона», наводящего на мысль о многих веках поэзии и «тайного знания» рождает сильнейшее ощущение «нерассказанных преданий» даже в процессе рассказывания; «удаленность» никуда не исчезает. Повествование развивается неспешно, нет гнетущего страха в преддверии стремительно надвигающегося, неведомого события. Сильмарилей мы в сущности не видим — так, как видим Кольцо».

Однако в этой форме «Квента Сильмариллион» внезапно оборвалась в 1937 году — как оказалось, решительно и навсегда. 21 сентября того года «Джордж Аллен энд Анвин» выпустили книгу «Хоббит», а вскоре, по просьбе издательства, отец послал им несколько своих рукописей; в Лондон они прибыли 15 ноября 1937 года. В их числе была и неоконченная «Квента Сильмариллион» — текст обрывался на середине фразы внизу страницы. Даже не имея на руках рукописи, отец тем не менее продолжил набрасывать дальнейшее развитие событий и довел повествование до бегства Турина из Дориата и его ухода в разбойники:

...пройдя через границы королевства, собрал он вокруг себя отряд бездомных, отчаявшихся бродяг: немало таких скрывалось в глуши в те черные дни и нападало на любого встречного, будь то эльф, человек или орк.

Таков ранний вариант отрывка, приведенного в тексте настоящей книги на с. 100, в начале главы «Турин среди изгоев».

Отец дошел до этих слов к тому моменту, как «Квента Сильмариллион» и прочие рукописи вернулись к нему, и три дня спустя, 19 декабря 1937 года, сообщил в «Аллен энд Анвин»: «Я написал первую главу новой истории про хоббитов — «Долгожданные гости»»*.

Именно тогда непрерывная, развивающаяся традиция «Сильмариллиона» в виде конспективного «Квента»-варианта оборвалась — в самый разгар событий, на эпизоде ухода Турина из Дориата. На протяжении последующих лет продолжение истории существовало в виде простой, сжатой, неразработанной «Квенты» 1930 года — так сказать, «замороженной», в то время как с написанием «Властелина Колец» возникали грандиозные построения Второй и Третьей Эпох. Но дальнейшее развитие событий имело кардинально-важное значение в контексте древних легенд. Ведь в заключительных преданиях (заимствованных из исходной «Книги утраченных сказаний») рассказывалась горестная история Хурина, отца Турина, после того, как Моргот освободил его, а также и повесть гибели эльфийских королевств Нарготронда, Дориата и Гондолина, о которых Гимли пел в копиях Мории спустя много тысяч лет:

Был светел мир в оправе скал
В былые дни — еще не пал
Ни Нарготронд, ни Гондолин;
За волны Западных пучин
Ушли владыки их с тех пор...

Именно такое грандиозное завершение автор провидел для общего целого: обреченность эльфов-нолдор в их долгой борьбе против мощи Моргота и роль Хурина с Туринном в этой истории; и в финале — сказание об Эарендиле, которому удалось спастись при гибели Гондолина в огне.

Когда много лет спустя в начале 1950-х годов был закончен «Властелин Колец», отец смело и решительно взялся за «предания Древних Дней», что ныне стали «Первой Эпохой»; и за последующие несколько лет извлек на свет немало старых рукописей. Именно тогда, вернувшись к «Сильмариллиону», он испещрил аккуратный текст под названием «Квента Сильмариллион» исправлениями и дополнениями; процесс редактуры прервался в 1951 году, прежде, чем автор дошел до истории Турина, в то время как «Квента Сильмариллион» была заброшена в 1937 году, с возникновением «новой истории про хоббитов».

Отец приступил к переработке «Лэ о Лейтиан» (стихотворной поэмы, повествующей о Берене и Лутиэн; работа над ней была прервана в 1931 году) и вскоре произведение изменилось до неузнаваемости и заметно усовершенствовалось; однако порыв иссяк и в конце концов поэма была заброшена. Отец взялся за новый труд, задумав длинную повесть о Берене и Лутиэн в прозе, основанную на переработанном «Лэ»; но и она осталась неоконченной. Таким образом, желание отца, засвидетельствованное в последовательных попытках пересказать первое из «великих преданий» в желанном масштабе, так и не осуществилось.

В то же самое время отец вновь обратился к «великому преданию» о Падении Гондолина, что до поры существовало лишь в составе «Утраченных сказаний», написанных около тридцати пяти лет назад, и в виде небольшого фрагмента на нескольких страницах в тексте «Квента Нолдоринва» 1930 года. Автору в расцвете творческих сил предстояло представить связно, во всех ее аспектах, примечательную повесть, с чтением которой он некогда выступил в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа в 1920 году и которую на протяжении всей жизни воспринимал как ключевой элемент Древних Дней. Повесть эта особым образом связана с историей Турина: Хурин, отец Турина, и Хуор, отец Туора, приходятся друг другу братьями. Хурин и Хуор в отрочестве побывали в эльфийском городе Гондолине, сокрытом в кольце высоких гор, как рассказывается в «Детях Хурина» (); впоследствии в Битве Бессчетных Слез они вновь встречаются с Тургоном, королем Гондолина, и Тургон говорит им (): «Недолго теперь оставаться Гондолину сокрытым от чужих глаз, а, как только обнаружат город, суждено ему пасть». На что Хуор отвечает: «Однако ж, если выстоит город еще немного, тогда из дома твоего явится надежда эльфов и людей. Вот что я скажу тебе, владыка, в смертный мой час: хотя расстанемся мы сейчас навсегда, и не увижу я вновь твоих белокаменных стен, от тебя и меня родится и взойдет над миром новая звезда».

Пророчество исполнилось, когда Туор, двоюродный брат Турина, явился в Гондолин и женился на Идрили, дочери Тургона, ибо их сын Эарендил, спасшийся из Гондолина, стал «новой звездой» и

«надеждой эльфов и людей». Впоследствии в прозаическом повествовании «Падение Гондолина», начатом, по всей видимости, в 1951 году, отец рассказал о странствии Туора и его провожатого, эльфа Воронвэ. В пути, оказавшись в безлюдной глуши, они услышали в лесу чей-то крик:

Вскоре меж деревьев появился высокий человек в доспехе и черных одеждах, с длинным обнаженным мечом в руке; и меч тот показался им большим дивом, ибо он тоже был черным — лишь края клинка сияли холодным блеском.

Это был Турин, спешащий прочь от разграбленного Нарготронда (); однако Туор и Воронвэ не заговорили с ним и не остановили его; «они не знали, что Нарготронд пал, и что человек этот — Турин, сын Хурина, Черный Меч. Так, всего один раз, и то лишь на миг, сошлись пути двух родичей, Турина и Туора».

В новом сказании о Гондолине отец привел Туора на вершину Окружных гор, откуда взору его открылись равнина и Сокрытый город; как ни печально, здесь автор прервался и продолжать повествование не стал. Вот так и в «Сказании о Гондолине» отец не осуществил своего замысла; мы не увидели ни Нарготронда, ни Гондолина сквозь призму позднего авторского восприятия.

Я уже писал, что «закончив с великим «вторжением» и распрощавшись с «Властелином Колец» отец, по всей видимости, вернулся к Древним Дням, рассчитывая возродить куда более грандиозный размах, с которого он начинал давным-давно, в «Книге утраченных сказаний». Он по-прежнему задавался целью завершить «Сильмариллион», однако «великие предания», развившиеся на основе исходных вариантов, — *откуда предстояло заимствовать последние главы*, — так и не были закончены». Все это справедливо и по отношению к «великому преданию» о «Детях Хурина»; однако в данном случае отец продвинулся гораздо дальше, хотя так и не сумел привести значительную часть поздней, существенно расширенной версии в готовый и законченный вид.

Вернувшись к «Лэ о Лейтиан» и к «Падению Гондолина», отец одновременно вновь взялся за работу над «Детями Хурина», но обратился уже не к детству Турина, а к фрагментам более поздним — к кульминации его трагической истории после падения Нарготронда. В настоящей книге этот текст представлен начиная с главы «Возвращение Турина в Дорломин» () и до его смерти. Отчего отец на сей раз отказался от обычной своей практики начинать все заново с самого начала, я объяснить не могу. Однако в данном случае он оставил среди прочих бумаг также и великое множество поздних (без указания даты) текстов на тему истории Турина — от его рождения и до разграбления Нарготронда, причем старые варианты были существенно расширены и обогатились подробностями, до сих пор неизвестными.

Несомненно, произведение это по большей части, если не целиком, создавалось в период непосредственно после публикации «Властелина Колец». В те годы автор воспринимал «Детей Хурина» как основополагающее предание конца Древних Дней и на протяжении долгого времени посвящал ему все свои помыслы. Однако теперь, когда история заметно усложнилась в том, что касается и событий, и персонажей, свести ее к жесткой повествовательной структуре оказалось непросто; действительно, один из пространных фрагментов существует в виде мешанины разрозненных черновиков и набросков сюжета.

И тем не менее по завершении «Властелина Колец» предание «Дети Хурина» в последнем его варианте — это основное и важнейшее художественное произведение о Средиземье. Жизнь и смерть Турина изображены ярко, живо и убедительно — среди народов Средиземья равных этой истории вряд ли сыщется. По этой самой причине я попытался, на основе долгого изучения рукописей, в рамках настоящей книги создать текст, представляющий собою непрерывное повествование от начала и до конца, — полностью исключив чужеродные для авторского замысла элементы.

В «Неоконченных преданиях», опубликованных более четверти века назад, я частично привел текст расширенного варианта этой повести, известного под названием «Нарн», от эльфийского «Нарн и Хин Хурин», «Повесть о детях Хурина». Но то был лишь один из фрагментов внушительного сборника, вобравшего в себя материал самый разнородный; кроме того, текст был далеко не полон, в соответствии с общим замыслом и назначением книги. Я опустил целый ряд существенных эпизодов (один из них — весьма длинный) там, где текст «Нарн» достаточно близко соответствовал гораздо более сжатому варианту «Сильмариллиона», или там, где я решил, что самостоятельный «развернутый» вариант привести невозможно.

Таким образом, форма «Нарн» в данной книге во многом отличается от варианта «Неоконченных преданий»: отчасти благодаря тому, что после публикации вышеупомянутой книги я гораздо тщательнее изучил внушительную коллекцию рукописей. В результате я пришел к иным выводам по поводу взаимосвязанности и последовательности некоторых текстов, главным образом в

отношении чрезвычайно запутанной эволюции легенды в эпизоде «Турин среди изгоев». Ниже приводится описание и объяснение компоновки нового текста «Детей Хурина».

Важная составляющая процесса — это особый статус опубликованного «Сильмариллиона»: в первой части Приложения я уже упоминал о том, что, взявшись за «Властелина Колец» в 1937 году, мой отец прервал работу над текстом «Квента Сильмариллион» в том месте, до которого успел дойти (бежав из Дориата, Турин становится изгоем). Составляя связный текст для опубликованной книги, я широко пользовался «Анналами Белерианда» (изначально — «Повесть Лет»), которые в последующих версиях расширялись, обрастали новыми подробностями и превращались в летописное повествование, параллельное последовательности рукописей «Сильмариллиона». Доходило это повествование до освобождения Хурина Морготом после гибели Турина и Низнор.

Так, первый эпизод, опущенный мной в варианте «Нарн и Хин Хурин» в «Неоконченных преданиях» (с. 58 и примечание 1), — рассказ о пребывании юных Хурина и Хуора в Гондолине. Я исключил его просто-напросто потому, что эта история пересказывается в «Сильмариллионе» (с. 158–159). На самом деле отец записал ее в двух вариантах, один из которых со всей определенностью предназначался в начало «Нарн», но очень близко совпадал с фрагментом «Анналов Белерианда» и от начала до конца от него практически не отличается. В «Сильмариллионе» я использовал оба текста, здесь следовал версии «Нарн».

Второй фрагмент, выпущенный мною из «Нарн» в «Неоконченных преданиях» (с. 65–66 и примечание 2) — это рассказ о Битве Бессчетных Слез; он изъят по той же самой причине. И здесь тоже отец написал две версии: одну — в «Анналах», и вторую — гораздо позже, но имея перед глазами текст «Анналов» и по большей части близко ему следуя. Это второе повествование о великой битве тоже со всей определенностью должно было войти в «Нарн» (текст озаглавлен «Нарн II», то есть второй раздел «Нарн»). В самом его начале в настоящем издании (объявляется: «Здесь же речь пойдет лишь о тех деяниях, что имеют отношение к судьбе Дома Хадора и детей Хурина Стойкого». По этой причине отец взял из текста «Анналов» только описание «западной части поля боя» и уничтожение воинства Фингона; благодаря этому упрощению и сокращению повествования он изменил описание хода битвы, приведенное в «Анналах». В «Сильмариллионе» я, конечно же, следовал «Анналам», хотя несколько деталей заимствовал из версии «Нарн»; в данной книге я придерживался текста, подготовленного отцом специально для «Нарн».

После главы «Турин в Дориате» новая версия заметно отличается от варианта, приведенного в «Неоконченных преданиях». Существует огромное количество текстов (многие из которых — не более чем наброски), имеющих отношение к одним и тем же элементам сюжета на разных этапах развития; и, безусловно, подходы к этому материалу возможны самые разные. Сегодня мне кажется, что при составлении текста «Неоконченных преданий» я позволил себе больше редакторской свободы, нежели было необходимо. В данной книге я пересмотрел исходные рукописи и переработал текст, во многих (как правило, очень незначительных) местах восстановив первоначальные формулировки, добавив фразы или небольшие фрагменты, которых не следовало опускать, исправив ряд ошибок и выбрав иные прочтения из числа нескольких возможных.

Что касается структуры повествования в рамках этого периода жизни Турина, от его бегства из Дориата до пристанища разбойников на Амон Руд, отец держал в уме несколько сюжетообразующих «элементов»: суд Тингола над Турином; дары Тингола и Мелиан Белегу; дурное обращение изгоев с Белегом в отсутствие Турина; встречи Турина и Белега. Отец по-разному располагал эти элементы по отношению друг к другу, помещая фрагменты диалога в разный контекст, однако никак не мог свести их к устоявшемуся «сюжету», «выяснить, что случилось на самом деле». Но теперь, после многих дополнительных изысканий, мне стало ясно, что отец и впрямь добился в этой части истории убедительной композиции и логической последовательности, прежде чем отложил ее в сторону; более того, сокращенный вариант повествования, составленный мною для опубликованного «Сильмариллиона», с ним вполне согласуется — за одним-единственным отличием.

В «Неоконченных преданиях» есть и третья лакуна (на с. 96): повествование обрывается в тот момент, когда Белег, наконец-то отыскав Турина среди изгоев, никак не может убедить его вернуться в Дориат (с. 106–110 нового текста) — и возобновляется со встречи разбойников с Малыми гномами. Для заполнения этого пробела я вновь дал ссылку на «Сильмариллион», отметив, что далее в истории следует прощание Белега с Турином и его возвращение в Менегрот, «где он получает от Тингола меч Англахель, а от Мелиан — *лембас*». Очевидно, что эту версию отец отверг: «на самом деле случилось» вот что — Тингол вручил Белегу Англахель после суда над Турином, когда Белег впервые отправился на поиски друга. Поэтому в данном тексте дарение меча происходит именно в этот момент (), а про *лембас* не говорится ни слова. В более позднем эпизоде, когда Белег возвращается в Менегрот, отыскав Турина, в новом варианте уже не упоминается про Англахель, зато повествуется о даре Мелиан.

Здесь уместно отметить, что я исключил из текста два фрагмента вводного характера,

содержащихся в «Неоконченных преданиях»: рассказ о том, как Дракониий Шлем стал достоянием Хадора Дорломинского («Неоконченные предания», с. 75) и о происхождении Саэроса («Неоконченные предания», с. 77). В связи с этим нужно упомянуть, что, внимательно сопоставив рукописи, я убедился доподлинно: отец отказался от имени *Саэрос* и заменил его именем *Оргол* [*Orgol*], которое в силу «лингвистической случайности» совпадает с древнеанглийским словом *orgol, orgel* 'гордость, гордыня'. Но я решил, что менять вариант «Саэрос» слишком поздно.

Основной пробел в тексте «Неоконченных преданий» (с. 104) заполнен в данном издании на страницах 144–182, начиная от конца главы «О гноме Миме» и включая главы «Земля Лука и Шлема», «Смерть Белега», «Турин в Нарготронде» и «Падение Нарготронда».

В этой части «саги о Турине» исходные рукописи, версия «Сильмариллиона», разрозненные фрагменты, собранные в приложении к «Нарн» в «Неоконченных преданиях» и новый текст данного издания соотносятся между собою весьма запутанным образом. Я всегда полагал, что отец намеревался со временем, закончив к вящему своему удовлетворению «великое предание» о Турине, создать на его основе существенно более сжатый вариант той же самой истории «в стиле «Сильмариллиона»». Но, разумеется, этого не произошло; так что я, теперь вот уже более тридцати лет назад, взялся за странную задачу: попытаться симитировать то, чего отец так и не сделал — написать «Сильмариллионовскую» версию позднего варианта данной истории, при этом опираясь на разнородные материалы «развернутой версии», то есть «Нарн». В составе опубликованного «Сильмариллиона» это — глава 21.

Таким образом, текст данной книги, заполняющий обширную лакуну в тексте «Неоконченных преданий», основан на том же самом исходном материале, что и соответствующий фрагмент «Сильмариллиона» (с. 204–215), однако в каждом случае материал этот используется в разных целях, причем новый текст учитывает выводы, сделанные на основе более внимательного изучения беспорядочных черновых набросков, пометок и их хронологической последовательности. Многое из того, что содержится в исходных рукописях, но было опущено или сокращено в «Сильмариллионе», по-прежнему доступно; однако там, где к версии «Сильмариллиона» добавить нечего (как в эпизоде смерти Белега, заимствованного из «Анналов Белерианда»), она просто-напросто повторяется.

В результате, в то время как мне пришлось вводить там и тут соединительные абзацы, совмещая воедино разрозненные черновики, в пространном тексте настоящего издания отсутствует какой бы то ни было элемент чужеродного «домысла», пусть даже самый мелкий. И тем не менее текст этот — искусственен, иначе и быть не может; тем более что обширный корпус рукописей представляет собою непрерывную эволюцию истории как таковой. Черновики, необходимые для создания непрерывного повествования, на самом деле могут относиться к этапу более раннему. Так, если обратиться к примеру ближе к началу, то первичный текст о приходе Туринова отряда на холм Амон Руд, о найденном на вершине убежище, о жизни изгоев там и о мимолетном расцвете земли Дор-Куартол был написан еще до того, как стало известно хоть что-либо о Малых гномах; более того, вполне сложившееся описание дома Мима на вершине холма возникло прежде самого Мима.

В оставшейся части предания (начиная от возвращения Турина в Дорломин), которую отец облек в законченную форму, данный текст, естественно, очень мало отличается от варианта «Неоконченных преданий». Но в двух местах в рассказе о нападении на Глаурунга в ущелье Кабед-эн-Арас я позволил себе исправить слова автора: и эти подробности нуждаются в пояснении.

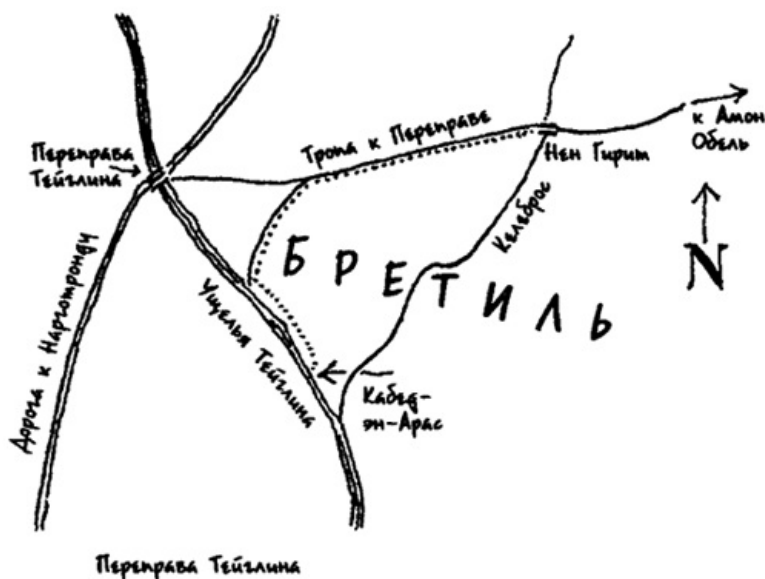
В первом случае речь пойдет о географии. Говорится, что, когда в роковой вечер Турин и его спутники пустились в путь от водопада Нен Гирит, они пошли не напрямик к Дракону, залегшему на противоположной стороне ущелья, но сперва двинулись по тропе к Переправе Тейглина, и лишь «затем, не доходя до нее, свернули по узкой стежке к югу» () и прошли через лес над рекой в сторону ущелья Кабед-эн-Арас. В исходном тексте данного отрывка говорилось, что по мере их приближения к ущелью «позади, на востоке, замерцали первые звезды».

В ходе подготовки текста для «Неоконченных преданий» я не заметил, что такое невозможно — ведь они со всей очевидностью двигались не в западном направлении, а на восток или на юго-восток, удаляясь от Переправы, так что первые звезды на восточном небе должны быть у них впереди, а не позади. Рассматривая этот отрывок в книге «Война за Самоцветы» (1994, с. 157), я принял версию о том, что «узкая стежка», уводящая на юг, на пути к Тейглину в какой-то момент вновь свернула на запад. Сейчас эта гипотеза кажется мне маловероятной, ибо повествованием никак не подкрепляется; куда более простым решением представляется исправить «позади» на «впереди». В данном тексте так я и сделал.

Схематическая карта, приведенная мною в «Неоконченных преданиях» (с. 149) с целью проиллюстрировать характер местности, не лучшим образом ориентирована по странам света. На отцовской карте Белерианда, воспроизведенной мною для «Сильмариллиона», видно, что Амон

Обель находился практически четко на востоке от Переправы Тейглина («из-за холма Амон Обель встала луна», с. 244), и в той его части, где располагались ущелья, Тейглин тек на юго-восток или юго-юго-восток. Потому я перерисовал карту, а также указал на ней приблизительное местонахождение ущелья Кабед-эн-Арас (в тексте говорится, что «точно на пути Глаурунга разверзлось одно из таких ущелий, отнюдь не самое глубокое, зато самое узкое, чуть севернее впадения Келеброса»).

Вторая подробность касается рассказа о том, как Глаурунг был убит при переправе через теснину. Этот фрагмент представлен в виде черновика и конечного варианта. В черновой версии Турин и его спутники вскарабкались вверх по дальнему склону ущелья до самой кромки обрыва; кое-как уцепившись там, они прождали всю ночь, и Турин «боролся с темными, исполненными ужаса снами, и в снах этих всю свою волю вложил в то, чтобы удержаться, уцепиться покрепче и не упасть». С наступлением дня Глаурунг изготовился перебираться через ущелье «за много шагов к северу», так что Турину пришлось спуститься к реке и вновь подняться по склону, чтобы подобраться снизу к драконьему брюху.

В окончательном варианте (с. 238) Турин и Хунтор поднялись по дальнему склону не до конца, когда Турин сказал, что они напрасно тратят силы, карабкаясь вверх, ибо пока еще неизвестно, где именно Глаурунг станет перебираться; «потому остановились они и стали ждать». В тексте не говорится, что они снова спускались вниз, и описание сна Турина, в котором «всю свою волю вложил он в то, чтобы удержаться и не упасть», вновь заимствовано из черновика. Но в отредактированной версии им нет необходимости цепляться за склон: они вполне могут спуститься на дно ущелья и подождать там. На самом деле, именно так они и поступили: в окончательном варианте («Неоконченные предания», с. 134) говорится, что они стояли не на самой дороге у Глаурунга и что Турин «пробирался вдоль потока под брюхо к Дракону». На тот момент казалось, что конечный текст содержит в себе ненужную подробность, унаследованную от предшествующего черновика. Ради связности повествования я исправил «стояли не на самой дороге у Глаурунга» на «чуть в стороне от пути Глаурунга», и «пробирался вдоль потока» на «вскарабкался вдоль утеса» ().

Все эти детали сами по себе — сущие мелочи, но они проясняют одно из самых значимых событий в легендах Древних Дней — и эпизоды, оживающие перед внутренним взором особенно наглядно и ярко.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Названия, встречающиеся на карте Белерианда, отмечены звездочкой (*).

Агарваэн (*Agarwaen*) 'Запятнанный кровью'; имя, взятое Турином по приходе в Нарготронд.

Аданэдель (*Adanedhel*) 'Эльф-человек'; имя, данное Турину в Нарготронде.

Азагхал (*Azaghâl*) правитель гномов Белегоста.

Айнур (*Ainur*) 'Священные', первые существа, созданные Илуватаром до сотворения Мира: Валар и Майар («существа того же чина, что и Валар, но уступающие им в могуществе»).

Алгунд (*Algund*) человек из Дор-ломина, один из отряда изгоев, к которому примкнул Турин.

Амон Дартир (*Amon Darthir*)* горный пик в цепи Эред Ветрин к югу от Дор-ломина.

Амон Обель (*Amon Obel*)* холм в лесу Бретель, на котором было выстроено селение Эффель Брандир.

Амон Руд (*Amon Rúdh*)* 'Лысый холм', отдельно стоящая гора в земле к югу от Бретиля; жилище Мима.

Амон Этир (*Amon Ethir*) 'Холм Дозорных', огромная земляная насыпь, воздвигнутая Финродом Фелагундом в лиге к востоку от Нарготронда.

Анах (*Anach*)* перевал, уводящий вниз от Таур-ну-Фуин в западной оконечности Эред Горгорот.

Ангбанд (*Angband*) огромная крепость Моргота на северо-западе Средиземья.

Англахель (*Anglachel*) меч Белега, подарок Тингола; после того, как его перековали для Турина, меч стал называться *Гуртанг*.

Ангрод (*Angrod*) третий сын Финарфина; погиб в битве Дагор Браголлах.

Ангуирель (*Anguirel*) меч Эола.

Андрог (*Andróg*) человек из Дор-ломина; предводитель отряда изгоев, к которому примкнул Турин.

Анфауглит (*Anfauglith*)* 'Удушливая Пыль', огромная равнина к северу от Таур-ну-Фуин; некогда поросшая зеленой травой, она называлась *Ард-гален*; в ходе Битвы Внезапного Пламени Моргот превратил ее в пустыню.

Аранрут (*Aranrúth*) 'Гнев Короля', меч Тингола.

Арверниэн (*Arvernien*)* побережье Белерианда к западу от устьев Сириона; упоминается в песне Бильбо в Ривенделле.

Арда (*Arda*) Земля.

Арминас (*Arminas*) эльф-нолдо, пришедший вместе с Гельмиром в Нарготронд, чтобы предупредить Ородрета об опасности.

Аррох (*Arroch*) конь Хурина.

Арэдель (*Aredhel*) сестра Тургона, жена Эола.

Асгон (*Asgon*) человек из Дор-ломина; помог Турину бежать после того, как тот убил Бродду.

Аэрин (*Aerin*) родственница Хурина из Дор-ломина; стала женой Бродды-Восточанина.

Барагунд (*Baragund*) отец Морвен; двоюродный брат Берена.

Барад Эйтель (*Barad Eithel*) 'Башня Истока', крепость нолдор у Эйтель Сирион.

Барахир (*Barahir*) отец Берена; брат Бреголаса.

Бар-эн-Данвед (*Bar-en-Danwedh*) 'Дом-Выкуп', название, которое Мим дал своему жилищу

Бар-эн-Нибин-ноэг (*Bar-en-Nibin-noeg*) 'Дом Малых гномов' на холме Амон Руд.

Бар Эриб (*Bar Erib*) крепость в земле Дор-Куартол к югу от холма Амон Руд.

Бауглир (*Bauglir*) 'Притеснитель', прозвище Моргота.

Белег (*Beleg*) эльф из Дориата, великий лучник; друг и соратник Турина. Прозвище — Куталион 'Могучий Лук'.

Белегост (*Belegost*) 'Великая Крепость', один из двух гномьих городов в Синих горах.

Белегунд (*Belegund*) отец Риан; брат Барагунда.

Белерианд (*Beleriand*) земли к западу от Синих гор в Древние Дни.

Бельтрондинг (*Belthronding*) лук Белега.

Беор (*Bëor*) вождь людей, пришедших в Белерианд первыми; прародитель Дома Беора, одного из трех Домов эдайн.

Берен (*Beren*) человек Дома Беора, возлюбленный Лутиэн; вырезал Сильмариль из короны Моргота; прозвища — Однорукий и *Камлост* 'Пустая Рука'.

Бессчетные Слезы (*Unnumbered Tears*) битва *Нирнаэт Арноэдиад*.

Битва Бессчетных Слез (*Battle of Unnumbered Tears*) см. .

Браголлах (*Bragollach*) см. .

Брандир (*Brandir*) правитель народа Халет в Бретиле на момент прихода Турина; сын Хандира.

Бреголлас (*Bregolas*) отец Барагунда; дед Морвен.

Брегор (*Bregor*) отец Барахира и Бреголаса.

Бретиль (*Brethil*)* лес в междуречье Тейглина и Сириона; *люди Бретиля* — народ Халет.

Бритиах (*Brithiach*) брод через Сирион к северу от леса Бретиль.

Бродда (*Brodda*) восточанин, обосновавшийся в Хитлуме после битвы Нирнаэт Арноэдиад.

Валар (*Valar*) 'Власти', могущественные духи, вступившие в Мир в начале времен.

Валинор (*Valinor*) земля Валар на Западе за Великим морем.

Варда (*Varda*) могущественнейшая из Королев Валар, супруга Манвэ.

Великая Песнь (*Great Song, The*) Музыка Айнур, в которой берет свое начало Мир.

Великий Курган (*Great Mound, The*) см. .

Владыка Вод (*Lord of Waters*) Вала Улмо.

Владыки Запада (*Lords of the West*) Валар.

Владычица Дор-ломина (*Lady of Dor-lómin*) Морвен.

Власти (*Powers, The*) Валар.

Восточане (*Easterlings*) племена людей, пришедшие в Белерианд вслед за эдайн.

Враг (*Enemy, The*) Моргот.

Высокий Фарот (*High Faroth, The*)* нагорья к западу от реки Нарог над Нарготрондом; также Фарот.

Галдор Высокий (*Galdor the Tall*) сын Хадора Златовласого; отец Хурина и Хуора; погиб при обороне крепости Эйтель Сирион.

Гамиль Зирак (*Gamil Zirak*) гном-кузнец, наставник Тельхара Ногродского.

Гаурвайт (*Gaurwaith*) 'люди-волки', разбойничья банда в лесах у западных границ Дориата, к

которой присоединился Турин.

Гваэрон (*Gwaeron*) 'ветренный месяц', март.

Гвиндор (*Gwindor*) эльф из Нарготронда, возлюбленный Финдуилас, спутник Турина.

Гельмир (*Gelmir*) (1) эльф из Нарготронда, брат Гвиндора.

Гельмир (*Gelmir*) (2) эльф-нолдо, пришедший вместе с Арминасом в Нарготронд, чтобы предупредить Ородрета об опасности.

Гетрон (*Gethron*) один из спутников Турина на пути в Дориат.

Гинглим (*Ginglith*)* река, впадающая в Нарог выше Нарготронда.

Глаурунг (*Glaurung*) 'Праотец Драконов', первый из драконов Моргота.

Глитуи (*Glithui*)* река, что берет начало в горах Эред Ветрин и впадает в Тейглин севернее слияния с Малдуином.

Глорфиндель (*Glorfindel*) знатный эльф из Гондолина.

Глорэдель (*Glóredhel*) дочь Хадора, сестра Галдора, отца Хурина; жена Халдира Бретильского.

Год Скорби (*Year of Lamentation*) год битвы *Нирнаэт Арноэдиад*.

Гондолин (*Gondolin*)* сокрытый город короля Тургона.

Горгорот (*Gorgoroth*) см. .

Гортол (*Gorthol*) 'Грозный Шлем', имя, принятое Турином в земле Дол-Куартол.

Горы Тени (*Mountains of Shadow*)* см. .

Готмог (*Gothmog*) Повелитель балрогов; сразил короля Фингона.

Гритнир (*Grithnir*) один из спутников Турина на пути в Дориат; умер в Дориате.

Гуилин (*Guilin*) эльф из Нарготронда, отец Гвиндора и Гельмира.

Гуртанг (*Gurthang*) 'Железо Смерти'; так Турин назвал меч Англахель после того, как клинок перековали в Нарготронде.

Дагор Браголлах (*Dagor Bragollach*) (также *Браголлах*) Битва Внезапного Пламени, в ходе которой Моргот положил конец Осаде Ангбанда.

Даэрон (*Daeron*) менестрель Дориата.

Дети Илуватара (*Children of Ilúvatar*) эльфы и люди.

Дивный народ (*Fair Folk*) эльдар.

Димбар (*Dimbar*)* область в междуречье Сириона и Миндеба.

Димрост (*Dimrost*) 'Лестница Дождя', водопады Келеброса в лесу Бретиль, впоследствии названные *Нен Гурим*.

Дозорный холм (*Spyhill, The*) см. .

Дор-Куартол (*Dor-Cúarthol*) 'Земля Лука и Шлема', название, данное той области, которую защищали Турин и Белег из своего убежища на горе Амон Руд.

Дориат (*Doriath*)* королевство Тингола и Мелиан в лесах Нельдорета и Региона, управляемое из Менегрота, что на реке Эсгалдуин.

Дорлас (*Dorlas*) знатный человек из народа Халет в лесу Бретиль.

Дор-ломин (*Dor-lómin*)* область на юге Хитлума, отданная королем Финголфином в лен Дому Хадора; дом Хурина и Морвен.

Дортонион (*Dorthonion*)* 'Земля Сосен', обширные лесистые нагорья на северных границах Белерианда, впоследствии получившие название *Таур-ну-Фуин*.

Дренгист (*Drengist*)* длинный и узкий морской залив, глубоко вдающийся в цепь Эред Ломин, гор Эха.

Ибун (*Ibun*) один из сыновей Мима, Малого гнома.

Иврин (*Ivrin*)* озеро и водопады под сенью гор Эред Ветрин, где берет начало река Нарог.

Изгнанники (*Exiles, The*) нолдор, восставшие против Валар и возвратившиеся в Срединные земли.

Илуватар (*Ilúvatar*) 'Всеотец'.

Индор (*Indor*) человек из Дор-ломина, отец Аэрин.

Кабед Наэрамарт (*Cabed Naeramarth*) 'Прыжок Злой Судьбы', название ущелья Кабед-эн-Арас после того, как Ниездор бросилась вниз с его утеса.

Кабед-эн-Арас (*Cabed-en-Aras*) 'Олений Прыжок', глубокое ущелье реки Тейглин, где Турин убил Глаурунга.

Келеброс (*Celebros*) река в Бретиле, водопадом низвергающаяся в Тейглин близ Переправы.

Кирдан (*Círdan*) владыка Фаласа, прозванный также Корабелом. При уничтожении Гаваней после битвы Нирнаэт Арноэдиад он бежал на остров Балар на юге.

Криссаэгрим (*Crissaegrim*)* горные пики к югу от Гондолина, где находились гнездовья Торондора.

Куталион (*Cúthalion*) 'Могучий Лук', прозвище Белега.

Кхим (*Khîm*) один из сыновей Мима, Малого гнома; убит стрелой Андрога.

Лабадаль (*Labadal*) прозвище, данное Туринном Садору.

Ладрос (*Ladros*)* земли к северо-востоку от Дортониона, пожалованные королями нолдор людям Дома Беора.

Лалайт (*Lalaith*) 'Смех', прозвище Урвен.

Ларнах (*Larnach*) один из Лесных жителей в землях к югу от Тейглина.

Лесной Дикарь (*Wildman of the Woods*) прозвище, которым назвался Турин, впервые оказавшись среди людей Бретилия.

Лесные жители (*Woodmen*) обитатели лесов к югу от Тейглина, страдавшие от грабителей-гаурвайт.

Лотланн (*Lothlann*) обширная равнина к востоку от Дортониона (*Таур-ну-Фуин*).

Лотрон (*Lothron*) пятый по счету месяц.

Лутиэн (*Lúthien*) дочь Тингола и Мелиан; после смерти Берена предпочла стать смертной и разделить его судьбу. Прозвище — *Тинувиэль*, 'дочь сумерек', то есть соловей.

Люди-волки (*Wolf-men*) см. .

Маблунг (*Mablung*) эльф из Дориата, главный военачальник Тингола, друг Турина; прозван также Охотником.

Малые гномы (*Petty-dwarves*) один из гномьих народов Средиземья; Мим и его двое сыновей были последними уцелевшими представителями этого народа.

Малдуин (*Malduin*)* приток Тейглина.

Манвэ (*Manwë*) главный среди Валар; именуется *Древнейшим Королем*.

Мандос (*Mandos*) Вала, Судия и Страж Чертогов Мертвых в Валиноре.

Маэглин (*Maeglin*) сын Эола Темного эльфа и Арэдели, сестры Тургона; предал Гондолин врагу.

Маэдрос (*Maedhros*) старший сын Феанора; владел землями на востоке за Дортонионом.

Мелиан (*Melian*) Майа (см. статью); королева Дориата, жена короля Тингола; окружила королевство незримой защитной преградой, Поясом Мелиан; мать Лутиэн.

Мелькор (*Melkor*) имя Моргота на языке квенья.

Менегрот (*Menegroth*)* ‘Тысяча Пещер’, чертоги Тингола и Мелиан на реке Эсгалдуин в Дориате.

Менель (*Menel*) небеса, сфера звезд.

Метед-эн-глад (*Methed-en-glad*) ‘Лесной предел’, крепость земли Дор-Куартол на окраине леса к югу от Тейглина.

Мим (*Mîm*) Малый гном, живший на Амон Руд.

Минас Турит (*Minas Tirith*) ‘Башня Стражи’, построенная Финродом Фелагундом на острове Тол Сирион.

Миндеб (*Mindeb*)* приток Сириона между Димбаром и лесом Нельдорет.

Митрим (*Mithrim*)* юго-восточная область Хитлума, отделенная от Дор-ломина горами Митрима.

Младшие Дети (*Younger Children*) см. .

Могучий Лук (*Strongbow*) прозвище Белега; см. .

Морвен (*Morwen*) дочь Барагунда из Дома Беора, жена Хурина и мать Турина и Ниэнор; именуется также Эледвен ‘Эльфийское сияние’ и Владычицей Дор-ломина.

Моргот (*Morgoth*) великий мятежный Вала, изначально — могущественнейший из Властей; его называют также *Враг*, *Темный Властелин*, *Черный Король*, *Бауглир*.

Мормегиль (*Mormegil*) ‘Черный Меч’, прозвище, полученное Турином в Нарготронде.

Нан Эльмот (*Nan Elmoth*)* лес в Восточном Белерианде, обитель Эола.

Нарготронд (*Nargothrond*)* ‘огромная подземная крепость на реке Нарог’, основанная Финродом Фелагундом и уничтоженная Глаурунгом; также королевство Нарготронд, протянувшееся на восток и на запад от реки.

Нарог (*Narog*)* главная река Западного Белерианда, берущая начало у Иврина и впадающая в Сирион близ его устьев. *Народ Нарога* — эльфы Нарготронда.

Невраст (*Nevrast*)* область к западу от Дор-ломина, за горами Эха* (Эред Ломин).

Нейтан (*Neithan*) ‘Безвинно обиженный’, имя, взятое Турином среди разбойников.

Неллас (*Nellas*) эльфийская дева из Дориата, подруга детства Турина.

Нен Гирит (*Nen Girth*) ‘Вода Дрожи’, название, данное Димросту, водопадам Келеброса в Бретиле.

Нен Лалайт (*Nen Lalaith*) речка, берущая начало под сенью Амон Дартир, горного пика в цепи Эред Ветрин, и протекающая мимо дома Хурина в Дор-ломине.

Неннинг (*Nenning*)* река в Западном Белерианде, впадающая в Море у гавани Эгларест.

Нибин-ноэг, Нибин-ногрим (*Nibin-noeg, Nibin-nogrim*) Малые гномы.

Нимбретиль (*Nimbrethil*)* березовые леса в Арверниэне, упомянутые в песне Бильбо в Ривенделле.

Ниниэль (*Níniel*) ‘Слезная Дева’, прозвище, данное Ниэнор Турином в Бретиле.

Нирнаэт Арноэдиад (*Nirnaeth Arnoediad*) Битва ‘Бессчетных Слез’, также *Нирнаэт*.

Ниэнор (*Niënor*) ‘Скорбь’, дочь Хурина и Морвен и сестра Турина; см. .

Ногрод (*Nogrod*) один из двух гномьих городов в Синих горах.

Нолдор (*Noldor*) второй отряд эльдар в Великом Странствии из восточных земель в Белерианд; 'Глубокомудрые эльфы', 'Хранители знания'.

Нуат, Леса (*Núath, Woods of*)* леса, протянувшиеся на запад от верховьев Нарога.

Окружные горы (*Encircling Mountains*) горы, кольцом окружившие Тумладен, равнину Гондолина.

Олений Прыжок (*Deer's Leap, The*) см. .

Орлез (*Orleg*) человек из шайки Турина.

Ородрет (*Orodreth*) король Нарготронда после гибели его брата Финрода Фелагунда; отец Финдуилас.

Оссэ (*Ossë*) Майа (см. статью), вассал Ульмо, Владыки Вод.

Остров Сауона (*Sauron's Isle*) Тол Сирион.

Переправа Тейглина (*Crossings of Teiglin*)* броды в том месте, где древний Южный тракт, ведущий к Нарготронду, пересекал Тейглин.

Пояс Мелиан (*Girdle of Melian*) см. .

Рагнир (*Ragnir*) слепой слуга в усадьбе Хурина в Дор-ломине.

Регион (*Region*)* лес в южной части Дориата.

Риан (*Rían*) двоюродная сестра Морвен; жена Хуора, брата Хурина; мать Туора.

Ривиль (*Rivil*)* река, сбегаящая с Дортониона и впадающая в Сирион у Топи Серех.

Садор (*Sador*) плотник, слуга Хурина в Дор-ломине и друг Турина во времена его детства; Турин дал ему прозвище Лабадал.

Саэрос (*Saeros*) эльф из Дориата, советник Тингола, враждебно настроенный к Турину.

Серех (*Serech*)* обширная топь к северу от Ущелья Сириона, где река Ривиль стекала с Дортониона.

Серые эльфы (*Grey-elves*) синдар, название тех эльдар, что остались в Белерианде и не уплыли за Великое море на Запад.

Синдарский язык (*Sindarin*) наречие Серых эльфов, эльфийский язык Белерианда. См. .

Синие горы (*Blue Mountains*) огромная горная цепь (также называемая *Эред Луин* и *Эред Линдон*) между Белериандом и Эриадором в Древние Дни.

Сирион (*Sirion*)* огромная река Белерианда, бравшая начало у Эйтель Сирион.

Сокрытое Королевство (*Hidden Kingdom, The*) Дориат.

Сокрытые Владения (*Hidden Realm, The*) Гондолин.

Соломенноголовые (*Strawheads*) прозвище, данное народу Хадора восточанами в Хитлуме.

Старшие Дети (*Elder Children*) эльфы. См. .

Сумеречные озера (*Twilit Meres*)* область болот и заводей, там, где Арос впадает в Сирион.

Сыновья Феанора (*Sons of Fëanor*) см. . Семеро его сыновей владели землями в Восточном Белерианде.

Талат Дирнен (*Talath Dirnen*)* 'Хранимая равнина' к северу от Нарготронда.

Тангородрим (*Thangorodrim*) 'Горы Тирании', воздвигнутые Морготом над Ангбандом.

Таур-ну-Фуин (*Taur-nu-Fuin*)* 'Лес под покровом Ночи', новое название Дортониона.

Тейглин (*Teiglin*)* приток Сириона, что брал начало в Тенистых горах и протекал через лес Бретиль. См. .

Тельпериион (*Telperion*) **Тельхар** (*Telchar*) Белое Древо, старшее из Двух Древ, освещавших Валинор. прославленный кузнец из Ногрода.

Темный Властелин (*Dark Lord, The*) Моргот.

Тенистые горы (*Shadowy Mountains*) см. .

Тингол (*Thingol*) 'Серый плащ', король Дориата, верховный владыка Серых эльфов (синдар); взял в жены Мелиан из рода Майар; отец Лутиэн.

Тол Сирион (*Tol Sirion*)* остров на реке в Ущелье Сириона, на котором Финрод построил башню Минас Тирит; впоследствии захвачен Сауроном.

Торондор (*Thorondor*) 'Король Орлов'; ср. «Возвращение Короля» (VI.4): «...старый Торондор, что строил гнезда на недостижимых пиках Окружных гор в пору молодости Средиземья».

Три Дома (*эдайн*) (*Three Houses (of the Edain)*) Дома Беора, Халет и Хадора.

Тумладен (*Tumladen*) сокрытая долина в Окружных горах, где находился город Гондолин.

Тумхалад (*Tumhalad*)* долина в Западном Белерианде в междуречье Гинглита и Нарога, где потерпела поражение армия Нарготронда.

Туор (*Tuor*) сын Хуора и Риан; двоюродный брат Турина и отец Эарендила.

Турамбар (*Turambar*) 'Победитель Судьбы', имя, принятое Турином среди людей Бретилия.

Тургон (*Turgon*) второй сын короля Финголфина и брат Фингона; основатель и король Гондолина.

Турин (*Túrin*) сын Хурина и Морвен, главный герой песни под названием «Нарн и Хин Хурин». О других его именах см. , , , , , (Черный Меч), , .

Тхурин (*Thurin*) 'Сокрытый', прозвище, данное Турину Финдуилас.

Улдор Проклятый (*Uldor the Accursed*) вождь восточан, сраженный в Битве Бессчетных Слез.

Ульмо (*Ulmo*) один из великих Валар, Владыка Вод.

Улрад (*Ulrad*) разбойник из шайки, к которой примкнул Турин.

Умарт (*Úmarth*) 'Злосчастье', вымышленное имя отца, названное Турином в Нарготронде.

Урвен (*Urwen*) дочь Хурина и Морвен, умершая в детстве; прозвана *Лалайт* 'Смех'.

Фалас (*Falas*)* прибрежные земли на западе Белерианда.

Фаэливрин (*Faelivrin*) прозвище, данное Финдуилас Гвиндором.

Феанор (*Fëanor*) старший сын Финвэ, первого вождя нолдор; единокровный брат Финголфина; создатель Сильмарилий; возглавил бунт нолдор против Валар; погиб в битве вскоре после возвращения в Средиземье. См. .

Фелагунд (*Felagund*) 'Прорубающий пещеры', прозвище, данное королю Финроду после постройки Нарготронда; зачастую используется само по себе.

Финарфин (*Finarfin*) третий сын Финвэ, брат Финголфина и единокровный брат Феанора; отец Финрода Фелагунда и Галадриэли. Финарфин в Средиземье не вернулся.

Финголфин (*Fingolfin*) второй сын Финвэ, первого вождя нолдор; Верховный король нолдор, живший в Хитлуме; отец Фингона и Тургона.

Фингон (*Fingon*) старший сын короля Финголфина и Верховный король нолдор после его смерти.

Финдуилас (*Finduilas*) дочь Ородрета, второго по счету короля Нарготронда.

Финрод (*Finrod*) сын Финарфина; основатель и король Нарготронда, брат Ородрета и Галадриэли; часто именуется *Фелагундом*.

Форвег (*Forweg*) человек из Дор-ломина, вожак разбойничьей шайки, к которой примкнул Турин.

Хадор Златовласый (*Hador Goldenhead*) Друг эльфов, владыка Дор-ломина, вассал короля Финголфина; отец Галдора, отца Хурина и Хуора; погиб в крепости Эйтель Сирион в ходе битвы Дагор Браголлах. Дом Хадора — один из Домов эдайн.

Халдир (*Haldir*) сын Халмира Бретильского; женился на Глорэдели, дочери Хадора Дор-ломинского.

Халет (*Haleth*) Владычица Халет, рано ставшая главой Второго Дома эдайн, *халетрим*, или *народа Халет*, обитающего в лесу Бретиль.

Халмир (*Halmir*) правитель людей Бретиля.

Хандир Бретильский (*Handir of Brethil*) сын Халдира и Глорэдели; отец Брандира.

Харет (*Hareth*) дочь Халмира Бретильского, жена Галдора Дор-ломинского; мать Хурина.

Хауд-эн-Эллет (*Haudh-en-Elleth*) 'Курган эльфийской девы' близ Переправы Тейглина, в котором похоронили Финдуилас.

Хауд-эн-Нирнаэт (*Haudh-en-Nirnaeth*) 'Курган Слез' в пустыне Анфауглит.

Хирилорн (*Hirilorn*) огромное буковое дерево с тремя стволами в лесу Нельдорет.

Хитлум (*Hithlum*)* 'Земля Тумана', северная область, ограниченная горами Тени.

Хранимая равнина (*Guarded Plain, The*)* см. .

Хранимое Королевство (*Guarded Realm, The*) Дориат.

Хунтор (*Hunthor*) человек из Дор-ломина, сопровождал Турина на бой с Глаурунгом.

Хуор (*Huor*) брат Хурина; отец Туора, отца Эарендила; погиб в Битве Бессчетных Слез.

Хурин (*Húrin*) владыка Дор-ломина, муж Морвен и отец Турина и Ниэнор; прозвище — Талион 'Стойкий'.

Черный Король (*Black King, the*) Моргот.

Черный Меч (*Black Sword, the*) прозвище Турина в Нарготронде, а также и самого меча. См. .

Шарбхунд (*Sharbhund*) гномье название Амон Руд.

Эдайн (*Edain*) (ед. ч. *адан* (*Adan*)) люди Трех Домов Друзей эльфов.

Эйтель Иврин (*Eithel Ivrin*)* 'Исток Иврины', исток реки Нарог под сенью Эред Ветрин.

Эйтель Сирион (*Eithel Sirion*)* 'Исток Сириона' на восточном склоне Эред Ветрин; крепость нолдор в этом месте, также называемая *Барад Эйтель*.

Эктелион (*Ecthelion*) знатный эльф из Гондолина.

Эледвен (*Eledhwen*) прозвище Морвен, 'Эльфийское сияние'.

Эльдалиэ (*Eldalië*) народ эльфов; то же, что *эльдар*.

Эльдар (*Eldar*) эльфы Великого Странствия из восточных земель в Белерианд.

Эол (*Eöl*) прозван Темным эльфом; великий кузнец, живший в Нан Эльмоте; создатель меча Англахеля; отец Маэглина.

Эред Ветрин (*Ered Wethrin*) ‘Тенистые горы’, ‘горы Тени’, протяженная горная гряда, образующая границу Хитлума на востоке и юге.

Эред Горгорот (*Ered Gorgoroth*)* ‘Горы Ужаса’; здесь нагорье Таур-ну-Фуин, понижаясь к югу, обрывалось вниз отвесными пропастями; также *Горгорот*.

Эсгалдуин (*Esgalduin*)* река Дориата, разделяющая леса Нельдорета и Региона; впадает в Сирион.

Эффель Брандир (*Ephel Brandir*) ‘Ограда Брандира’, огороженное поселение людей Бретиля на холме Амон Обель; также *Эффель*.

Эхад и Седрюн (*Echad i Sedryn*) (также *Эхад*) ‘Стан Верных’, название, данное жилищу Мима на Амон Руд.

Южный тракт (*South Road*) древняя дорога от острова Тол Сирион до Нарготронда, проходившая через Переправу Тейглина.

Эта карта близко воспроизводит ту, что опубликована в составе «Сильмариллиона»; для нее, в свой черед, прообразом послужила карта, нарисованная отцом в 1930-х годах — ею отец пользовался в ходе всей последующей работы, так и не заменив ее на новую. Схематичные изображения гор, холмов и лесов, явно представленные очень выборочно, скопированы в полном соответствии с авторским стилем.

[illegible]

Примечания

ВК, IV. 10. — *Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчика*

HOME IV, 7; пер. О. Гавриковой.

Имеются в виду «Серые Анналы», опубликованные в НОМЕ XI, с. 15; эта же фраза дословно повторена в опубликованном «Сильмариллионе» (глава «О синдар»).

«Анналы Амана», опубликованные в НОМЕ X, с. 133; эта же фраза практически дословно повторена в опубликованном «Сильмариллионе» (глава «О Солнце и Луне»).

«Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

«Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

«Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 55).

«Сильмариллион», глава 19 («О Берене и Лутиэн»).

«Сильмариллион», глава 17 («О приходе людей на Запад»).

«Серые Анналы» (НОМЕ XI, с. 39).

Данное примечание адресовано автором англоязычному читателю. Мы сочли нужным воспроизвести его в русскоязычном издании для удобства соотнесения имен и названий в оригинале и в переводе, а также как теоретическое обоснование использованной в переводе транслитерации при передаче имен собственных на русский язык.

Звук [ð]; в настоящем издании передается через <д>.

В английском языке буква *g* перед гласными *e*, *i*, *u* произносится как «дж»; так, слово *region* читается как «риджен».

То есть «ай», но не «эй».

То есть «ау», но не долгое «о».

В английском языке <ie> дает долгий звук «и».

То есть не [ə:], а «-ир», «-ур».

Однако в ином сказании говорится, будто Мим вовсе не искал встречи с орками преднамеренно. Орки захватили в плен его сына и грозили ему пытками — это и подтолкнуло Мима к предательству. — *Примеч. автора.*

В оригинале — *Thurin*. Строго говоря, средствами русской орфографии имена *Turin* и *Thurin* передаются одинаково (Турин): переднеязычно-зубной щелевой согласный [θ] не имеет точного соответствия в русском языке. Вариант «Тхурин» оригиналу не вполне отвечает; буква «х» добавлена, чтобы обозначить различие между именем и созвучным ему прозвищем.

Ссылка на письмо № 131 к Мильтону Уолдману, датированное концом 1951 года.

Здесь и ниже тексты из «Неоконченных преданий» цитируются в пер. А. Хромовой.

Поздняя «Квента Сильмариллион» (НОМЕ XI, с. 245).

Возможно, цитата из письма № 163 (авторская сноска № 1).